

№ 1, Том 8
2017

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Социология образования:
положение конкретных
социальных групп**

**/Учителя и воспитатели являются
объектами преобразований
и одновременно акторами,
реализующими перемены**

**/Передовой бизнес демонстрирует
социально ответственное
поведение**

**/Своеобразие общественных
движений XXI в. обусловлено
развитием институциональной
среды**

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии РАН;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление» Института менеджмента и бизнеса Опорного Тюменского индустриального университета;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН;

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета (Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела социологии образования Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН;

КОСЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, профессор Регенсбургского университета (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, Первый проректор и заведующий кафедрой социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия)

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – академик КАОН, профессор, вице-президент Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета социологии СПбГУ;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия));

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой теории и истории социологии факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Академии наук Монголии, профессор, директор Монгольской Академии управления (Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia).

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ-ВШЭ;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – старший редактор Редакционно-издательского отдела Института социологии РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления Института социологии РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН, вице-президент Европейской социологической ассоциации (ESA);

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов Центра методологии социологических исследований Института социологии РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

ЗУБОК Ю. А. – доктор социологических наук; профессор, заведующая отделом социологии молодёжи Института социально-политических исследований РАН;

КЛЮЧАРЕВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки Института социологии РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Социология образования: положение конкретных социальных групп»	13
<i>Колесникова Е. М., Митрохина Е. В.</i> Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке	13
<i>Ишкинеева Ф. Ф., Озерова К. А., Кавеева А. Д., Ахметова С. А., Фурсова В. В.</i> Интернациональный характер современного образования: адаптация иностраннных студентов в российском вузе	35
<i>Синица А. Л.</i> Динамика доли групп детей-дошкольников в регионах РФ	55
Акторы модернизации	76
<i>Виттенберг Е. Я.</i> Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса	76
<i>Абрамов Р. Н.</i> Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания.....	114
К методологии научных исследований.....	131
<i>Руткевич Е. Д.</i> Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы западной социологии религии.....	131
<i>Скобелина Н. А.</i> Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений (аналитический обзор)	162

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: “Sociology of Education: The Situation of Concrete Social Groups”	13
<i>Kolesnikova E. M., Mitrokhina E. V.</i> Kindergarten and School Teachers on Working Conditions and Organizational Support	13
<i>Ishkineeva F. F., Ozerova K. A., Kaveeva A. D., Akhmetova S. A., Fursova V. V.</i> The International Nature of Modern Education: Foreign Students’ Adaptation to Russian Universities	35
<i>Sinitza A. L.</i> Dynamic of Preschool Children Groups in the Regions Of Russia	55
Actors of Modernization	76
<i>Vittenberg E. Y.</i> Social Responsibility of Russian Business During Economic Crisis	76
<i>Abramov R. N.</i> Soviet Engineering and Technical Intellectuals from the 1960’S to the 1980’S: Searching for the Boundaries of Collective Consciousness	114
To the Methodology of Scientific Research.....	131
<i>Rutkevich E. D.</i> Religion in the Global Space: Approaches, Definitions and Issues in Western Sociology of Religion	131
<i>Skobelina N. A.</i> Institutional Analysis as a Promising Direction for the Evaluation of Social Movements (An Analytical Overview).....	162

**И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»**

Представляю номер

Тема номера «Социология образования: положение конкретных социальных групп» становится весьма устойчивой в Вестнике. В той или иной форме и под различными ракурсами она рассматривалась в семи номерах журнала, то есть почти в половине всех выпусков. Это свидетельствует о её несомненной актуальности как в социальной реальности, так и в социологическом осмыслении происходящих в сфере образования процессов. В данном случае авторы обратились к анализу тех субъектов, которые так или иначе вовлечены в орбиту образовательной деятельности.

Недостаточное количество учителей и воспитателей, дисбаланс профессиональных групп с точки зрения возраста и стажа являются серьёзными проблемами российского образования. Условия труда особенно важны для удержания в системе общего образования наиболее мотивированных и эффективных специалистов. Этой проблематике посвящена статья Е. М. Колесниковой (Москва) и Е. В. Митрохиной (Самара) «Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке». В ней анализируются оценки воспитателями детских садов и учителями общеобразовательных школ некоторых аспектов условий труда. Результаты исследования позволяют утверждать, что воспитатели и учителя имеют как сходства, так и различия в оценках условий труда и той поддержки, которая им необходима. Объединяет педагогов недовольство их зарплатой, загруженностью работой и величиной эмоциональной нагрузки, а давление гендерных стереотипов в профессиональной культуре воспитателей делает их более уязвимыми на рынке труда.

В условиях глобализации сферы образования существенно расширяются возможности для академической мобильности студентов. Обучение иностранных студентов является значимым показателем престижности современного вуза. В связи с этим современные высшие учебные заведения реализуют программы по привлечению и адаптации учащихся

из других стран. При этом адаптация происходит по-разному у различных групп иностранных студентов в силу целого ряда причин, связанных с новой для них социальной, культурной и языковой средой. Статья [«Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе»](#) казанских социологов [Ф. Ф. Ишкинеевой](#), [К. А. Озеровой](#), [А. Д. Кавеевой](#), [С. А. Ахметовой](#) и [В. В. Фурсовой](#) посвящена анализу моделей и особенностей адаптации четырёх групп иностранных студентов (студенты из стран СНГ, из стран дальнего зарубежья, из стран Европы и США, из Китая) к образовательной среде в Казанском федеральном университете. Показано, что на успешность адаптации иностранных учащихся влияют мотивы поступления в Казанский университет, оценка студентами российского образования в целом и образования в КФУ в частности. Также анализируются отдельные стороны студенческой жизни: характер отношений иностранных учащихся с российскими студентами, местным населением, наличие проблем, связанных с изучением русского языка, организацией быта и досуга.

Резкое повышение рождаемости в России, наблюдаемое с 2007 г., показало, что система дошкольных образовательных организаций оказалась не готова к столь значительному увеличению числа детей дошкольного возраста, что привело к серьёзным социально-экономическим противоречиям. Процессы, происходящие на рынке труда, уровень рождаемости и уход за детьми дошкольного возраста тесно связаны. Зачастую именно особенности последнего определяют динамику изменения показателей рынка труда и уровень рождаемости. Следовательно, при изучении занятости (особенно женской) на любом уровне рождаемости нам необходимо знать некоторые параметры развития сети дошкольных образовательных организаций. Всё это актуализировало тему, рассмотрению которой и посвящена статья [А. Л. Синицы](#) (Москва) [«Динамика доли групп детей-дошкольников в регионах РФ»](#). Целью работы стало изучение изменения долей трёх групп детей (посещающие дошкольные образовательные организации, не посещающие их из-за отсутствия мест или по нежеланию родителей) на уровне субъектов РФ и федеральных округов в 2005–13 гг. Рассматривается институциональный уход за детьми, что связано с тем, что без развитой сети дошкольных образовательных организаций женщины не могут заниматься профессиональной деятельностью вне дома.

Модернизация была и остаётся одним из самых обсуждаемых и дискуссионных предметов отечественного социологического дискурса. Одним из его аспектов является определение субъектов модернизации, то есть тех, кто становится или может стать главным движителем реализации процесса

модернизации. В рубрике [«Акторы модернизации»](#) анализируются два таких субъекта – бизнес и инженерно-техническая интеллигенция.

Статья [Е. Я. Виттенберга](#) (Москва) [«Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса»](#) посвящена анализу социальной ответственности бизнеса на современном историческом этапе, которая рассматривается в тесной связи с социальной ответственностью власти и гражданского общества. По мнению автора, формирование солидарной ответственности всех её субъектов является одним из важнейших условий скорейшего преодоления кризиса. Социальная ответственность бизнеса анализируется по таким ключевым вопросам, как уплата налогов, отношения с внутренними и внешними стейкхолдерами, производство качественной продукции, благотворительность, выявляются причины социальной безответственности бизнеса. Автор утверждает, что бизнес на протяжении всей постсоветской истории демонстрировал высокий уровень выживаемости, продолжая даже в крайне неблагоприятных условиях функционировать и в большей или меньшей степени удовлетворять государственные и общественные потребности.

Статья [Р. Н. Абрамова](#) (Москва) [«Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания»](#) включена в данную рубрику, поскольку, как показала история, именно инженерно-техническая интеллигенция стала опорой модернизации советского периода, а сегодня признаётся её значительная роль в современном процессе модернизации. В работе рассматривается проблема социального и профессионального статуса группы советской инженерно-технической интеллигенции и её положения в социальной структуре советского общества. Анализируются проблемы формирования коллективного сознания советской инженерно-технической интеллигенции периода реального социализма на основе знания о прошлом, воплощённого в воспоминаниях представителей этой группы. Автор констатирует сложный характер социального состава этой социально-профессиональной группы и не менее сложные пересечения её интересов с группой творческой интеллигенции, наиболее оппозиционно настроенной по отношению к власти.

В рубрике [«К методологии научных исследований»](#), во-первых, находит развитие тема теоретизирования в области социологии религии, поскольку именно в отношении общества к религии происходят наиболее острые и быстрые изменения; во-вторых, внимание фокусируется на подходах к анализу способов развития институтов гражданского общества, что, как показывают современные реалии, приобретает особую значимость.

В последнее время в западной социологии религии наблюдаются несколько глобальных тенденций. Происходит критическое переосмысление взаимосвязи модернизации и секуляризации, необратимости и универсальности процессов секуляризации, приводящее к пересмотру теорий секуляризации и сдвигу от бесконечных споров о секуляризации к более плодотворному культурно-историческому, эмпирическому изучению «публичных религий», «множественных глобализаций» и «множественных секуляризаций», «деприватизации религии». Большое распространение получает новый подход к изучению религии «идеологическая критика». Устанавливается новый взгляд на «религию» и «духовность», приводящий к постепенному формированию новой дисциплины «социология духовности». В центре внимания статьи [Е. Д. Руткевич \(Москва\) «Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы западной социологии религии»](#) находятся подходы и проблемы, возникающие при изучении вышеназванных тенденций.

В статье [Н. А. Скобелиной \(Волгоград\) «Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений \(аналитический обзор\)»](#) обозначены аспекты институционального анализа общественных движений. С помощью инструментов новой институциональной экономической теории движения рассмотрены как институционализированные практики в определённой институциональной среде. Автором определена роль формальных и неформальных правил в формировании и развитии движений. В рамках неинституциональной теории выработан алгоритм исследования общественных движений, который состоит из следующих значимых аспектов: изучение движений как правил игры, определение институционального дизайна движений, изучение их институциональных возможностей и описание динамики движений.

Т е м а н о м е р а Социология образования: положение конкретных социальных групп

Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке

Колесникова Елена Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, сектор социологии профессий и профессиональных групп, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: kolesnikova@mail.ru

Митрохина Екатерина Вячеславовна – кандидат социологических наук, лаборатория социологических исследований в образовании МБОУ ОДПО «Центр развития образования городского округа», Самара

E-mail: poltaradneva@mail.ru

Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.443

Аннотация. Статья посвящена анализу оценки воспитателями детских садов и учителями общеобразовательных школ некоторых аспектов условий труда. Нехватка учителей и воспитателей, дисбаланс профессиональных групп с точки зрения возраста и стажа являются серьёзными проблемами российского образования. Условия труда особенно важны для удержания в системе общего образования наиболее мотивированных и эффективных специалистов. Исследование являлось частью проекта по изучению актуального положения, а также перспектив и стратегий повышения социального статуса педагогов в России. Воспитатели в большей мере озабочены вопросом переполненности групп, вместе с тем педагоги выражают единодушное недовольство количеством «бумажной работы». Крайне актуальной для педагогов остаётся проблема эмоционального переутомления. Ощущение сложностей с правовой незащищённостью работника сочетается с оценкой занятости в системе образования как фактора стабильности. Результаты исследования позволяют утверждать, что воспитатели и учителя имеют как сходства, так и различия в оценках условий труда и той поддержки, которая им необходима. Объединяет педагогов недовольство их зарплатой, загруженностью работой и эмоциональной нагрузкой, а давление гендерных стереотипов в профессиональной культуре воспитателей делает их более уязвимыми на рынке труда. Из всех видов возможной поддержки педагоги максимально предпочли денежное вознаграждение. Включение дошкольного в систему общего образования может быть потенциальной возможностью как повышения, так и снижения статусных показателей группы. Общие изменения на рынке труда в постсоветский период, связанные с появлением безработицы и неформальной занятости, стимулируют снижение ожиданий и требований работников к условиям труда, их перевешивает стабильность занятости. Это ведёт к изменению структуры и культуры профессиональной группы, формированию новых принципов привлекательности секторов с относительно невысоким доходом. Но сегодняшние воспитатели в гораздо большей мере, чем учителя, переживают сложности с формированием и воспроизводством профессиональной группы.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, воспитатель, дошкольное образование, учитель, школа

Самочувствие профессиональной группы педагогов становится особенно актуальной проблемой в условиях длительного реформирования дошкольного и школьного образования и сложной экономической ситуации в России. Учителя школ и воспитатели детских садов не только являются объектами преобразований, но и одновременно непосредственными акторами, воплощающими в жизнь многие перемены. Зачастую именно они испытывают на себе давление возникающих при этом проблем и вызовов. Поэтому принципиально важно сохранить их профессиональную лояльность, мотивацию, результативность и уверенность в собственных силах.

Недостаточное количество учителей и воспитателей, дисбаланс профессиональных групп с точки зрения возраста и стажа являются серьёзными проблемами российского образования. Условия труда особенно важны для удержания в системе общего образования наиболее мотивированных и эффективных специалистов. Условия труда и учителя, и воспитателя могут оказывать как положительный, так и негативный эффект не только на их самочувствие, но и на отношение к труду и профессии, на результаты его работы, успеваемость и общий уровень развития учеников. К разряду констант профессии относятся повседневная неопределённость и многозадачность, работа с проблемными учениками, нагрузка сверх положенных обязательств, недостаток профессиональных полномочий, сложности с мотивацией и дисциплиной учащихся, отсутствие признания и поддержки со стороны администрации и родителей учеников [Borg, Riding, Falzon 1991; Darling-Hammond 1997].

Интерес представляют результаты ряда исследований, подтверждающих значение роли организационной поддержки в образовании, рассматриваемой в рамках общей концепции Perceived Organisational Support (POS) [Eisenberger, Huntington, Hutchison, Sowa 1986] как построение организации на принципах, способствующих формированию веры работника/педагога в свою ценность для организации/системы образования и в заботу о работнике/педагоге, его нуждах и благополучии со стороны организации/системы образования. Сам характер условий труда влияет на тот факт, кто из учителей остаётся в профессии, а кто уходит из неё [Johnson, Berg, Donaldson 2005]. Организационная поддержка учителей способствует росту профессиональной лояльности, которая, в свою очередь, часто трактуется как один из самых значимых факторов успеха организации [Riehl, Sipple 1996; Rosenholtz, Simpson 1990; Firestone, Rosenblum 1988]. Руланд показала, что основными условиями, стимулирующими профессиональную лояльность учителя, являются позитивный опыт и внутренняя удовлетворённость от работы, управленческая поддержка, наличие достаточного времени для выполнения своих непосредственных обязанностей, а также стабильность занято-

Учителя школ и воспитатели детских садов не только являются объектами преобразований, но и одновременно непосредственными акторами, воплощающими в жизнь многие перемены.

К разряду констант профессии относятся повседневная неопределённость и многозадачность, работа с проблемными учениками, нагрузка сверх положенных обязательств, недостаток профессиональных полномочий, сложности с мотивацией и дисциплиной учащихся, отсутствие признания и поддержки со стороны администрации и родителей учеников.

Условия труда в целом являются более весомым фактором, чем зарплата, когда дело доходит до принятия решения, где преподавать.

сти [Ruhland 2002]. Результаты подробного анализа специфики занятости преподавателей с высокими показателями оплаты труда и их карьерных предпочтений свидетельствуют о том, что условия труда в целом являются более весомым фактором, чем зарплата, когда дело доходит до принятия решения, где преподавать [Berry 2007].

Условия труда, имеющие принципиальное значение, включают в основном следующие факторы: техническое оснащение труда педагога (наличие и удобство в использовании помещения, оборудования и т. п.); организационные (нагрузка, автономия/самостоятельность, участие в управлении образовательным учреждением, продолжительность рабочего дня; размер класса/группы воспитанников, с которыми работает педагог); социологические (престиж, статус, оплата труда, необходимость подработки); политические (авторитет педагога, внешняя поддержка профессии со стороны родительского, местного сообщества и общества в целом); культурные (ценности, традиции и нормы педагогов, качество педагогической команды образовательного учреждения, особенности учебного плана, содержания работы педагога) [Ingersoll 2001; Ingersoll 1999; Macdonald 1999; Guarino, Santibanez, Daley 2006]. Не стоит забывать и о том, что все эти факторы взаимосвязаны друг с другом, и любой педагог находится под влиянием нескольких из них или всех одновременно.

Исследование являлось частью проекта по изучению актуального положения, а также перспектив и стратегий повышения социального статуса педагогов в России. Профессиональная группа рассматривается в рамках неовеберианской концепции как корпоративный актор, а её профессионализация – как процесс увеличения властного, экономического и культурного ресурсов с целью улучшения положения на рынке труда.

Полевая часть была выполнена в Самарской области с учётом соблюдения квот выборки по значимому статистическому показателю группы (возраст). Сбор данных осуществлялся посредством самозаполнения анкет с их квотным отбором в соответствии со структурой выборки. Опрос был проведён в период между январём и маем 2016 г. Для анализа было отобрано 278 анкет воспитателей и 339 анкет учителей. Анкета состояла из 18 вопросов и включала следующие тематические блоки: оценка стабильности занятости в системе общего образования (закрытые вопросы); оценка условий труда на непосредственном рабочем месте (закрытые вопросы); оценка показателей культурного, политического и экономического капиталов группы (закрытые вопросы); общая оценка состояния здоровья (закрытые и открытые вопросы) и предпочтительных мер социальной поддержки (закрытые вопросы), профессиональная мобильность¹ (открытые вопросы).

¹ Данный блок вопросов в статье не рассматривается.

С одной стороны, рассмотрение педагогических профессий, принадлежащих к сообществу общего образования, по сравнению с занятостью в других отраслях экономики, уже само по себе является поводом обращения к проблематике социального статуса. Профессии учителя и особенно воспитателя сложно признать примерами высокостатусных даже в исторической перспективе. Подчиненный статус ученика/ребёнка, который является основным клиентом/объектом профессиональной деятельности педагога, снижает статус последнего. Ученик – это исходно низкостатусный клиент, так как ребёнок сам по себе является низкостатусным членом общества [Geer 1966]. Вествуд описывает учителя как посредника между детским и взрослым миром, что придаёт ему маргинальный статус [Westwood 1967]. Ученик чаще всего не выбирает педагога, да и вообще не принимает участия в определении, идти ли ему в школу или детский сад, он подчиняется родительскому и общественному принуждению вне зависимости от того, насколько желанным является для него образование. Это обстоятельство осложняет установление «профессиональных» отношений между педагогом и воспитанником. Отношения строятся всегда в группе/классе в присутствии и под наблюдением других людей. Они крайне публичны, но в то же время носят длительный и регулярный характер, что делает их очень личными, «аффективно нагруженными взаимодействием» [Bidwell 1965]. Актуальное положение педагогов в статусной социально-профессиональной иерархии также является сложным. Относительно невысокими были и остаются заработки специалистов данной отрасли в России [Образование в РФ... 2014: 142, 145]. Исследования ВЦИОМ свидетельствуют, что в последние несколько лет на фоне экономического кризиса престижность профессии учителя, постепенно улучшавшая показатели с 2008 г., снова снизилась, а материальный аспект – уровень доходов, не позволяет нашим гражданам считать труд учителя достойно оплачиваемым [Профессия «учитель»... 2016].

С другой стороны, не стоит забывать и о существовании внутрипрофессионального социального неравенства. Учителя и воспитатели, хотя и объединены единым педагогическим полем, но имеют отличия в статусных позициях. Этому способствуют различия в количественной выраженности групп, уровнях образования и доходов. В 2013 г. в 45 345 учреждениях дошкольного образования трудились 505,8 тыс. воспитателей [Образование в РФ... 2014: 108, 162], а в 46 129 общеобразовательных организациях работало 1046,2 тыс. учителей [Образование в РФ... 2014: 112, 168]. Показательны отличия и в образовательном цензе педагогов – в 2013 г. доля воспитателей с высшим образованием составляла 41%, а с педагогическим высшим – 37,7% [Образование в РФ... 2014: 109];

Ученик – это исходно низкостатусный клиент, так как ребёнок сам по себе является низкостатусным членом общества.

доля учителей с высшим образованием – 84,8%, с педагогическим высшим – 80,5% [Образование в РФ... 2014: 114]. В 2013 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в дошкольном образовании составляла 18 577 рублей, в основном общем и среднем общем образовании – 24 678 рублей [Образование в РФ... 2014: 143]. По данным мониторинга экономики образования ВШЭ, ежемесячная заработная плата воспитателя в 2015 г. составляла 19 199 рублей, средняя зарплата учителей в общеобразовательных организациях – 30 016 рублей [Индикаторы... 2015]. Хотя в структуре кадрового состава педагогов государственного общего образования есть и сходная тенденция – постепенный рост доли специалистов с высоким показателем стажа. В 2008 г. доля воспитателей со стажем «свыше 20 лет» составляла 41,6%, а учителей – 51,6% (в 2013г. – 58,3%) [Образование в РФ... 2014: 118; Индикаторы... 2010: 106, 113]. В 2013 г. доля воспитателей в возрасте до 25 лет составила 5,6%, а старше 50 лет – 26,3%, доля учителей старше трудоспособного возраста – 22% [Образование в РФ... 2014: 111, 117].

Включение дошкольного образования в систему общего может быть потенциальной возможностью как повышения, так и снижения статусных показателей группы воспитателей. Поэтому представляет интерес сопоставление мнений учителей и воспитателей с точки зрения единства и разницы в оценке ситуации в системе образования. Важно понять видение педагогами некоторых аспектов условий труда, трудностей, сопряжённых с ними и актуально переживаемых, а также проанализировать – необходимы ли дополнительные усилия по их организационной поддержке.

Нагрузка и здоровье педагогов как значимые составляющие условий труда

В целом педагоги не отмечают чрезмерной загруженности своего рабочего дня. В частности, переполненность классов/групп учениками/воспитанниками не была расценена как крайне острая проблема. Большинство учителей и значительная доля воспитателей удовлетворены «количеством детей в классе/группе», хотя доля педагогов, отметивших недовольство по данному пункту, присутствует (см. таблицу 1¹). Данные официальной статистики также свидетельствуют об отсутствии явного превышения данного показателя нагрузки на педагога [Взгляд... 2016]. Количество детей в классе/группе относится к разряду наиболее значимых показателей качества школьной системы в целом и условий труда педагога.

¹ Все таблицы размещены в [Приложении](#) к статье.

Особенно данные показатели значимы для эффективности работы с детьми младшего возраста, что видно и по нашим данным. С формальной точки зрения, на учителя и воспитателя приходится примерно одинаковое количество воспитанников. В 2013 г. численность воспитанников дошкольных образовательных организаций в расчёте на одного воспитателя составляла 12 чел., а учащихся в расчёте на одного учителя общеобразовательных организаций – 13 чел. [Образование в РФ... 2014: 111, 119]. В то же время численность воспитанников в расчёте на 100 мест в дошкольных образовательных учреждениях выросла с 81 чел. в 2000 г. до 105 в 2013 г. Процент дошкольных образовательных организаций, в которых численность воспитанников превышает число мест, вырос с 28 до 48 [Образование в РФ... 2014: 219, 223], а средняя наполняемость классов в общеобразовательных организациях изменилась незначительно [Образование в РФ... 2014: 243]. Очевидно, что воспитатели в большей мере столкнулись с проблемой увеличения групп, и поэтому именно они несколько более озабочены вопросом их переполненности (см. таблицу 1). В то же время нельзя говорить о том, что сокращение количества детей в классе активно стимулирует профессиональную лояльность педагогов, но есть исследования, демонстрирующие, что в относительно небольших классах преподаватели способны обеспечить более индивидуальный подход, а также адаптировать учебную программу к индивидуальным потребностям ученика [Fowler, Walberg 1991].

Вместе с тем педагоги выражают единодушное недовольство количеством «бумажной работы» (см. таблицу 1), но учителя в большей мере оценивают свой рабочий день как слишком длинный (81% учителей и 44% воспитателей). Проблема увеличения времени, которое педагог тратит не только на непосредственную работу с детьми, но и на сопряжённые активности, весьма актуальна для самой профессиональной группы и социальных исследователей. Международные данные свидетельствуют о росте продолжительности рабочего времени учителей и негативных последствиях увеличения временных затрат на административную рутину (разочарование, недовольство и уход из профессии) [Ware, Kitsantas 2007; Ma, MacMillan 1999; Thompson, McNamara, Hoyle 1997]. Поскольку в современном мире педагогическая работа всё более и более усложняется, вопрос образования и самообразования становится насущной потребностью, что влечёт необходимость больших временных затрат на освоение новых навыков, общение с коллегами, подготовку новых тем в связи с изменениями содержания программы обучения. В то же время исследования подтверждают, что сокращение учебной нагрузки преподавателя повышает удовлетворённость работой и снижает риск профессионального выгорания [Ingersoll, Smith 2003].

Воспитатели в большей мере, чем учителя, столкнулись с проблемой увеличения групп, и поэтому именно они несколько более озабочены вопросом их переполненности.

Международные данные свидетельствуют о росте продолжительности рабочего времени учителей и негативных последствиях увеличения временных затрат на административную рутину (разочарование, недовольство и уход из профессии).

Несмотря на то, что большинство воспитателей и значительная доля учителей удовлетворены состоянием своего здоровья, крайне актуальной для педагогов остаётся проблема эмоционального переутомления. Проблема физического переутомления уступает по степени своей важности психологической нагрузке как среди учителей, так и воспитателей (см. таблицу 3).

Одной из задач исследования был краткий анализ представлений учителей и воспитателей об уровне эмоционального переутомления педагогов в сопоставлении с другими профессиями. В анкете задавался вопрос, позволяющий косвенно оценить уровень эмоциональной нагрузки, характерной для педагогической профессии: указание профессий, сопоставимых с профессией респондента по уровням ответственности, стресса, эмоционального выгорания (истощения). Исходной информацией для получения итоговой шкалы о сопоставимых профессиях был открытый вопрос. Ответы кодировались вручную в соответствии с обобщениями: «педагог» (учитель, воспитатель, педагогический работник, психолог, родитель и т. п.), «врач» (хирург, анестезиолог, медицинский работник и т. п.), «профессии с высоким риском для жизни и здоровья» (пожарный, работник МЧС, спасатель, полицейский, милиционер, следователь, шахтёр, каскадёр, военный, инкассатор, космонавт, строитель, дрессировщик и т. п.), «руководитель» (начальник, директор, директор школы и т. п.), «политик» (президент, политический деятель, депутат и т. п.), «творческие профессии» (артист, актёр, художник и т. п.), «другое» (все профессии, получившие в совокупности менее 10 упоминаний) (см. таблицу 4).

Нами предполагалось наличие принципиальных особенностей в наборе профессий, ассоциирующихся у педагогов с сопоставимым уровнем ответственности, стресса, эмоционального выгорания (истощения). Положение педагогов в системе профессий, соизмеримых, с точки зрения респондентов, с их собственным трудом, рассматривается как их косвенная оценка эмоциональной сложности своего труда. Очевидно, что набор этих характеристик не описывает проблему эмоционального переутомления педагогов в полной мере, но позволяет рассмотреть некоторые важные аспекты вопроса.

В литературе проблематика профессиональной деформации личности представлена как один из значимых аспектов повседневной работы специалистов [Профессиональная... 2009]. В нашем исследовании респонденты уравнивали показатели ответственности, стресса, эмоционального выгорания педагогов с профессиями, занимающими высшие строки рейтингов сложности условий труда, что можно расценивать как свидетельство высокой важности проблемы для учителей и воспитателей. В наибольшей мере сопоставимыми с педагогическим

Респонденты уравнивали показатели ответственности, стресса, эмоционального выгорания педагогов с профессиями, занимающими высшие строки рейтингов сложности условий труда.

трудом по степени ответственности были отмечены позиции «врача» (см. таблицу 4). Отметим, что врач является классическим примером профессии, сочетающей в себе позитивную общественную миссию с такими сложными аспектами труда, как повседневное принятие решений, касающихся жизни и смерти пациента, ответственности за манипуляции его здоровьем и лечением, обязательств, связанных с ошибками. Педагоги посчитали, что по уровню стресса их труд наиболее соизмерим с «профессиями с высоким риском для жизни и здоровья» (см. таблицу 4). Несмотря на большое обобщение, допущенное нами при формировании данной группы профессий, все они характеризуются экстремальными условиями труда, а в большинстве случаев сочетаются с дефицитом позитивных впечатлений. По уровню эмоционального выгорания педагоги чаще всего сравнивали себя с «творческими профессиями» (см. таблицу 4) или посчитали свой труд уникальным – «педагоги» (см. таблицу 4). Проблемам профессиональной деформации в образовании посвящено множество исследований, и в большинстве из них отмечается, что неблагоприятные аспекты условий труда стимулируют развитие психологического дискомфорта, раздражения и деморализации [Galton, McBeath 2008; Johnson, Berg, Donaldson 2005; Stoel, Thant 2002; Глушкова 2003].

Стабильность занятости и социальная защищённость педагогов

Правовая и социальная защищённость работника относятся к важнейшим факторам, влияющим на трудовую мотивацию и нормы поведения в профессии. Отличительными особенностями именно профессиональной занятости в классическом понимании являются не только такие критерии, как наличие высокой квалификации и должного уровня подготовки, чувство сопричастности с делом как трудовая мотивация, но и правовая защищённость работника как гарант трудового поведения, ориентированного в первую очередь на этические нормы профессии. Сложный характер труда, низкие возможности стандартизации, индивидуальность работы педагога требуют для него условий, обеспечивающих возможность независимого мнения и действия, ориентированного только на благо ребёнка, а не на требования родителей или государственных чиновников.

При этом реальная специфика труда педагога сочетает в себе такие характеристики, как ощущение стабильности в комбинации с правовой незащищённостью работника. Данные нашего исследования позволяют отметить тот факт, что подавляющее большинство педагогов считают,

Сложный характер труда, низкие возможности стандартизации, индивидуальность работы педагога требуют для него условий, обеспечивающих возможность независимого мнения и действия, ориентированного только на благо ребёнка.

что отличительной характеристикой занятости в системе среднего образования является стабильность, выгодно отличающая её от профессий в других секторах экономики. Минимальный процент воспитателей и учителей расценивают «риск потери работы» и «сокращение» как актуальные для себя (см. таблицу 3). В то же время эти проблемы, с точки зрения педагогов, крайне важны для «работающих граждан, занятых вне системы образования» (см. таблицу 3). Тем не менее, социальная защищённость педагогического работника является проблемой. Несмотря на то, что большинство воспитателей и учителей удовлетворены социальным пакетом (оплатой отпуска, больничного, повышения квалификации) как составляющей частью условий труда в системе общего образования (см. таблицу 1), значительна доля педагогов, особенно учителей, неудовлетворённых «работой профсоюза» и своей «правовой защищённостью» как работника (см. таблицу 1).

На наш взгляд, важно наличие как сходств, так и отличий в показателях оценки условий труда воспитателей и учителей. С одной стороны, обе профессии относятся к категории «женских» и «недоходных», с другой – в профессии воспитателя значительно более ощутимы проблемы, связанные со слабым символическим капиталом занятия, что сказывается на профессиональной культуре педагогов.

Российские социологи относят сконцентрированность женщин в небольшом числе высокофеминизированных профессий и отраслей с низкой оплатой труда к одной из основных особенностей и проблем гендерной занятости [Технология... 2000: 8]. Исследователи отмечают, что в занятости женщин в целом значимо представлены установки не на высокий заработок, а на факторы, связанные с концепцией «удобной» работы, дающей недоходные преимущества (близость места работы от дома, приятная атмосфера в коллективе, удобный режим, наличие детских учреждений по месту работы) и позволяющие иметь гарантии занятости [Ярошенко 2001]. Очевидно, что сектор образования можно считать ярким примером такой занятости. Неудовлетворённость педагогов вызывают такие составляющие профессии, как «оплата труда», а также «возможность помочь своим близким материально» и «возможности отдыха и восстановления здоровья» (см. таблицу 1). С такими проблемами, как «низкий заработок» и «невозможность решить квартирный вопрос», сталкивается большинство воспитателей и учителей (см. таблицу 3). Из всех видов возможной поддержки педагога максимально предпочли денежное вознаграждение – «специальные выплаты, связанные с особенностями педагогического труда (компенсации, надбавки за различные виды работ, премии)» (см. таблицу 2).

Реальная специфика труда педагога сочетает в себе такие характеристики, как ощущение стабильности в комбинации с правовой незащищённостью работника.

Из всех видов возможной поддержки педагога максимально предпочли денежное вознаграждение.

Социологи неоднократно обращали внимание на тот факт, что профессию учителя выбирают преимущественно из-за желаний «работать с детьми», «дать детям хорошее начало в жизни» и/или «быть полезным обществу» [см., например, Lortie 1975; VITAE Report 2006, Hargreaves et al. 2007]. Педагоги, осознавая все сложности их профессии, тем не менее сохраняют общий рефрен: «но я люблю это дело». Учителя с такой мотивацией вероятнее всего останутся верны профессии. Те же, кто отмечают «статус, имидж и материальные награды» как наиболее важные характеристики занятости, чаще всего планируют сменить профессию учителя [Hargreaves et al. 2006; Warin et al. 2006].

Подавляющее большинство педагогов в нашем исследовании отметили удовлетворённость такими аспектами своей профессии, как «самореализация», «возможность многому научиться и расти как специалисту», «перспективы карьерного роста» и «востребованность своих знаний и опыта на работе». Подавляющее большинство педагогов в нашем исследовании отметили удовлетворённость такими аспектами своей профессии, как «самореализация», «возможность многому научиться и расти как специалисту», «перспективы карьерного роста» и «востребованность своих знаний и опыта на работе» (см. таблицу 1). В то же время среди проблем профессии, с которыми чаще всего сталкиваются педагоги, значительное число респондентов указали на «отсутствие ощущения важности и нужности своей профессии для государства» и «недооценку уровня квалификации теми, для кого они работают (например, родители учеников и воспитанников)» (см. таблицу 3). Последний аспект особенно значим для воспитателей, что свидетельствует о существовании разницы в силе символического капитала профессий.

Государственная политика в советский период в целом и в образовании в частности характеризовалась значительными обязательствами государства перед работником, которые обеспечивали социальную защищённость профессиональных групп. Занятость в образовании гарантировала не только стабильность дохода, но и возможность получать бесплатно основные социальные блага (например, медицинское обслуживание, образование, жильё). Работник имел и правовую защиту: несмотря на безальтернативность профсоюзной системы, подчинённой государству, увольнение было сопряжено с соблюдением большого количества формальностей и выплатами. Все эти факторы поддерживали привлекательность секторов с относительно невысоким доходом, в частности профессий воспитателей и учителей. Смена социально-экономического строя стимулировала изменение мотивации выбора государственного и социального сектора занятости. Общие изменения на рынке труда в постсоветский период, связанные с появлением безработицы и неформальной занятости, стимулируют снижение ожиданий и требований работников к уровню правовой защищённости и корпоративной автономии, а зачастую и уровню дохода, но их перевешивает регулярность выплаты

Подавляющее большинство педагогов в нашем исследовании отметили удовлетворённость такими аспектами своей профессии, как «самореализация», «возможность многому научиться и расти как специалисту», «перспективы карьерного роста» и «востребованность своих знаний и опыта на работе».

заработной платы и стабильность занятости. Это ведёт к изменению структуры и культуры профессиональной группы, формированию новых принципов привлекательности секторов с относительно невысоким доходом. Изменения в дошкольном образовании были более разительными, чем в группе учителей. Сегодняшние воспитатели в гораздо большей мере, чем учителя, переживают сложности с формированием и воспроизводством профессиональной группы. Сильная символическая связь «воспитательного труда» с женственностью и материнством характерна для профессиональной культуры воспитателей в большей мере, чем для педагогов. В структуре мотивации воспитателей, в отличие от учителей, важное место занимают возможность сочетать сложный характер труда (собственно и делающий занятие «профессией») не только с её «некоммерческим/общественным» характером, но и с реализацией традиционной гендерной роли. Так, 73% воспитателей (и только 39% учителей) согласны с утверждением, что «работа воспитателя/учителя/педагога позволяет совмещать роль жены/матери/бабушки и работу, не мешает семейной жизни». Различия установок педагогов очевидны. Более глубокое проникновение гендерных стереотипов в профессиональную культуру воспитателей усугубляет неравенство групп, повышая готовность мириться с низкими статусными показателями группы, недостатками условий труда. При большей неудовлетворенности экономическими показателями профессии и её символическим капиталом, воспитатели меньше тревожатся о своей правовой защищённости и больше ценят стабильность занятости, чем учителя.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что воспитатели и учителя имеют как сходства, так и различия в оценках условий труда и той поддержки, которая им необходима. Объединяет педагогов недовольство доходом, обеспечиваемым профессией, загруженностью работой, эмоциональной нагрузкой, а ярко выраженное присутствие гендерных стереотипов в профессиональной культуре делает воспитателей наиболее уязвимыми на рынке труда.

Педагоги единогласны в оценке загруженности работой, но при этом воспитатели менее удовлетворены увеличением числа дошкольников в группе, чем учителя – числом школьников в классе. Учителя выразили большую неудовлетворенность загруженностью «бумажной работой» и в целом количеством времени, затрачиваемым ими на все виды активностей, сопряжённых с непосредственным педагогическим трудом.

Также единодушны были педагоги в признании высокой важности проблемы эмоционального переутомления. Так, значительная доля респондентов посчитали свою профессию уникальной с точки зрения эмоционального выгорания. Педагоги сравнивали себя по уровню ответственности и стресса с профессиями, отличительными характеристиками которых являются экстремальные условия труда и необходимость принятия решений, обязательств.

Все педагоги продемонстрировали сочетание удовлетворённости сложным содержанием труда, с одной стороны, и неудовлетворённости «низкодоходностью» и «недооценённостью» своих профессий обществом и государством, с другой. Слабость символического капитала особенно значима для группы воспитателей. Для респондентов-воспитателей характерна выраженность традиционных гендерных установок в большей мере, чем для педагогов. Более глубокое проникновение гендерных стереотипов в профессиональную культуру воспитателей усугубляет неравенство групп, повышая готовность мириться с низкими статусными показателями, недостатками условий труда. При большей неудовлетворённости экономическими показателями профессии и её символическим капиталом, воспитатели меньше тревожатся о своей правовой защищённости и больше ценят стабильность занятости, чем учителя.

Несмотря на то, что педагоги в целом не довольны оплатой труда, но всё же воспитатели выражали большую неудовлетворённость, нежели учителя. Учителя чаще, чем воспитатели, выражали озабоченность состоянием собственного здоровья и «невозможностью» полноценного отдыха. В качестве основных мер поддержки педагоги предпочли денежные выплаты, связанные с особенностями педагогического труда (компенсации, надбавки за различные виды работ, премии), хотя воспитатели гораздо чаще, чем учителя. В целом, занятость педагога сочетает в себе такие характеристики, как ощущение стабильности в комбинации с проблемой правовой незащищённости работника.

Включение дошкольного в систему общего образования может быть потенциальной возможностью как повышения, так и снижения статусных показателей группы воспитателей и педагогов общего образования в целом. Но на данный момент нет оснований говорить о позитивном вкладе условий труда в рост статуса профессии в оценках самих педагогов. Новые принципы рынка труда в постсоветский период приводят к снижению ожиданий и требований работников к условиям труда. Это ведёт к изменению культуры профессиональной группы. Высоко ценится стабильность занятости, но и становятся всё более актуальными вопросы мотивации и профессиональной лояльности педагогов.

Библиографический список

Взгляд на образование 2016: Показатели ОЭСР Российская Федерация 15 сентября 2016 // Официальный сайт ОЭСР РФ. URL: <http://oecdru.org/obraz.html> [Дата посещения: 10.12.2016].

Глушкова Н. И. 2003. Деструктивное воздействие эндогенных и экзогенных факторов на становление профессионализма учителя общеобразовательной школы. М.: Илекса. 224 с.

Индикаторы образования. 2010. Стат. сб. М.: ГУ ВШЭ. 492 с.

Индикаторы экономики образования. 13 волна. 2015 год // Официальный сайт ВШЭ. URL: <https://memo.hse.ru/ind> [Дата посещения: 10.12.2016].

Образование в Российской Федерации. 2014. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ. 464 с.

Профессиональная деформация личности. Учебное пособие / Составители А. В. Коваленко, Л. А. Шиканов. Томск: Изд-во ТПУ, 2009. 90 с.

Профессия «учитель»: вчера и сегодня. Пресс-выпуск № 3185 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115829> [Дата посещения: 10.12.2016].

Технология включения женщин в сферу бизнеса: Российский и канадский опыт: Учеб.-метод. пособие. Иваново: Центр социальной поддержки женщин и семьи, 2000. 96 с.

Ярошенко С. 2001. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных в России // Рубеж. № 16/17. С. 31–32.

Berry B. 2007. Recruiting and retaining quality teachers for high-needs schools: Insights from NBCT summits and other policy initiatives. Washington, DC: National Education Association. ERIC. URL: <http://eric.ed.gov/?ft=on&q=teaching+strategies&ff1=autBerry%2C+Barnett&id=ED519714> [Дата посещения: 10.12.2016].

Bidwell C. E. 1965. The School as a Formal Organization / James G. March (ed.) Handbook of Organization. Chicago. P. 972–1022.

Borg M. G., Riding R. J., Falzon J. M. 1991. Stress in teaching: A study of occupational stress and its determinants, job satisfaction and career commitment among primary schoolteachers // Educational Psychology. 11 (1). P. 59–75. DOI: 10.1080/01443419101101014

Darling-Hammond L. 1997. Doing what matters most: Investing in quality teaching. New York: National Commission on Teaching & America's Future // NCTAF. URL: <http://nctaf.org/wp-content/uploads/DoingWhatMattersMost.pdf> [Дата посещения: 10.12.2016].

Eisenberger R., Huntington R., Hutchison S., Sowa D. 1986. Perceived organizational support // *Journal of Applied Psychology*. № 71. P. 500–507. DOI: 10.1037/0021-9010.71.3.500.

Firestone W., Rosenblum S. 1988. Building commitment in urban high schools // *Educational Evaluation & Policy Analysis*. № 10. P. 285–299. DOI:10.3102/01623737010004285

Galton M., McBeath J. 2008. *Teachers under pressure*. London: Sage. 128 p.

Geer B. 1966. Occupational Commitment and the Teaching Profession // *School Review*. № 74. P. 31–47.

Guarino C., Santibanez L., Daley G. 2006. Teacher recruitment and retention: A review of the recent empirical literature // *Review of Educational Research*. № 76(2). P. 173–208. doi:10.3102/00346543076002173

Hargreaves L., Cunningham M., Everton T., Hansen A., Hopper B., McIntyre D., Maddock M., Mukherjee J. Pell, Rouse M., Turner P., Wilson L. 2006. The status of teachers and the teaching profession: views from inside and outside the profession: interim findings from the teacher status project. Research Report 755. L.: DfES. 6 p.

Hargreaves L., Cunningham M., Hansen A., McIntyre D., Oliver C., Pell T. The Status of Teachers and the Teaching Profession in England: Views from Inside and Outside the Profession. Final Report of the Teacher Status Project. The Chancellor, Masters and Scholars of the University of Cambridge, 2007 // The Faculty of Education. URL: <http://www.educ.cam.ac.uk/research/pastprojects/teacherstatus/> [Дата посещения: 10.12.2016].

Ingersoll R. 1999. The problem of underqualified teachers in American secondary schools // *Educational Researcher*. № 28(2). P. 26–37.

Ingersoll R. 2001. Teacher turnover and teacher shortages: An organizational analysis // *American Education Research Journal*. № 38. P. 499–534. DOI:10.3102/00028312038003499

Ingersoll R. M., Smith T. M. 2003. The Wrong Solution to the Teacher Shortage // *Educational Leadership*. № 60. P. 30–33.

Johnson S. M., Berg J. H., Donaldson M. L. 2005. Who stays in teaching and why: A review of the literature on teacher retention. Cambridge, MA: Harvard Graduate School of Education. The Project on the Next Generation of Teachers // NRTA. Educator Support Network. URL: https://assets.aarp.org/www.aarp.org/articles/NRTA/Harvard_report.pdf [Дата посещения: 10.12.2016].

Lortie D. 1975. *Schoolteacher: A Sociological Study*. Chicago: University of Chicago Press. 284 p.

Ma X., MacMillan R. B. 1999. Influences of workplace conditions on teachers' job satisfaction // *The Journal of Educational Research*. № 93(1). P. 39–53. DOI:10.1080/00220679909597627

Macdonald D. 1999. Teacher attrition: A review of literature // *Teaching and Teacher Education*. № 15 (8). P. 835–848. DOI:10.1016/S0742-051X(99)00031-1

Riehl C., Sipple J. W. 1996. Making the most of time and talent: Secondary school organizational climates, teaching task environments, and teacher commitment // *American Educational Research Journal*. № 33 (4). P. 873–901. DOI:10.3102/00028312033004873

Rosenholtz S. J., Simpson C. 1990. Workplace conditions and the rise and fall of teachers' commitment // *Sociology of education*. V. 63. № 4. P. 241–257. DOI: 10.2307/2112873

Ruhland S. K., Bremer C. D. 2002. Professional Development Needs of Novice Career and Technical Education Teachers // *Journal of Career and Technical Education*. № 19 (1). P. 18–31.

Stoel C. F., Thant T. S. 2002. Teachers professional lives – a view from nine industrialized countries. Washington, DC: Milken Family Foundation. 32 p.

Thompson D. P., McNamara J. F., Hoyle J. R. 1997. Job satisfaction in educational organizations: A synthesis of research findings // *Educational Administration Quarterly*. № 33. P. 7–37. DOI:10.1177/0013161X97033001002

VITAE Report (DfES Research Report 743). Day C., Stobart G., Sammons P., Kington A., Gu Q., Smees R., Mujtaba T. Variations in teachers work, life and effectiveness. London: Department for Education and Skills. 2006. // GOV. UK. URL: <https://www.education.gov.uk/publications/eOrderingDownload/RB743.pdf> [Дата посещения: 10.12.2016]

Ware H., Kitsantas A. 2007. Teacher and collective efficacy beliefs as predictors of professional commitment // *The Journal of Educational Research*. № 100 (5). P. 308–321. URL: <http://dx.doi.org/10.3200/JOER.100.5.303-310> [Дата посещения: 10.12.2016].

Warin J., Maddock M., Pell A., Hargreaves L. 2006. Resolving identity dissonance through reflective and reflexive practice in teaching // *Reflective Practice*. Vol. 7. № 2. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14623940600688670> [Дата посещения: 10.12.2016].

Westwood L. J. 1967. The Role of the Teacher // *Educational research*. № 10. November. P. 21–37.

Приложение

Таблица 1

Распределение выборов оценки уровня удовлетворённости аспектами профессии, %

		Совершенно и скорее удовлетворён(а)	Затрудняюсь ответить	Скорее и неудовлетворён(а)	Итого
Оплатой труда	В*	19	12	69	100
	У*	22	14	64	100
Возможностью дополнительных заработков	В	32	27	41	100
	У	34	28	38	100
Возможностью помочь своим близким материально	В	14	12	74	100
	У	11	13	76	100
Стабильностью работы в системе образования	В	69	16	15	100
	У	56	19	25	100
Загруженностью работой	В	57	13	30	100
	У	50	12	38	100
Количеством детей в классе/ группе	В	48	8	44	100
	У	61	9	30	100
Количеством бумажной работы	В	28	12	60	100
	У	15	10	75	100
Состоянием своего здоровья	В	58	12	30	100
	У	43	18	40	100
	У	20	16	64	100
Возможностью самореализации в профессии	В	79	16	5	100
	У	74	14	12	100
Возможностью многому научиться и расти как специалист	В	75	16	9	100
	У	67	20	13	100
Востребованностью знаний, опыта на работе	В	76	18	6	100
	У	69	18	13	100
Перспективами карьерного роста, продвижения	В	49	31	20	100
	У	38	37	25	100
Правовой защищённостью работников	В	33	30	35	100
	У	24	31	45	100
Работой профсоюза	В	29	31	40	100
	У	26	35	39	100
Социальным пакетом (оплата отпуска, больничного, повышения квалификации)	В	74	10	16	100
	У	68	12	20	100

*Здесь и далее: В – Воспитатели; У – Учителя.

Таблица 2

Распределение выборов предпочитаемых видов социальной поддержки
(количество выборов не ограничено), %

Виды социальной поддержки	В	У
Гарантированность работы (стабильность, уверенность в завтрашнем дне)	22	27
Специальные выплаты, связанные с особенностями педагогического труда (компенсации, надбавки за различные виды работ, премии)	76	52
Специальные социальные льготы (дополнительный отпуск, льготы в оплате жилья, проезде, посещении детьми детского сада и т. д.)	22	33
Обеспечение отпускного отдыха (льготные путёвки, оплата проезда к месту отдыха и т. д.)	31	34
Обеспечение возможностей дополнительного заработка в рамках своей профессии	9	16

Таблица 3

Распределение выборов наиболее актуальных проблем, характерных для работников (максимально возможное количество выборов для каждой категории работников – 5), %

Проблемы		Работники, занятые вне системы образования	Работники системы образования
		В	У
Риск потерять работу	В	52	8
	У	46	7
Сокращение	В	51	5
	У	45	4
Низкий заработок	В	42	81
	У	36	68
Невозможность решить квартирный вопрос	В	37	74
	У	37	65
Физическое переутомление	В	51	34
	У	44	36
Эмоциональное переутомление	В	24	85
	У	26	79
Отсутствие ощущения важности и нужности своей профессии для государства	В	21	35
	У	26	41
Недооценка уровня квалификации работника руководителем	В	23	19
	У	19	17
Недооценка уровня квалификации работника теми, для кого он работает (например, родители детей, которые ходят в детский сад/школу)	В	8	49
	У	8	35
Боязнь того, что на работе от работника будут требовать таких результатов, которых он не сможет достигнуть	В	21	20
	У	16	26
Невозможность самому работнику решать, как надо поступить в рабочей ситуации	В	18	15
	У	22	15

Таблица 4

**Распределение выборов профессий,
сопоставимых с профессией респондента
с точки зрения эмоциональной нагрузки, %**

Профессии	По уровню ответственности		По уровню стресса на работе		По уровню эмоционального выгорания (истощения)	
	В	У	В	У	В	У
Врач	47,49	48,09	12,59	13,87	5,04	7,38
Профессии с высоким риском для жизни и здоровья	6,48	9,74	25,54	24,78	4,32	2,66
Педагог	9,00	2,07	16,19	3,54	22,67	10,03
Творческие профессии	0,36	0,30	0	1,77	18,35	23,90
Руководитель	2,16	3,25	1,44	1,48	0,36	0,30
Политик	6,84	2,07	1,08	1,48	0	0,59
Машинист, водитель	0	1,18	2,52	3,84	0,72	0,30
Менеджер, администратор, диспетчер, продавец	1,08	1,77	1,80	2,66	0,36	2,66
Другое	0,78	1,18	1,08	1,48	1,80	0,30
Нет ответа	25,90	30,39	37,77	45,14	46,41	51,92
Итого	100	100	100	100	100	100

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.443

Kindergarten and School Teachers on Working Conditions and Organizational Support

Kolesnikova Elena Mikhailovna

Candidate of Sociological sciences, Senior researcher. The Department sociology of professions and professional groups, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: kolesnikova@mail.ru

Mitrokhina Ekaterina Vyacheslavovna

Candidate of Sociological sciences, Laboratory of sociological researches in education, Municipal budgetary educational institution Organization of additional professional education "Center of development of education of the city district Samara", Samara, Russia. E-mail: poltaradneva@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to analyzing how kindergarten and secondary school teachers evaluate certain aspects of working conditions. A lack of teachers, in imbalance in professional groups in terms of age and experience present a serious issue for education in Russia. Working conditions are of great importance for keeping the most motivated and effective specialists in the educational system. This study was part of a project aimed at examining the current status, as well as opportunities and strategies for increasing the social status of teachers in Russia. Kindergarten teachers are more concerned with the issue of overcrowded groups, while school teachers express their unanimous dissatisfaction with the amount of "paperwork". Such problems as emotional fatigue are especially relevant for school teachers. A sensation of complications when it comes to a lack of legal protection for workers is combined with an evaluation of employment in the educational system as a factor of stability. The results of the study allow us to claim that kindergarten and school teachers demonstrate both similarities and differences when it comes to evaluating working conditions, as well as the support which they require. School teachers are unanimous in their dissatisfaction with their salaries, with their workload and emotional stresses, while pressure attributed to gender stereotypes in the professional culture of kindergarten teachers makes them more vulnerable on the labor market. Among all the various sorts of possible support, school teachers most preferred

monetary rewards. Including pre-school into the system of secondary education can potentially be an opportunity for either increasing or decreasing the status indicators of the group. General changes on the labor market during post-Soviet times, which have to do with the emergence of unemployment and informal employment, stimulate a decrease in expectations and demands from workers when it comes to working conditions – they are outweighed by stable employment. This leads to a change in the structure and culture of the professional group, to the formation of new principles of appeal for sectors where pay is relatively low. However, today's kindergarten teachers are much more susceptible to difficulties when it comes to the formation and reproduction of the professional group, as compared to school teachers.

Keywords: Sociology of professions, sociology of education, preschool teachers, preschool education, teacher, school.

References

Berry B. Recruiting and retaining quality teachers for high-needs schools: Insights from NBCT summits and other policy initiatives. Washington, DC: National Education Association. ERIC official website, 2007. URL: <http://eric.ed.gov/?ft=on&q=teaching+strategies&ff1=autBerry%2C+Barnett&id=ED519714> [date of visit: 10.12.2016].

Bidwell C. E. The School as a Formal Organization. James G. March (ed.) Handbook of Organization. Chicago, 1965, pp. 972–1022.

Borg M. G., Riding R. J., Falzon J. M. Stress in Teaching: A Study of Occupational Stress and its Determinants, Job Satisfaction and Career Commitment among primary schoolteachers. Educational Psychology, 1991, no 11 (1), pp. 59–75. DOI: 10.1080/0144341910110104

Darling-Hammond L. Doing what Matters Most: Investing in Quality Teaching. New York, National Commission on Teaching & America's Future. NCTAF official website, 1997. URL: <http://nctaf.org/wp-content/uploads/DoingWhatMattersMost.pdf> [date of visit: 10.12.2016].

Eisenberger R., Huntington R., Hutchison S., Sowa D. Perceived Organizational Support. Journal of Applied Psychology, 1986, no 71, pp. 500–507. DOI: 10.1037/0021-9010.71.3.500

Firestone W., Rosenblum S. Building Commitment in Urban High Schools. Educational Evaluation & Policy Analysis, 1988, no 10, pp. 285–299. DOI: 10.3102/01623737010004285

Galton M., McBeath J. Teachers under Pressure. London, Sage, 2008. 128 p.

Geer B. Occupational Commitment and the Teaching Profession. School Review, 1966, no 74, pp. 31–47.

Glushkova N. I. Destruktivnoe vozdeystvie endogennykh i ekzogennykh faktorov na stanovlenie professionalizma uchitelia obscheobrazovatel'noy shkoly [The Destructive Effect of Endogenous and Exogenous Factors on the Development of the Professionalism of the Teacher in the Secondary School]. Moscow, Ileksa, 2003. 224 p.

Guarino C., Santibanez L., Daley G. Teacher Recruitment and Retention: A Review of the Recent Empirical Literature. Review of Educational Research, 2006, no 76 (2), pp. 173–208. DOI: 10.3102/00346543076002173

Hargreaves L., Cunningham M., Everton T., Hansen A., Hopper B., McIntyre D., Maddock M., Mukherjee J. Pell, Rouse M., Turner P., Wilson L. The Status of Teachers and the Teaching Profession: Views from Inside and Outside the Profession: Interim Findings from the Teacher Status Project. Research Report 755. London, DfES, 2006. 6 p.

Hargreaves L., Cunningham M., Hansen A., McIntyre D., Oliver C., Pell T. The Status of Teachers and the Teaching Profession in England: Views from Inside and Outside the Profession. Final Report of the Teacher Status Project. The Chancellor, Masters and Scholars of the University of Cambridge, 2007. The Faculty of Education Official website. URL: <http://www.educ.cam.ac.uk/research/pastprojects/teacherstatus/> [date of visit: 10.12.2016].

Indikatory ekonomiki obrazovanija. 13ya volna. 2015 god. [Indicators of the Economy of Education. 13th wave, 2015 year] NRU HSE official website. URL: <https://memo.hse.ru/ind> [date of visit: 10.12.2016].

Indikatory obrazovanija [Indicators of Education]. Statistical Digest. Moscow, SU-HSE publ., 2010. 492 p.

Ingersoll R. Teacher Turnover and Teacher Shortages: An Organizational Analysis. American Education Research Journal, 2001, no 38, pp. 499–534. DOI: 10.3102/00028312038003499

Ingersoll R. The Problem of Underqualified Teachers in American Secondary Schools. Educational Researcher, 1999, no 28 (2), pp. 26–37.

Ingersoll R. M., Smith T. M. The Wrong Solution to the Teacher Shortage. Educational Leadership, 2003, no 60, pp. 30–33.

Johnson S. M., Berg J. H., Donaldson M. L. Who Stays in Teaching and Why: A rRview of the Literature on Teacher Retention. Cambridge, MA: Harvard Graduate School of Education. The Project on the Next Generation of Teachers. NRTA. Educator Support Network, 2005. URL: https://assets.aarp.org/www.aarp.org/articles/NRTA/Harvard_report.pdf [date of visit: 10.12.2016].

Lortie D. Schoolteacher: A Sociological Study. Chicago, University of Chicago Press, 1975. 284 p.

Ma X., McMillan R. B. Influences of workplace conditions on teachers' job satisfaction. The Journal of Educational Research, 1999, no 93 (1), pp. 39–53. DOI:10.1080/00220679909597627

McDonald D. Teacher Attrition: A Review of Literature. Teaching and Teacher Education, 1999, no 15 (8), pp. 835–848. DOI:10.1016/S0742-051X(99)00031-1

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii [Education in Russian Federation]. Statistical digest. Moscow, NRU HSE publ., 2014. 464 p.

Professija «uchitel'»: vchera i segodnia [Profession of Teacher: Yesterday and Today]. Press-vypusk № 3185.VCIOM official website. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115829> [date of visit: 10.12.2016].

Professional'naja deformacija lichnosti [Professional Deformation of Personality]. Ed. by A. V. Kovalenko, L. A. Shikanov. Tomsk, TPU publ., 2009. 90 p.

Riehl C., Sipple J. W. Making the Most of Time and Talent: Secondary School Organizational Climates, Teaching Task Environments, and Teacher Commitment. American Educational Research Journal, 1996, no 33 (4), pp. 873–901. DOI: 10.3102/00028312033004873

Rosenholtz S. J., Simpson C. Workplace Conditions and the Rise and Fall of Teachers' Commitment. Sociology of Education, 1990, Vol. 63, no 4, pp. 241–257. DOI: 10.2307/2112873

Ruhland S. K., Bremer C. D. Professional Development Needs of Novice Career and Technical Education Teachers. Journal of Career and Technical Education, 2002, no 19 (1), pp. 18–31.

Stoel C. F., Thant T. S. Teachers Professional Lives – a View from Nine Industrialized Countries. Washington, DC, Milken Family Foundation, 2002. 32 p.

Tekhnologija vkluchenija zhenschin v sferu biznesa: Rossiysky i canadsky opyt [Technology of Women Inclusion into Business: Russian and Canadian Experience]. Ivanovo, CSSWF publ., 2000. 96 p.

Thompson D. P., McNamara J. F., Hoyle J. R. Job Satisfaction in Educational Organizations: A Synthesis of Research Findings. Educational Administration Quarterly, 1997, no 33, pp. 7–37. DOI: 10.1177/0013161X97033001002

VITAE Report (DfES Research Report 743). Day C., Stobart G., Sammons P., Kington A., Gu Q., Smees R., Mujtaba T. Variations in Teachers Work, Life and Effectiveness. London, Department for Education and Skills, 2006. The Web portal GOV.UK. URL: <https://www.education.gov.uk/publications/eOrderingDownload/RB743.pdf> [date of visit: 10.12.2016].

Vzgliad na obrazovanie: Pokazateli OESR Rossiyskaja Federacija [Education Outlook 2016: OECD Indicators Russian Federation] 15.09.2016. OECD RF official website. URL: <http://oecdru.org/obraz.html> [date of visit: 10.12.2016].

Ware H., Kitsantas A. Teacher and Collective Efficacy Beliefs as Predictors of Professional Commitment. *The Journal of Educational Research*, 2007, no 100 (5), pp. 308–321. URL: <http://dx.doi.org/10.3200/JOER.100.5.303-310> [date of visit: 10.12.2016].

Warin J., Maddock M., Pell A., Hargreaves L. Resolving Identity Dissonance through Reflective and Reflexive Practice in Teaching. *Reflective Practice*, 2006, Vol. 7, no 2. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14623940600688670> [date of visit: 10.12.2016].

Westwood L. J. The Role of the Teacher. *Educational Research*, 1967, no 10 (November), pp. 21–37.

Yaroshenko S. Gendernye razlichija strategiy zaniatosti rabotajuschikh bednykh v Rossii [Gender Differences in Employment Strategies for the Working Poor in Russia]. *Rubezh*, 2001, no 16/17, pp. 31–32.

Т е м а   н о м е р а Социология образования: положение конкретных социальных групп

Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе

Ишкинеева Фарида Фалесовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая Лабораторией социологических исследований, Казанский федеральный университет, Казань.
E-mail: farida1967@mail.ru

Озерова Карина Адгамовна – аспирант, ассистент, Казанский федеральный университет, Казань.
E-mail: karina-usm@yandex.ru

Кавеева Аделя Динаровна – аспирант, ассистент, Казанский федеральный университет, Казань.
E-mail: adele.kaveeva@mail.ru

Ахметова Симбуль Абдулловна – кандидат философских наук, доцент, Казанский федеральный университет, Казань.
E-mail: giacint7@mail.ru

Фурсова Валентина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, Казань.
E-mail: vafursova@yandex.ru

Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.444

Аннотация. В условиях глобализации сферы образования существенно расширяются возможности для академической мобильности студентов. В свою очередь, обучение иностранных учащихся является значимым показателем престижности современного вуза. Поэтому высшие учебные заведения реализуют программы по привлечению и адаптации иностранных студентов. При этом адаптация происходит по-разному у различных групп иностранных студентов в силу целого ряда причин, связанных с новой для них социальной, культурной и языковой средой. Статья¹ посвящена анализу моделей и особенностей адаптации различных групп иностранных студентов к образовательной среде российского университета. В фокусе внимания – Казанский федеральный университет (КФУ), одно из крупнейших высших учебных заведений России, около 10% студентов которого – иностранцы. Этот показатель в КФУ несколько превышает средние значения по стране: согласно статистическим данным 2016 г., в федеральных вузах России доля иностранных учащихся в среднем составляет 4,2% [Академическая мобильность... 2016: 8]. В этом контексте можно предположить наличие связи между интенсивностью процесса адаптации иностранных студентов и успешностью их социализации и профессионального становления. В свою очередь, оценка иностранными студентами качества образования и комфортности процесса обучения в значительной мере определяет имидж, престиж и востребованность вуза. На успешность адаптации иностранных учащихся предположительно влияют мотивы поступления в Казанский университет, оценка студентами российского образования в целом и образования в КФУ в частности. Анализируются такие стороны студенческой жизни, как характер отношений иностранных учащихся с российскими студентами, местным населением, а также наличие проблем, связанных с изучением русского языка, организацией быта и досуга. Выделены следующие группы студентов-иностранцев: студенты из стран СНГ, студенты из стран дальнего зарубежья (кроме европейцев), студенты из стран Европы и США, студенты из Китая.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, социализация, студенчество, образовательная среда университета, молодёжь

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант № 16-06-01064 «Воспроизводство социального и физического здоровья студентов в институциональной среде вуза»).

Международный характер современного образования выражается в росте академической мобильности студентов, в увеличении числа иностранных студентов в российских вузах, начиная с 2009–10 гг., особенно в связи с внедрением программы по повышению конкурентоспособности российских вузов [Арефьев, Шереги 2014]. Кроме того, численность иностранных студентов – один из важнейших показателей успешности вуза, учитывающийся при формировании рейтинга учебных заведений как на российском, так и на международном уровне. Поэтому актуализируется информация о проблемах адаптации иностранных учащихся к условиям жизни и процессу получения высшего образования в российских вузах в контексте их привлекательности для выходцев из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Обучение в вузе – этап в жизни молодого человека, в процессе которого закладываются основные элементы образа жизни, вырабатываются и закрепляются социальные нормы, система ценностей и приоритетов. При этом успешность формирования специалистов непосредственно зависит от социальной адаптированности учащихся к первоначально не знакомым условиям их пребывания в вузе, что для студентов-иностранцев усугубляется необходимостью адаптации к жизни в чужой стране с другой культурой, языком и традициями.

Проблема социальной адаптации рассматривается в рамках социологии, психологии, педагогики и других наук, представляя собой один из центральных вопросов во взаимоотношениях личности и социальной среды. Существует и разрабатывается также отдельное направление социологической мысли – социология адаптаций [Корель 2005]. В социологии вопросы адаптации первоначально понимались в структуралистском духе и рассматривались скорее как процесс приспособления и «коррекции» черт индивида в соответствии с требованиями среды. Исследования в данном ключе можно найти у классиков социологии. Т. Парсонс, например, понимал адаптацию как проявление взаимного компромисса между личностью и обществом [Parsons 1997]. Р. Мертон объяснял адаптацию как усвоение индивидом условий социальной среды (приспособление), являющейся не равновесной, а динамичной, признавая возможность не только адаптации, но и дезадаптации [Merton 1982].

Иным является подход, развитый в «понимающей социологии» М. Вебера, а также в его теории социального познания и целерациональности, где адаптация и социализация понимаются как субъективное поведение, осмысливаемое или интерпретируемое личностью в рамках общества [Вебер 1990]. Значимыми в данной области могут быть также принципы феноменологов [Шюц 1988; Бергер, Лукман 1995], которые методологически ближе авторам настоящего исследования.

Одним из показателей социальной адаптированности исследователи считают социальное самочувствие [Щербакова 2011]. В концепции Я. Н. Крупец социальное самочувствие также характеризуется как результат процесса социальной адаптации. В социальное самочувствие, по её мнению, включаются такие компоненты, как внутреннее состояние человека, к которому относятся здоровье, настроение, а также чувства счастья, оптимизма; оценка человеком внешних условий: восприятие ситуации в стране и времени, в котором он живёт; а также восприятие человеком собственного положения в новых условиях [Крупец 2003]. Социальное самочувствие – это восприятие и оценка студентом своего положения в контексте внешних окружающих его условий, находящихся отражение в поведении студента и его эмоциональном состоянии. Социальная адаптация может происходить двояко: в форме пассивного и в форме активного приспособления человека к условиям внешней среды. Соответственно, социальная адаптация студента означает процесс его приспособления к образовательной среде вуза (профессиональный аспект адаптации) и к коллективу студенческой группы (социально-психологический аспект адаптации).

Исследования, посвящённые адаптации иностранных студентов в российских вузах, довольно распространены, при этом преимущественно они выполнены в количественной стратегии [Дементьева 2008; Дорожкин, Мазина 2007; Моднов, Ухова 2013; Ишкинеева, Ахметова, Минзарипов 2014]. Акцент в этих работах делается на проблемах, связанных с процессом приспособления иностранных учащихся к системе образования в России.

Казанский федеральный университет (далее КФУ) – один из крупных высших учебных заведений поликультурного российского города, в котором обучаются более 40 тысяч студентов, из них около 10% – иностранные граждане [Обучение иностранных граждан... 2016]. С целью выявления характера социального самочувствия и особенностей адаптации различных групп иностранных студентов Лабораторией социологических исследований Казанского федерального университета инициирован исследовательский проект, первый этап которого носит характер пилотажного исследования.

Методы. Основной метод получения информации – полужормализованное интервью (всего 117 текстов, полученных в феврале–мае 2015 г.). Выбор языка общения был предоставлен респондентам, большинство которых предпочли общение на русском языке, частично использованы английский и татарский языки (татарский применён при контакте со студентами из Китая, которые относятся к этнической группе уйгуров и владеют татарским лучше, чем русским или английским языками). Проведена серия интервью со студен-

Социальная адаптация студента означает процесс его приспособления к образовательной среде вуза (профессиональный аспект адаптации) и к коллективу студенческой группы (социально-психологический аспект адаптации).

тами-иностранцами разных направлений подготовки, разных курсов обучения, из разных стран. Среди иностранных студентов КФУ около 60% – из СНГ, 30% – из стран Азии и Африки, 10% – из стран Европы и США. В выборочной совокупности учтены эти пропорции, однако в группе выходцев из Азии выделена отдельная группа китайских студентов, поскольку они значительно отличаются от жителей других азиатских стран.

В фокусе оцениваемых иностранными учащимися параметров российского образования была их удовлетворённость работой преподавателей, сотрудников библиотек, административно-управленческих структур университета. Значимыми для иностранных учащихся являются также оценки студенческого образа жизни, характера отношений с российскими студентами и местным населением, а также проблемы, связанные с изучением русского языка, организацией быта и досуга.

По результатам серии интервью выявлены группы студентов-иностранцев с различной спецификой адаптации в университете. Такими группами являются: *студенты из стран СНГ (около 60% респондентов), студенты из стран дальнего зарубежья (кроме студентов-европейцев) (порядка 15% респондентов), студенты из стран Европы (около 10% респондентов) и студенты из Китая (порядка 15% респондентов)*. Дадим характеристику специфики адаптации каждой из четырёх групп.

Успехи адаптации студентов из стран СНГ

Значительную часть контингента иностранных учащихся российских вузов традиционно составляют студенты из стран СНГ. Высшее образование в России для них является достаточно привлекательным. Благодаря общности исторического прошлого, наличию множества культурных контактов этих стран с Россией, а также соглашений по обучению студентов, процесс адаптации студентов к условиям жизни и обучения в российских вузах происходит, как правило, достаточно успешно.

Источниками информации о Казанском университете для студентов из СНГ являются как официальные (министерства и ведомства), так и неофициальные источники (личные связи, интернет). Две трети респондентов отметили влияние на их выбор договоров о сотрудничестве и специальных программ КФУ по привлечению иностранных студентов; треть опрошенных указали, что определяющее влияние на выбор вуза сыграло наличие родственников в Казани и (или) принадлежность к этнической группе татар, четвертая часть – нашли информацию о КФУ в интернете.

Казанский федеральный университет определяют как престижный вуз все студенты-иностранцы из СНГ: они считают, что образование в КФУ поможет получить достойную работу у себя на родине. Студенты из Беларуси и Украины полагают, что образование в КФУ *«котируется»* и *«признаётся работодателями»* у них на родине. Студенты из Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана отмечают, что в КФУ они могут получить более качественное образование, чем у себя на родине, особенно это касается тех, кто приобретает технические и естественнонаучные специальности. В качестве плюсов отмечают хорошее учебное оборудование и лаборатории: *«Мне нравится учиться здесь, потому что есть хорошее оборудование по моей специальности»*, *«У нас хорошие новые компьютеры»*. Студенты этих направлений подготовки в целом более оптимистично оценивают возможности своего трудоустройства по окончании университета; гуманитарии же чаще отмечают, что их карьера больше зависит от личных усилий, чем от качества и престижности образования.

Качество образования в КФУ всеми респондентами оценивается как хорошее и оправдавшее их ожидания. В целом условия обучения опрошенные оценивают как удовлетворительные, оснащённость оборудованием и чистоту аудиторий – как хорошие. Однако отмечают и минусы, связанные с «бытовыми» вопросами (теснота на поточных лекциях, недостаток мест в гардеробах, необходимость нескольких переездов в течение одного дня между учебными зданиями в разных концах города, непродуманное расписание с наличием «окон», отсутствие буфетов и столовых в ряде учебных зданий).

Содержание учебных программ оценивается студентами неоднозначно. Студенты ряда гуманитарных направлений отмечают *«непроработанность»* содержания некоторых курсов, которая *«заметна и студентам, и преподавателям»*. Студенты-гуманитарии указывают на необходимость углублённого изучения иностранных языков и таких *«общеразвивающих в интеллектуальном плане»* дисциплин, как психология и математика. Студенты технического и естественнонаучного направлений, наоборот, отмечают, что их программы обучения составлены профессионально и, хотя зачастую очень сложны, способствуют как качественной профессиональной подготовке, так и *«всестороннему»* развитию за счёт *«общеразвивающих предметов»*, таких, как философия и история. Особо отмечается эффективность «сближения», сочетания специальных и общенаучных дисциплин, например, усвоение профессиональной терминологии на английском языке, а также компьютерных программ, помогающих в работе и медику, и биологу.

Большинство студентов довольны качеством проводимых преподавателями занятий, при этом самыми удачными считают занятия с использованием мультимедийных средств

и презентаций, помогающих иностранцам легче усваивать информацию. Монотонное зачитывание текста лекции воспринимается тяжело даже студентами с хорошим знанием русского языка. Работа в рамках семинаров признаётся более эффективной, если преподаватель использует методы дискуссии, деловой игры, дебатов, организует работу по подготовке и защите студенческих проектов.

Одним из важнейших условий успешной адаптации студентов из СНГ является уровень знания русского языка. Так, студенты из Украины, Беларуси и Казахстана отмечают, что им несложно учиться на русском языке. Студенты из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана чаще отмечают, что качество их обучения и проблемы взаимодействия в повседневной жизни связаны именно с языковыми проблемами.

В целом большинство студентов из стран СНГ считают, что им не нужны языковые курсы; те же, кто их посещал, отмечают их высокую эффективность. Многие студенты легко понимают содержание лекций и успешно работают с литературой, однако отмечают, что не часто вступают в дискуссии на занятиях, хотя и могут при необходимости выразить свои мысли. Студенты, для кого слабое знание языка является проблемой, обычно получают от преподавателей не «поблажки», а дополнительные задания. Отношение преподавателей к студентам, не испытывающим трудностей с русским языком, не чувствующим себя чужими, такое же, *«как ко всем другим учащимся»*.

Большинство опрошенных студентов из СНГ не испытывают каких-либо трудностей в общении с одноклассниками и контактируют как с другими иностранцами, так и с россиянами. Однако студенты из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении с одноклассниками общаются обычно только в процессе учёбы, свободное время предпочитают проводить со своими земляками. Студенты из Украины и Беларуси, напротив, ни с кем не испытывают проблем в общении ни в процессе учёбы, ни в повседневной жизни, легко взаимодействуют со всеми, в том числе с местными жителями. Студенты из СНГ не относят себя к одной группе и указывают на «разницу мировоззрений» между студентами из стран Средней Азии, и, например, студентами из стран Восточной Европы.

Конфликты и недопонимание в общении как с местным населением, так и между самими студентами-иностранцами, признаются редкими, чаще всего возникающими из-за различий религиозного характера, а также на фоне сложной политической ситуации вокруг Украины. Сами студенты эти трения объясняют противоречиями на межличностном уровне, а не наличием дискриминации или притеснений. При этом студенты из СНГ отмечают, что в Казани чувствуют себя без-

опаснее, чем, например, в Москве. Абсолютно у всех респондентов появились в Казани новые друзья как из числа других студентов-иностранцев, так и местных жителей; зачастую это студенты, с которыми ребята познакомились во время культурных и спортивных мероприятий университетского и городского масштаба.

Занятия иностранных учащихся в свободное время носят разносторонний характер. Однако прежде всего отметим категорию студентов, имеющих очень мало свободного времени, что связано с большой учебной нагрузкой. Досуг большинства студентов-иностранцев связан с посещением кино, кафе, прогулками по городу. Часть студентов посещают также театры и парки, ходят в гости к друзьям, есть и любители спортивных занятий. При этом спортом в свободное время чаще занимаются юноши, чем девушки. Посещение театров и концертов оценивается как дорогостоящее удовольствие. Цены на продукты и одежду в Казани всеми опрошенными названы более высокими по сравнению с ценами в их странах, однако приемлемыми для того, чтобы не возникало необходимости работать.

Сфера быта для иностранных студентов является, как правило, проблемой. Все опрошенные студенты чаще всего питаются дома, в общежитии и готовят сами, так как *«это вкуснее и дешевле»*, при этом отмечают, что в целом привыкли к местной кухне и продуктам. Однако различия чувствуются: приезжие не всегда могут позволить себе привычные продукты (например, фрукты и овощи в Казани значительно дороже, чем на родине студентов). Проблемы, выделяемые студентами из СНГ, чаще всего связаны не с социально-психологическими, а с бытовыми трудностями: долгой дорогой до университета, неудобным расписанием, плохим ремонтом в старых общежитиях. Проблемой для выходцев из южных стран становятся климатические условия: континентальный климат, порой со значительным перепадом температур (низкие зимние температуры в Казани непривычны для теплолюбивых иностранцев).

Среди достоинств КФУ отмечаются: высокое качество образования, высокий уровень профессионального мастерства преподавателей, возможность пользоваться программами и договорённостями КФУ за границей для упрощения поступления; престиж образования, полученного в КФУ, признаваемый на родине студентов; безопасность и благоустроенность Казани. Все опрошенные студенты-иностранцы из СНГ считают Казань *«красивым и комфортным»* для обучения городом: *«Я просто влюблён в Казань»*, – признаётся один из респондентов. Можно предположить, что имидж и комфорт города играют значимую роль и при оценке уровня образования, которое студенты приобретают в КФУ.

Перспективы учащихся из СНГ: две трети респондентов после выпуска планируют вернуться на родину, каждый десятый собирается продолжить образование в Москве или Санкт-Петербурге, три десятых – остаться в Казани и перевезти всю свою семью; единицы собираются продолжить образование в Европе или Америке, остальные ещё не решили, что будут делать после выпуска.

В целом студенты из СНГ – самая благополучная группа иностранных учащихся с точки зрения адаптации к условиям обучения в КФУ и проживания в Казани.

Особенности адаптации иностранных учащихся из стран дальнего зарубежья

Иностранные студенты, приехавшие учиться в КФУ из стран дальнего зарубежья (Турция, Индия, Бангладеш, Македония) и некоторых африканских стран, также испытывают определённые трудности с адаптацией к обучению в КФУ. Абсолютное большинство этих студентов выбрали Казань и КФУ в качестве вуза для обучения не по своей инициативе, а попали в университет в рамках международных договорённостей. При этом образование, получаемое в КФУ, оценивается ими как качественное и престижное, особенно студентами, обучающимися в области геологии, биологии, химии, медицины. Получение стипендии для обучения в России зачастую становится решающим фактором при выборе направления обучения. При этом всеми опрошенными отмечается, что это образование позволит им стать востребованными специалистами у себя на родине.

Большинство респондентов в данной категории не имеют в России каких-либо семейных или родственных связей, и переезд в Казань стал для них сильнейшим испытанием. Прежде всего это связано с адаптацией к климатическим условиям Казани, с освоением языка, а также реакцией местного населения на иностранцев. Так, ключевыми факторами, затрудняющими их адаптацию, являются языковые трудности, одиночество (отсутствие друзей и близких), проявления расизма и нетерпимости со стороны местных жителей, суровый климат.

Несмотря на целый год языковой подготовки, большинство студентов КФУ из стран дальнего зарубежья испытывают существенные трудности как с обучением на русском языке, так и с общением на нём вне учёбы. В качестве слабой стороны языковой подготовки иностранных студентов в КФУ чаще всего отмечается слишком сильный акцент на изучение грамматических правил, тогда как навыкам практической речи и расширению словарного запаса студентов уделяется мало внимания.

В целом студенты из СНГ – самая благополучная группа иностранных учащихся с точки зрения адаптации к условиям обучения в КФУ и проживания в Казани.

Студенты хотели бы усваивать больше специальных терминов, а также расширять запас слов и выражений, облегчающих взаимодействие в повседневной жизни. Особого внимания требуют студенты 1–2 курсов, многие из которых столкнулись с проблемами при общении с казанцами, не знающими английского языка даже на базовом уровне. Многим иностранным студентам КФУ из дальнего зарубежья для достижения взаимопонимания в транспорте или магазине приходится использовать язык жестов. Было отмечено также, что языковые курсы в КФУ посещают студенты с разным уровнем знания языка, а занятия проводятся для всех без учёта этих различий, что делает их бесполезными для тех, кто уже в определённой степени владеет русским языком. Индивидуальный подход кажется многим студентам более эффективным. Были высказаны и пожелания по организации занятий, связанных с российской культурой и историей региона, которые позволили бы лучше понять местную культуру и традиции.

Если рассматривать качество обучения, его связь с уровнем владения русским языком, то лишь треть из опрошенных студентов считают, что могут спокойно участвовать в дискуссиях и выражать своё мнение на занятиях, остальные отмечают, что не могут адекватно продемонстрировать свой уровень знаний именно из-за проблем с русским языком. В ряде случаев изучение языка доминирует над другими предметами, отнимает больше времени и сил, чем усвоение материала по специальности. Решить эту проблему могло бы наличие учебных пособий (например, планов и содержания лекций) в свободном доступе в интернете и специализированной учебной литературы на английском и других иностранных языках.

Огромное значение в успешности освоения иностранными студентами учебной программы имеет поддержка одногруппников. Иностранные учащиеся, имеющие дружеские отношения с русскоговорящими студентами и возможность уточнять у них задания или получать какую-либо дополнительную информацию, чувствуют себя более спокойно и уверенно. Иностранные студенты, испытывающие из-за языкового барьера трудности с установлением контактов и усвоением учебной программы, подвержены депрессии, снижению успеваемости.

Поведение преподавателей и их профессионализм – также значимый аспект успешной адаптации иностранных студентов с низким уровнем владения русским языком. Иностранные студенты отмечают, что одинаковые требования, которые предъявляются преподавателями ко всем студентам вне зависимости от национальности – это справедливо, но если бы все преподаватели имели хороший уровень знания английского языка, то иностранным студентам было бы легче задавать уточняющие вопросы и грамотно форму-

лизовать вопросы на русском языке. В среднем, по оценкам студентов, они способны понять лишь 70–80% содержания лекционного материала.

Следует отметить, что часть иностранцев, имеющих тёмный цвет кожи, столкнулись с проявлениями расизма и нетерпимости как в стенах университета, так и за его пределами. Тем не менее, Казань и КФУ оцениваются как более безопасные территории по сравнению с Москвой. Казань представляется иностранцам спокойным городом, в котором комфортно учиться.

Студенты из стран дальнего зарубежья активно занимаются спортом, участвуют в культурных мероприятиях (пение, танцы). Досуг студентов состоит из походов в парки, кино, музеи и театры. Свободное время они проводят в обществе друзей как из других стран, так и из России; индийские студенты чаще общаются с выходцами из своей страны.

Студенты отмечают хорошие условия проживания в общежитии деревни Универсиады: чистота, комфортность помещений, безопасность. Однако их не устраивает чрезмерный контроль перемещения студентов, строгий комендантский час, что не позволяет задерживаться на занятиях в кружках или спортивных секциях. В результате тотального контроля они чувствуют себя преступниками, от которых ожидают проступка, что *«неуместно по отношению к взрослым людям»*. Отмечается также, что студенты-активисты получают более выгодные условия размещения в общежитии, что вынуждает иностранцев заниматься неинтересной им общественной работой, чтобы получить комнату *«лучше»*. Многим опрошенным хотелось бы жить не в доме для иностранцев, а с русскоговорящими соседями, что позволило бы им лучше освоить русский язык и быстрее адаптироваться. Другим, напротив, хотелось бы жить со студентами из своей страны, чтобы можно было сосредоточиться на учёбе и *«не отвлекаться на культурные различия»*.

Менее половины студентов КФУ из стран дальнего зарубежья считают, что полностью адаптировались к жизни в Казани. Основными факторами, способствующими их адаптации, стали: появление близких друзей среди русских и татар, овладение русским языком на хорошем уровне, посещение религиозных храмов (церкви, мечети, костёла), продуктивная академическая обстановка в КФУ, стимулирующая процесс обучения.

Половина опрошенных иностранных учащихся из стран дальнего зарубежья намерены после окончания вуза вернуться на родину, так как уверены, что получают качественное и востребованное в их странах образование. Треть опрошенных студентов этой группы ориентированы на международную карьеру и считают, что полученное образование позволит

Следует отметить, что часть иностранцев, имеющих тёмный цвет кожи, столкнулись с проявлениями расизма и нетерпимости как в стенах университета, так и за его пределами. Тем не менее, Казань и КФУ оцениваются как более безопасные территории по сравнению с Москвой.

Половина опрошенных иностранных учащихся из стран дальнего зарубежья намерены после окончания вуза вернуться на родину, так как уверены, что получают качественное и востребованное в их странах образование.

её построить, остальные собираются продолжить образование в Европе или США. В России планирует остаться каждый десятый респондент.

Уклончивый ответ получен на вопрос о том, посоветовали бы они другим студентам получить образование в России, в КФУ. Десятая часть респондентов дали отрицательный ответ, однако не из-за качества образования, а из-за *«разницы культур, языка и климата, к которым очень трудно привыкнуть»*. Абсолютное большинство респондентов посоветовали бы образование в России (и в КФУ в частности), если бы их прямо об этом спросили, но, в отличие от студентов КФУ из СНГ, они ещё не делали этого в реальности.

Таким образом, к числу значимых проблем студентов из стран дальнего зарубежья можно отнести:

- низкий уровень владения русским языком, который создаёт проблемы в обучении, а также в повседневном взаимодействии;
- культурный шок, вызывающий необходимость индивидуальной работы преподавателя со студентом и, возможно, введения курса по ознакомлению иностранцев с российской и татарстанской культурами;
- непродуманная, длительная, непонятная студентам процедура оформления документов, создающая неудобства в повседневной жизни;
- проявления интолерантности по отношению к темнокожим студентам, вызывающие у них чувство оскорблённого достоинства, униженности;
- отсутствие возможности самостоятельно выбирать учебные курсы, ограничение прав студентов.

Группа иностранных студентов из стран дальнего зарубежья (кроме студентов из Европы) оказалась самой незащищённой и имеющей значительные проблемы в адаптации по сравнению со студентами из СНГ или Китая. Несмотря на высокую мотивированность и понимание значимости и престижности образования в КФУ, такие студенты сталкиваются с проблемами как в обучении (чаще всего из-за слабого знания русского языка), так и в повседневной жизни («культурный шок», неблагоприятный климат, невозможность свободно взаимодействовать с окружающими).

Особенности адаптации студентов из стран Европы

В группе иностранных студентов КФУ из дальнего зарубежья выделяются студенты из Европы, которые учатся не по полным программам бакалавриата или магистратуры,

Группа иностранных студентов из стран дальнего зарубежья (кроме Европы) оказалась самой незащищённой и имеющей значительные проблемы в адаптации по сравнению со студентами из СНГ или Китая.

а по программам студенческих обменов (Франция, Германия, Швейцария). Как правило, такие студенты используют договорённости о партнёрстве вузов при выборе КФУ для обучения в течение семестра. До участия в программе обмена они не знали о КФУ. Получаемые ими специальности так или иначе связаны с русским языком и (или) литературой. В целом европейские студенты не оценивают образование в КФУ как престижное, но отмечают его полезность для себя в качестве опыта: *«Если мы где были вообще за рубежом, учились там полгода, это у нас считается хорошим опытом»* для знакомства с изучаемой ими российской культурой.

К основным достоинствам образования в КФУ европейские студенты относят внимание к студентам (*«Преподаватели очень внимательные, очень вежливые с нами, а во Франции им всё равно, мы только студенты»*), профессионализм преподавателей и дружелюбную, безопасную атмосферу Казани. Непривычным и неудобным для таких студентов становится «жёсткое» расписание, невозможность выбирать курсы или детально знакомиться с их содержанием, отсутствие бесплатных и заранее подготовленных ридеров для студентов.

Общение в группе и вне группы у таких студентов складывается по-разному, в зависимости от уровня владения русским языком. Часть из них предпочитают общаться с соотечественниками или другими иностранцами, а другая часть – с русскоговорящими студентами. При этом почти все студенты из стран Европы проживают в общежитиях КФУ.

В качестве значимой проблемы студенты называют длительное оформление документов, в частности невозможность обходиться без паспорта в повседневной жизни в течение двух недель: *«Вначале неделю или две мы бегали по кабинетам, чтобы поселиться в Деревне Универсиады, ещё поликлиника, международный отдел... Проблема в том, что тебе не говорят по списку, что ты должен пройти, что где взять, ты сам приходишь, а тебе говорят: “А что Вы не взяли справку в том кабинете?” Что за дела, а почему мне её не дали, я же там была?! Вот это организация!... Они сами не знают, что делают, или у них так много работы, что они не справляются?»*.

Досуг студентов КФУ из стран Европы складывается из прогулок по городу, посещения кафе, театров, кино, выставок, походов в магазины и торговые центры, визитов в гости к друзьям-россиянам. Иногда совершаются поездки за город на природу. Студенты отмечают, что у них достаточно много свободного времени, которое они тратят на знакомство с городом, культурой Татарстана (поездки по региону) и России (поездки в другие города страны). Важным фактором разнообразного досуга становится низкий уровень цен в России для этих студентов на фоне резкого роста курса евро в 2014 г.

Несмотря на то, что никто из опрошенных студентов КФУ из Европы не собирается когда-либо продолжить образование в КФУ, многие советуют своим друзьям и знакомым поучиться в КФУ – университете с квалифицированными, внимательными преподавателями, расположенном в «уютном, чистом и безопасном» городе Казани. Студенты-европейцы после обучения в КФУ планируют завершить образование в своих родных вузах и построить карьеру в своей или другой европейской стране. Около половины таких студентов планируют поступление в магистратуру европейских вузов.

Проблемы адаптации студентов КФУ из Китая

Адаптации студентов КФУ, приехавших из Китая, имеет свои отличительные черты. Большинство студентов из Китая учатся в КФУ в рамках партнёрских договоров и соглашений между вузами и странами. Только один студент учится за счёт средств собственной семьи. В целом китайским студентам нравится жить в Казани и учиться в КФУ. Считается, что образование за рубежом, в частности в России, – весомое преимущество на китайском рынке труда.

Абсолютное большинство опрошенных студентов КФУ из Китая в целом довольны учебной программой, однако третья часть студентов хотели бы сами выбирать учебные курсы, остальные предпочли бы более углублённое изучение русского языка. Новой и непривычной для них является форма семинара, половине опрошенных она нравится, другая половина ещё не определилась со своим отношением к ним. Все опрошенные отмечают, что в КФУ, по сравнению с обучением в Китае, работа преподавателя со студентом более индивидуализирована, преподаватели охотно отвечают на вопросы и дают консультации. Это становится одним из достоинств образования в КФУ для китайских студентов: «Я посоветовала другой китайской девушке здесь учиться, потому что здесь преподаватели более ответственные».

Основным фактором успешности адаптации и освоения учебной программы для студентов из Китая является уровень владения русским языком. Это актуально как для студентов-гуманитариев, так и для студентов технического и естественнонаучного направлений. Большинство опрошенных отмечают эффективность работы языковых курсов для иностранцев, однако советуют применять как можно больше живой разговорной практики и изучения лексики, связанной с будущей специальностью. При этом они предпочли бы проживать в общежитиях именно с русскоговорящими студентами, чтобы легче и быстрее освоить русский язык.

Студенты-европейцы после обучения в КФУ планируют завершить образование в своих родных вузах и построить карьеру в своей или другой европейской стране. Около половины таких студентов планируют поступление в магистратуру европейских вузов.

В целом китайским студентам нравится жить в Казани и учиться в КФУ. Считается, что образование за рубежом, в частности в России, – весомое преимущество на китайском рынке труда.

Общение в учебной группе не вызывает особых затруднений у респондентов, отмечается доброжелательность студентов-россиян. Выполнение заданий на русском языке вызывает некоторые трудности у половины опрошенных, однако остальные студенты справляются с ними. При этом студенты выражают желание получать материалы и литературу по теме до занятия. Снижение требований к студентам из Китая со стороны преподавателей отмечает только каждый десятый респондент. Китайские студенты, в отличие от других студентов-иностранцев, активно общаются как с российскими студентами, так и со студентами из своей страны, однако большую часть времени всё же проводят с друзьями-китайцами.

В общественной жизни КФУ и Казани участвуют в большей степени студенты с активной жизненной позицией: *«Я приехал из Китая, и сейчас у нас, у китайцев, я создал наш личный футбольный клуб. Сейчас мы можем играть в футбол. В Казани у нас есть такой комитет только для иностранцев, мы можем участвовать во многих мероприятиях. Этот комитет и группа ВКонтакте называется АИСА»*. Однако менее активные студенты зачастую «выпадают» из общественной жизни, чувствуют себя отстранёнными, иногда даже не осведомлены о мероприятиях в КФУ: *«У нас мало возможности общаться... Вот был юбилей КФУ, но мы даже не знали. Мы узнали об этом из интернета, что в УНИКСе или где-то было мероприятие. Мы чувствуем, что мы – не члены КФУ»*.

Отмечается огромное значение атмосферы города, контактности и открытости местного населения, особенно по сравнению с Москвой: *«Атмосфера и люди. Я была в Москве, там много людей, и все спешат. Здесь людей немного. Когда нам нужна помощь, очень вероятно, что люди контактны... Они более добрые»; «Безопасно, спокойно, более тихо, чем в Москве»; «Город красивый. И я думаю, что здесь люди добрее, чем в большом городе»; «Это также третий, самый важный город в России... Здесь природа, народы, всё так хорошо»*.

Казань признаётся также безопасным и активно развивающимся городом, однако только каждый десятый респондент видит для себя перспективу в Казани: *«Если я и хочу найти работу в Казани, у меня меньше возможностей. Здесь мало китайских предприятий. Даже если я хочу после окончания университета здесь остаться, то не вижу возможностей»*. Однако большинство китайских студентов КФУ считают, что полученное образование поможет им найти хорошую работу на родине.

С проблемами при оформлении документов в процессе обучения в КФУ столкнулось большинство опрошенных студентов из Китая. Они отмечают медлительность работы департаментов и подразделений университета, а также необходимость самостоятельно делать переводы многих документов, в том числе дипломов. Китайские выпускники КФУ видят

проблему в том, что диплом вуза оформляется в начале лета, а большинство корпораций и фирм в Азии традиционно набирают новых сотрудников в начале весны. Из-за этого устроиться на хорошую работу в Китае выпускники КФУ могут только через год после окончания вуза. Это обстоятельство, по мнению большинства опрошенных, несколько снижает престиж образования в КФУ для китайских граждан. Тем не менее, многие респонденты активно рекомендуют своим друзьям и знакомым поступление в КФУ. Огромную роль при этом играет наличие партнёрского договора и возможность учиться в Казани бесплатно.

Отдельно стоит отметить особенности адаптации студентов-уйгур, или «китайских татар». Студенты из этой группы опрошенных поступили в КФУ в рамках программ и договорённостей университета за рубежом. Основным преимуществом при поступлении в КФУ стало для них знание татарского языка. Однако многие из этих студентов плохо знают (или совсем не знают) русский и английский языки, что затрудняет их общение в повседневной жизни. Знание татарского языка, несмотря на различия в диалектах, позволяет им справляться с программой обучения на татарском языке и посещать татарские мероприятия в городе, однако общение в общепите, транспорте, магазинах не всегда даётся им легко. Чаще всего в первый год жизни в Казани уйгуры общаются со своими же соотечественниками или одноклассниками, знающими татарский язык, однако позже их круг общения расширяется.

Некоторые студенты из Китая, знающие татарский язык и относящие себя к близкой к казанским татарам этнической группе, испытывают разочарование в Казани, в Татарстане. Так, например, один из студентов ожидал найти «своё государство у татар» и расстроен, что «татары обрусели». Он также считает, что все студенты КФУ должны учиться и сдавать экзамены на татарском языке. При этом у всей этой группы студентов из Китая не возникает конфликтных отношений ни с татарами, ни с русскими, ни со студентами из других стран.

Вообще студенты, приехавшие учиться в КФУ из Китая, отмечают, что конфликты, которые у них возникали в университете и повседневной жизни, были связаны с проблемами языка и невозможностью выразить точно свои мысли, однако конфликты быстро разрешались. Важнейшие проблемы студентов из Китая – это уровень владения русским языком, ограниченное участие в общественной жизни университета и позднее, по китайским меркам, срок оформления диплома, снижающее возможность найти престижную работу сразу после выпуска.

Студенты КФУ из Китая в целом достаточно успешно адаптируются к условиям обучения и проживания в Казани. Важную роль играет уровень знания языка. Студенты-китайцы не видят для себя больших перспектив на российском рынке труда, так как считают, что не смогут конкурировать с рос-

Китайские выпускники КФУ видят проблему в том, что диплом вуза оформляется в начале лета, а большинство корпораций и фирм в Азии традиционно набирают новых сотрудников в начале весны. Из-за этого устроиться на хорошую работу в Китае они могут только через год.

сиянами. В их планы входит возвращение на родину и работа по полученной специальности, где, по их мнению, российский диплом сыграет немаловажную роль. Стоит отметить, что порядка 80% китайских студентов обучаются в КФУ в рамках партнёрских соглашений и являются «целевиками». Для студентов из Китая характерно очень ответственное отношение к учёбе, многие считают хорошую успеваемость своим долгом по отношению к родной стране, которая оплачивает их образование за границей.

Заключение

Рассматривая проблемы адаптации студентов-иностранцев к обучению в КФУ и жизни в России, можно сделать вывод, что эти проблемы различны для студентов из разных стран и студентов с разным уровнем владения русским языком. Однако для большинства из них это в целом проблемы, связанные с переездом в чужую страну, с чувством одиночества. Важнейшим фактором успешности адаптации становится уровень знания русского языка.

Большинство опрошенных студентов-иностранцев КФУ обучаются в рамках партнёрских соглашений и не оплачивают лично своё образование. Самым престижным, с точки зрения опрошенных, считается естественнонаучное (биология, медицина, геология) направление подготовки. Однако все студенты считают, что образование, полученное в России и КФУ, поможет им получить хорошую работу у себя на Родине, и отмечают профессионализм и внимание преподавателей к студентам. Выше всего оценивают качество полученного образования студенты из СНГ и Китая и часть студентов-целевиков из стран Африки (геологи, биологи, медики). Студенты из Европы оценивают образование в КФУ в большей степени как получение нового жизненного опыта, а не как повышение своих профессиональных качеств. Более престижными в их понимании являются вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Все опрошенные ничего не знали о КФУ до участия в программах в рамках партнёрских соглашений. Возможно, это указывает на необходимость усиления работы по распространению информации о российских вузах для иностранных абитуриентов.

Библиографический список

Академическая мобильность иностранных студентов в России. Факты образования. Институт образования НИУ ВШЭ. Вып. 7. 13 с. // Институт образования НИУ ВШЭ. URL: <http://ioe.hse.ru/factobr> [Дата посещения: 20.12.16].

Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. 2014. Иностранцы в российских вузах / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований. 228 с.

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 323 с.

Вебер М. 1990. Избранные произведения // О некоторых категориях понимающей социологии. М.: Прогресс. 808 с.

Дементьева С. В. 2008. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // Известия ТПУ. № 6. С. 158–164.

Дорожкин Ю. Н., Мазина Л. Т. 2007. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. № 3. С. 73–77.

Дюркгейм Э. 1998. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Перевод А. Б. Гофмана. М.: Канон+. 432 с.

Ишкинеева Ф. Ф., Ахметова С. А., Минзарипов Р. Г. 2014. Социальное самочувствие молодежи на пороге профессионального самоопределения в обществе риска // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. № 6. С. 220–231.

Казанский федеральный университет. Обучение иностранных граждан в Казанском (Приволжском) федеральном университете. 2016 // Казанский Федеральный Университет. URL: <http://kpfu.ru/institutes/institut-upravleniya-ekonomiki-i-finansov/struktura/centr-bakalavriata/dokumenty/obuchenie-inostrannyh-grazhdan> [Дата посещения: 1.12.2016].

Корель Л. В. 2005. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука. 424 с.

Крупец Я. Н. 2003. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. № 4. С. 143–144.

Моднов С. И., Ухова Л. В. 2013. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. № 2. Т. I. С. 111–115.

Парсонс Т. 1997. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.

Спенсер Г. 1999. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Мн.: Современ. литератор. 1408 с.

Шюц А. 1988. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. № 2. С. 120–136.

Щербакова В. П. 2011. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель её адаптации к общественным переменам в России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. № 3–1. С. 221–232.

Merton R. K. 1982. *Social Research and Practicing Professions* / Ed. by A. Rosenblatt and T. F. Gieryn. Cambridge, Massachusetts: Abt Books. 344 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.444

The International Nature of Modern Education: Foreign Students' Adaptation to Russian Universities

Ishkineeva Farida Falesovna

Candidate of Sociological sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of sociological researches, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: farida1967@mail.ru

Ozerova Karina Adgamovna

PhD student, Assistant, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: karina-usm@yandex.ru

Kaveeva Adelia Dinarovna

PhD student, Assistant, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: adele.kaveeva@mail.ru

Akhmetova Simbul Abdulovna

Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: giacint7@mail.ru

Fursova Valentina Vladimirovna

Candidate of Sociological sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of sociological researches, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: vafursova@yandex.ru

Abstract: Given the globalization of the educational field, students are provided with ever increasing opportunities for academic mobility. In turn, educating foreign students is an important indicator of the prestige of a modern higher educational facility. That's why colleges implement programs for attracting foreign students and helping them to adapt. It should be said that the adaptation of various groups of foreign students transpires in different ways, due to several reasons, which have to do with a social, cultural and language environment which is completely new to them. This article is dedicated to analyzing the models and peculiarities of the adaptation of varying groups of foreign students to the educational environment of a Russian university. The main focus of attention is the Kazan Federal University (KFU), one of the largest higher educational facilities in Russia, where approximately every tenth student is a foreigner. This index for the KFU is slightly higher than the average figure for the country: according to statistical data for 2016, the percentage of foreign pupils in Russia's federal colleges is 4.2% [Academic mobility... 2016: 8.]. Given such context, it can be presumed that there is a connection between the intensiveness of the adaptation process for foreign students and their successful socialization and professional establishment. In turn, the evaluation of the education quality, as well as the comfort of the educational process, by foreign students goes quite a long way when determining the image, prestige and relevance of any given higher educational facility. The successful adaptation of foreign students is supposedly effected by the motivation for enrolling into Kazan university, as well as how students evaluate Russian education in general and that provided by KFU in particular. Also analyzed are such aspects of students' life as the nature of interaction between foreign pupils and Russian students, as well as the local populace, not to mention the problems when it comes to learning the Russian language and organizing everyday life and leisure activities. The following groups of foreign students are identified: students from CIS countries, students from foreign countries (with the exception of Europeans), students from Europe and the USA, students from China.

Keywords: international students, adaptation, students, university environment, youth.

References

Akademicheskaja mobil'nost' inostrannykh studentov v Rossii. Fakty obrazovaniya [Academic Mobility of Foreign Students in Russia. Facts about Education]. Education Institute of NRU HSE. 2016. Vol. 7. 13 p. IOE NRU HSE official website. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/Ф07.pdf> [date of visit: 20.12.16].

Arefiev A. L., Sheregi F. E. Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzah [Foreign Students in Russian Higher Schools]. Moscow, CSR publ., 2014. 228 p.

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Sicuk Construction of Reality. Essay on Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium, 1995. 323 p.

Dement'eva S. V. Vuzy Rossii kak mehanizm adaptatsii uchebnykh migrantov (v kontexte sociologicheskogo i filosofskogo analiza) [Higher Schools of Russia as a Mechanism of Adaptation of Study Migrants (in Context of Sociological and Philosophical analysis)]. Izvestiya TPU, 2008, no 6, pp. 158–164.

Dorozhkin Y. N., Mazina L. T. Problemy social'noy adaptatsii inostrannykh studentov [Problems of Social Adaptation of Foreign Students]. Sociologicheskie issledovaniya, 2007, no 3, pp. 73–77.

Durkheim E. Eelementarnye formy religioznoy zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary Forms of Religious Life. The Totemic System in Australia]. Moscow, Kanon+, 1998. 432 p.

Ishkineeva F. F., Ahmetova S. A., Minzaripov R. G. Social'noe samochuvstvie molodiy na poroge professional'nogo samoopredeleniya v obschestve riska [The Social Well-being of Young People on the Threshold of Professional Self-determination in a Risk Society]. Scientific Preprints of the Kazan University. Ser. Gumanit. Nauki, 2014, no 6, pp. 220–231.

Kazansky federal'ny universitet. Obuchenie inostrannykh grazhdan v Kazanskom (Privolzhskom) federal'nom universitete. 2016 year [Kazan Federal University. Training of foreign citizens in the Kazan (Privolzhsky) federal university. 2016]. KPFSU official website. URL: <http://kpfu.ru/international/obuchenie-inostrannykh-grazhdan> [date of visit: 1.12.2016].

Korel' L. V. Sociologiya adaptatsii: voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of Adaptation: Theory, Methodology and Methods]. Novosibirsk, Nauka, 2005. 424 p.

Krupetz Y. N. Social'noe samochuvstvie kak integral'nyy pokazatel' adaptirovannosti [Social Well-being as an Integral Indicator of Adaptation]. Sociologicheskie issledovaniya, 2003, no 4, pp. 143–144.

Merton R. K. Social Research and Practicing Professions. Cambridge, Massachusetts, Abt Books, 1982. 344 p.

Modnov S. I., Uhova L. V. Problemy adaptatsii inostrannykh studentov, obuchajushchiesya v tekhnicheskoy universitete [Adaptation Problems of Foreign Students Studying at a Technical University]. Yaroslavsky pedagogicheskiy vestnik, 2013, no 2. Vol. 1, pp. 111–115.

Parsons T. Sistema sovremennykh obschestv [A System of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1997. 270 p.

Scherbakova V. P. Social'noe samochuvstvie molodiy, integral'nyy pokazatel' eyo adaptatsii k obschestvennym peremenam v Rossii. Izvestiya TulGU [The Social Well-being of the Youth as an Integral Indicator of its Adaptation to Social Change in Russia]. Gumanitarnye nauki, 2011, no 3–1, pp. 221–232.

Shutz A. Struktura povsednevnogo myshleniya [Structure of Everyday Thinking]. Sociologicheskie issledovaniya, 1988, no 2, pp. 120–136.

Spenser G. Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie [Experiences of Science, Politics and Philosophy]. Minsk, Sovremenny literator, 1999. 1408 p.

Weber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. O nekotorykh kategoriyah ponimayushey sotziologii. Moscow, Progress, 1990. 808 p.

Т е м а   н о м е р а Социология образования: положение конкретных социальных групп

Динамика долей групп детей дошкольного возраста в регионах РФ

Синица Арсений Леонидович – кандидат экономических наук, научный сотрудник, лаборатория экономики народонаселения и демографии, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Динамика долей групп детей дошкольного возраста в регионах РФ

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.445

Аннотация. Резкое повышение рождаемости¹ в России, наблюдаемое с 2007 г., показало, что система дошкольных образовательных организаций оказалась не готова к столь значительному увеличению числа детей дошкольного возраста, что привело к серьёзным социально-экономическим противоречиям. При рассмотрении развития системы дошкольных образовательных организаций в 2005–13 гг. были выделены три группы детей: посещающие дошкольные образовательные организации, не посещающие их из-за отсутствия мест или по нежеланию родителей. Под «детьми дошкольного возраста» в работе понимаются дети в возрасте 0–6 лет, так как при рассмотрении детей только в возрасте 1–6 лет часть детей в возрасте до одного года, ожидающих места в дошкольных образовательных организациях, оказывается вне поля зрения, что ведёт к неправильной оценке долей каждой группы детей. Это является ключевым отличием данной работы от других. Доля групп детей рассматривается как по федеральным округам, так и по регионам, входящим в них, и проводится их сравнительный анализ. Основные выводы работы заключаются в следующем. Во-первых, охват детей сетью дошкольных образовательных организаций и доля детей, не посещающих их по причине отсутствия мест, возросли, а доля детей, не посещающих дошкольные образовательные организации по желанию родителей, снизилась. Во-вторых, климатические особенности и экономическая специализация регионов оказывают ощутимое влияние на динамику численности групп детей дошкольного возраста. В-третьих, в стране существует значительный резерв увеличения занятости. В-четвёртых, уровень развития системы дошкольных образовательных организаций не отвечает потребностям населения. Для решения существующих проблем в этой сфере приводятся рекомендации для государственной политики, связанные с развитием системы дошкольных образовательных организаций, повышением престижа труда по уходу за детьми и повышением качества управления социальными процессами.

Ключевые слова: дошкольные образовательные организации (ДОО), система ДОО, доли групп детей дошкольного возраста, показатели развития системы ДОО

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности её сокращения».

Процессы, происходящие на рынке труда, уровень рождаемости и уход за детьми дошкольного возраста тесно связаны. Зачастую именно особенности последнего определяют динамику изменения показателей рынка труда (спрос и предложение рабочей силы, её половозрастной состав, а также уровень квалификации и время работы) и уровень рождаемости. Следовательно, при изучении занятости (особенно женской) на любом уровне рождаемости нам необходимо знать некоторые параметры развития сети дошкольных образовательных организаций/учреждений (далее – ДОО).

Обычно для этого рассматривают следующие показатели: число ДОО, численность детей в них, охват детей дошкольным образованием и число детей, приходящееся на 100 мест. Ещё одним важным показателем является численность детей, состоящих в очереди для определения в ДОО. Последний показатель важен и с точки зрения экономического развития страны, так как даёт представление о возможном резерве повышения численности рабочей силы.

Безусловно, у него есть недостатки: часть очереди в ДОО является фиктивной, так как детей начинают записывать в неё с более ранних возрастов, чем необходимо. Тем не менее, этот показатель даёт представление о числе матерей, которые хотели бы выйти на работу, но не могут этого сделать.

При рассмотрении данного показателя обычно ограничиваются абсолютными цифрами. Это неудобно, так как не даёт представления о доле детей-очередников ДОО среди всех дошкольников и не позволяет сравнивать социально-экономическое развитие на региональном уровне (при одинаковой численности детей-очередников ДОО в разных регионах их доля будет различной, поскольку численность детей дошкольного возраста в регионах различается).

Наконец, есть родители, которые не хотят отдавать детей в ДОО и воспитывают их сами. Их доля достаточно высока: например, по данным опроса, проведённого в относительно неблагоприятном 2001 г., 10–15% женщин в возрасте 15–49 лет в Уральском федеральном округе желали ограничиться лишь материнской функцией [Ильшев, Лаврентьева 2003: 65]. К ним же следует отнести родителей, которые не подают заявление на постановку ребёнка в очередь, так как не надеются на его удовлетворение. Обычно они выпадают из рассмотрения, однако их тоже необходимо учитывать.

Если мы проведём аналогию с рынком труда, то дети, посещающие ДОО, соотносятся с категорией занятых; дети, не посещающие ДОО по причине нехватки мест, соотносятся с категорией безработных (две эти категории вместе соотносятся с экономически активным населением), а дети, не посещающие ДОО по желанию родителей, соотносятся с категорией экономически неактивного населения. Такое деление в опре-

делённой степени является логической конструкцией, однако его использование оправдано, так как уход за детьми является как важным фактором репродуктивного поведения, так и фактором, влияющим на поведение семей в сфере занятости.

Охват детей ДОО включает в себя только детей в возрасте от 1 года до 6 лет. Это имеет смысл, так как детей в возрасте до 1 года в ДОО крайне мало. Тем не менее, если мы рассматриваем все три группы детей дошкольного возраста вместе, это ведёт к ошибкам. Например, в 2007 г. в Чукотском автономном округе в ДОО ходило 3583 ребёнка. При охвате детей ДОО, равном 84,1%, детей в возрасте от 1 года до 6 лет в регионе должно было быть 4260. Однако в очереди для получения места в ДОО стояло 938 детей, что в сумме с детьми, уже посещающими ДОО, даёт цифру 4521 человек. Мы делаем предположение, что часть детей из тех, кто поставлен на учёт для определения в ДОО, находилась в возрасте до 1 года. Следовательно, мы должны включить в расчёт детей в возрасте до одного года¹. Это потребует пересчёта показателя охвата детей ДОО в сторону его снижения, но позволит рассчитать численность детей в каждой группе и определить её долю.

Цель и метод исследования

Целью нашей работы является изучение изменения долей всех трёх групп на уровне субъектов РФ и федеральных округов в 2005–13 гг. Мы рассматриваем институциональный уход за детьми. Это связано с тем, что без развитой сети ДОО женщины не могут заниматься профессиональной деятельностью вне дома. При этом отказываться от неё они не хотят, так как именно работа даёт женщинам значительный объём сведений о жизни в обществе и дополнительный смысл их жизни. Кроме того, часто зарплата женщины важна для бюджета семьи и повышения уровня её жизни.

Данные о числе детей в возрасте до года, охвате детей ДОО, числе детей, посещающих ДОО, и о числе детей, стоящих для определения в ДОО за 2005–13 гг., мы берём из единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Имея эти данные, мы можем рассчитать долю детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия в них мест, и долю детей, не посещающих ДОО по желанию родителей. В сумме с числом детей, посещающих ДОО, они дадут 100%².

¹ Число детей, посещающих ДОО, приводится на 31 декабря, поэтому число детей в возрасте до одного года следует брать по состоянию на 01 января следующего года.

² Мы не можем взять за базу для расчётов просто число детей в возрасте до 7 лет, так как часть детей в этом возрасте уже ходят в школу, и поэтому не должны учитываться.

Следовательно, мы сможем изучить динамику изменения долей всех трёх групп детей дошкольного возраста в региональном разрезе.

Можно выделить два вопроса, стоящих перед органами государственного управления. Первый вопрос заключается в оценке изменений численности групп детей дошкольного возраста: численность каких групп и на сколько необходимо изменить? В настоящее время необходимо повышать численность детей, посещающих ДОО, и снижать число детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест. Что касается группы детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, то её стоит уменьшать только за счёт тех детей, родители которых не подают заявку на получение места в ДОО, не надеясь на её удовлетворение. В прочих случаях – это частное дело семьи, и государственное вмешательство возможно лишь в исключительном порядке.

Второй вопрос связан с необходимостью оценки региональных различий: требуется снижать или повышать разброс показателей? Безусловно, существуют культурные особенности, однако, при прочих равных, больший разброс между показателями в отношении ухода за детьми означает большее неравенство социально-экономического развития, что негативно сказывается на экономическом положении всей страны или отдельного макрорегиона. Мы считаем, что в данном случае необходимо снижать различие между регионами.

Динамика долей групп детей дошкольного возраста в федеральных округах и регионах РФ

Охват детей сетью ДОО в рассматриваемый период возрос (см. таблицу 1) примерно на 5 процентных пунктов (п. п.). Однако это связано не с увеличением числа ДОО, а с увеличением числа детей в группах, уплотнением групп и развитием групп кратковременного пребывания детей, так как количество ДОО продолжило снижаться (см. таблицу 2). Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, снизилась почти в два раза (с 41,8 до 24,2%), однако остаётся достаточно большой. При этом значительно возросла доля детей, не посещающих ДОО по причине нехватки мест (с 10,2 до 22,7%), что можно связать с неготовностью системы ДОО к значительному увеличению числа детей дошкольного возраста. Такую ситуацию также можно объяснить увеличением ажиотажного спроса, вызванного дефицитом мест в ДОО, и широким обсуждением данного вопроса в обществе.

Таблица 1

Доли детей по посещаемости ДОО в РФ в 2005–13 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Доля детей, посещающих ДОО	48,0	48,9	49,4	49,5	49,2	50,1	50,9	51,9	53,1
Доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест	10,2	12,8	15,2	16,7	17,8	19,9	20,2	20,9	22,7
Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей	41,8	38,3	35,4	33,8	33,0	30,0	28,9	27,2	24,2

Источники: <https://www.fedstat.ru/indicator/43553> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/33456> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/34049> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/31548> [Дата посещения: 19.11.2016].

Таблица 2

Число ДОО и мест в них в 2005–13 гг.

Год	Число ДОО	Число мест в ДОО	Год	Число ДОО	Число мест в ДОО
2005	46518	4765453	2010	45111	5031352
2006	46168	4763662	2011	44884	5322795
2007	45730	4686049	2012	44236	5708927
2008	45607	4863484	2013	43187	6046093
2009	45346	4938275			
Центральный федеральный округ					
2005	10698	1185022	2010	10372	1210910
2006	10598	1159247	2011	10347	1302046
2007	10565	1104895	2012	10011	1395861
2008	10542	1167313	2013	9129	1480453
2009	10483	1194749			
Северо-Западный федеральный округ					
2005	4420	524221	2010	4233	553690
2006	4321	526506	2011	4159	581705
2007	4370	524353	2012	4118	611247
2008	4363	542311	2013	3972	654939
2009	4286	543867			

Продолжение таблицы 2

Год	Число ДОО	Число мест в ДОО	Год	Число ДОО	Число мест в ДОО
Южный федеральный округ					
2005	3969	385815	2010	3996	424896
2006	3973	388331	2011	3963	439793
2007	3976	383130	2012	3943	458540
2008	3993	401919	2013	3943	485122
2009	3997	н.д.			
Северо-Кавказский федеральный округ					
2005	1855	199988	2010	2011	235692
2006	1959	208936	2011	2039	241659
2007	1982	212795	2012	2099	266492
2008	1978	219031	2013	2120	279886
2009	2006	н.д.			
Приволжский федеральный округ					
2005	11967	1134832	2010	11150	1138253
2006	11676	1127597	2011	10989	1209323
2007	11388	1104991	2012	10756	1305969
2008	11359	1122538	2013	10666	1357068
2009	11185	1126039			
Уральский федеральный округ					
2005	4432	471067	2010	4263	528645
2006	4467	480235	2011	4298	554513
2007	4292	480343	2012	4274	606828
2008	4260	501857	2013	4195	643284
2009	4287	508912			
Сибирский федеральный округ					
2005	6763	611330	2010	6642	677528
2006	6709	622229	2011	6652	720508
2007	6713	629626	2012	6685	778353
2008	6674	655116	2013	6713	844924
2009	6665	669989			
Дальневосточный федеральный округ					
2005	2414	253178	2010	2444	261738
2006	2465	250581	2011	2437	273248
2007	2444	245916	2012	2440	285637
2008	2438	253399	2013	2449	300417
2009	2437	258217			

Источники: <https://www.fedstat.ru/indicator/33471> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/40548> [Дата посещения: 19.11.2016].

Рассмотрим динамику численности групп детей дошкольного возраста на уровне федеральных округов (см. таблицу 3) и регионов.

Таблица 3

Доля различных групп детей в федеральных округах в 2005–13 гг.

Федеральный округ	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Доля детей, посещающих ДОО									
ЦФО	0,49	0,49	0,50	0,50	0,50	0,52	0,53	0,54	0,55
СЗФО	0,60	0,61	0,62	0,62	0,61	0,62	0,63	0,63	0,63
ЮФО	0,43	0,44	0,45	0,45	0,45	0,46	0,47	0,48	0,49
СКФО	0,24	0,25	0,26	0,25	0,26	0,26	0,27	0,29	0,31
ПФО	0,54	0,55	0,55	0,54	0,54	0,54	0,55	0,56	0,57
УФО	0,54	0,56	0,56	0,57	0,56	0,58	0,58	0,58	0,59
СФО	0,44	0,45	0,46	0,46	0,45	0,46	0,47	0,48	0,50
ДФО	0,51	0,52	0,53	0,53	0,52	0,54	0,54	0,55	0,56
Доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест									
ЦФО	0,10	0,12	0,14	0,14	0,15	0,17	0,16	0,16	0,17
СЗФО	0,10	0,11	0,13	0,12	0,13	0,14	0,14	0,14	0,14
ЮФО*	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,21	0,22	0,24	0,26
СКФО	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,14	0,16	0,17	0,17
ПФО	0,10	0,12	0,14	0,15	0,15	0,17	0,17	0,19	0,26
УФО	0,13	0,17	0,20	0,23	0,25	0,23	0,24	0,25	0,29
СФО	0,13	0,17	0,20	0,26	0,28	0,31	0,33	0,32	0,30
ДФО	0,15	0,16	0,18	0,19	0,20	0,24	0,25	0,23	0,23
Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей									
ЦФО	0,42	0,38	0,36	0,36	0,34	0,31	0,31	0,30	0,28
СЗФО	0,29	0,28	0,26	0,26	0,26	0,24	0,23	0,24	0,22
ЮФО*	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,33	0,32	0,28	0,24
СКФО	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,60	0,58	0,55	0,53
ПФО	0,36	0,34	0,31	0,31	0,31	0,29	0,28	0,26	0,17
УФО	0,33	0,28	0,24	0,20	0,19	0,19	0,18	0,17	0,12
СФО	0,44	0,38	0,34	0,28	0,26	0,23	0,20	0,20	0,20
ДФО	0,34	0,32	0,29	0,28	0,28	0,22	0,21	0,22	0,21

Источники: <https://www.fedstat.ru/indicator/43553> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/33456> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/34049> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> [Дата посещения: 19.11.2016], <https://www.fedstat.ru/indicator/31548> [Дата посещения: 19.11.2016].

*В связи с тем, что до 2010 г. ЮФО был объединён с СКФО, по данному показателю расчёты проводились только с 2010 г.

Во всех федеральных округах за рассматриваемый период доля детей, посещающих ДОО, возросла, что можно связать с увеличением числа мест в них даже при снижении их числа (см. таблицу 2). Наибольший прирост наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО), в котором он составил 7 п. п. Это связано с изначально низкой долей таких детей. В Южном (ЮФО) и Сибирском (СФО) федеральных округах, где начальный уровень охвата детей тоже был ниже среднего по стране, прирост составил 6 п. п. В Центральном федеральном округе (ЦФО) прирост тоже составил 6 п. п., но в значительной мере он связан с улучшением ситуации в Москве. В Уральском (УФО) и Дальневосточном (ДФО) федеральных округах начальный уровень был выше среднего по стране, но он возрос на 5 п. п., то есть на столько, на сколько охват детей увеличился в целом по стране. В Приволжском федеральном округе (ПФО) прирост составил всего 3 п. п. Это свидетельствует о недостаточном внимании властей регионов, входящих в ПФО, к данному вопросу или об отсутствии необходимых материальных средств для его решения. В результате положение ПФО стало хуже, по сравнению с соседним УФО, при изначально равенстве в охвате детей сетью ДОО, хотя уровень охвата в нём остался выше среднего. Наконец, в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) за весь период наблюдался наиболее высокий уровень охвата детей дошкольного возраста. Прирост составил всего 3 п. п., но охват детей всё равно гораздо выше, чем в других округах. Это можно связать с географическим расположением: в северных регионах из-за особенностей их освоения охват детей выше.

Во всех федеральных округах в 2005–13 гг. наблюдалось увеличение числа детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, что может быть объяснено увеличением рождаемости, большим, чем прирост мест в ДОО. Несмотря на высокий уровень охвата детей, в СЗФО наблюдался наименьший прирост детей в этой группе – 4 п. п. В ЦФО прирост составил 7 п. п., что частично можно связать с улучшением ситуации в Москве. Объяснить столь низкий прирост данного показателя в этих федеральных округах можно низкой рождаемостью. В ДФО число таких детей увеличилось на 1 п. п., хотя в нём ситуация была противоречивой. В ПФО и УФО прирост детей в этой группе был выше среднего по стране – 16 п. п. В ПФО это связано с недостаточным развитием сети ДОО, а в УФО – в значительной мере ещё и с высоким уровнем рождаемости. Самый высокий прирост наблюдался в СФО (17 п. п.). Это можно объяснить достаточно высоким уровнем рождаемости в данном федеральном округе и значительной неоднородностью этого округа по уровню социально-экономического развития. ЮФО до 2010 г. был объединён с СКФО,

Во всех федеральных округах за рассматриваемый период доля детей, посещающих дошкольные образовательные учреждения, возросла, что можно связать с увеличением числа мест в них даже при снижении их числа.

поэтому мы можем оценивать динамику по этим федеральным округам только с 2010 г. В ЮФО доля детей, не посещающих ДОО по причине нехватки мест, была несколько выше средней по стране, а в СКФО – ниже.

Во всех федеральных округах наблюдалось снижение числа детей, которые не посещают ДОО по желанию родителей. Это можно связать с увеличением числа мест в ДОО (см. таблицу 2) и повышением значимости услуг ДОО для родителей. Наименьшее снижение данного показателя наблюдалось в СЗФО (7 п. п.), что связано с высоким уровнем охвата детей сетью ДОО, увеличением как числа ДОО, так и мест в них, а также низким уровнем рождаемости в этом округе. В ДФО снижение показателя составило 13 п. п., что можно объяснить относительно высокой рождаемостью при слабом изменении числа ДОО и значительном увеличении числа мест в них. В ЦФО при низком уровне рождаемости и значительном сокращении числа ДОО (в основном это сокращение пришлось на Москву) число мест в них увеличилось. В сочетании с достаточно высоким охватом детей сетью ДОО это позволило снизить число детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, на 14 п. п., что ниже среднего по стране уровня. В ПФО при средней рождаемости, сокращении числа ДОО, но росте числа мест в них, число таких детей сократилось несколько больше, чем в среднем по стране (на 19 п. п.). В УФО число детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, снизилось на 21 п. п., что больше среднего по стране. Это может быть связано с высокой рождаемостью при снижении числа ДОО, даже несмотря на значительный рост числа мест в них. В СФО данный показатель снизился более всего (на 24 п. п.). Это можно связать со значительным ростом числа мест в ДОО в условиях относительно высокой рождаемости и крайней неоднородностью данного округа по уровню социально-экономического развития. В отношении ЮФО и СКФО данный показатель доступен тоже только с 2010 г. В ЮФО он снижался достаточно быстро и в 2013 г. достиг среднего по стране уровня. В СКФО он снижался медленнее, хотя был гораздо выше, чем в любом другом округе. Это можно связать с низким уровнем социально-экономического развития округа.

Если мы рассмотрим численность групп детей по федеральным округам, то в СЗФО структура детей дошкольного возраста будет наиболее благоприятной. Далее располагаются ЦФО, УФО, ДФО, ПФО и ЮФО. В СФО и СКФО она будет наименее благоприятной.

Мы видим, что, несмотря на рост числа ДОО, существует значительный объем неудовлетворенного спроса на их услуги, который различается в зависимости от федеральных округов. Рассмотрим доли групп детей дошкольного возраста внутри федеральных округов на региональном уровне.

Во всех федеральных округах наблюдалось снижение числа детей, которые не посещают дошкольные образовательные учреждения по желанию родителей.

Несмотря на рост числа дошкольных образовательных учреждений, существует значительный объем неудовлетворенного спроса на их услуги, который различается в зависимости от федеральных округов.

В ЦФО самый низкий уровень охвата детей сетью ДОО в 2013 г. был в Воронежской (48%) и Курской (42%) областях, а самый высокий – в Владимирской (66%), Ивановской (63%), Костромской (62%) и Ярославской (65%) областях. Во всех остальных регионах, кроме Костромской области, в которой он остался без изменений, данный показатель за рассматриваемый период возрос. Максимальный прирост был отмечен в Тамбовской области (14 п. п.) и Москве (11 п. п.), минимальный прирост (2 п. п.) зафиксирован в Ивановской, Московской и Ярославской областях. В остальных регионах прирост составил 3–9 п. п. Снижение числа детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, наблюдалось только во Владимирской (с 8 до 3%) и Липецкой (с 15 до 9%) областях, а также в Москве (с 6 до 0%). В остальных регионах эта группа детей возросла, причём иногда значительно (например, в Белгородской области с 5 до 29%, а в Воронежской – с 6 до 27%). Максимальное значение показателя в 2013 г. наблюдалось в Московской (37%) и Смоленской (31%) областях, а минимальное – во Владимирской (3%), Тамбовской (5%) областях и Москве (0%). Во всех регионах число детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, сократилось. Исключением является Владимирская область, в которой их число увеличилось с 29 до 30%. Наименьшее значение в 2013 г. имели Ярославская (6%), Московская (7%) и Костромская (8%) области, наибольшее – Тамбовская (43%) и Липецкая (39%) области, а также Москва (47%). Наибольшим снижением данного показателя было в Белгородской (30 п. п.), Воронежской (28 п. п.) и Московской (25 п. п.) областях; наименьшим – в Липецкой (1 п. п.), Владимирской (2 п. п.) и Тверской (5 п. п.) областях.

В СЗФО охват детей сетью ДОО увеличился во всех регионах, кроме Мурманской области, в которой он не изменился и составлял 69%. Наибольшие значения наблюдались в Новгородской области (72%) и Республике Коми (71%), наименьшие – в Калининградской (53%), Ленинградской (58%) и Псковской (55%) областях. Прирост данного показателя в регионах, входящих в СЗФО, был небольшим и не превышал шести процентных пунктов. Число детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, снизилось только в Ленинградской (с 14 до 8%), Мурманской (с 6 до 2%) и Новгородской (с 10 до 2%) областях. При этом наблюдалось значительное увеличение доли таких детей в трёх регионах: в Вологодской (с 8 до 28%) и Калининградской (с 27 до 37%) областях и Республике Коми (с 10 до 20%). В 2013 г. максимальное значение наблюдалось в Архангельской (29%), Вологодской (28%) и Калининградской (37%) областях, а минимальное (2%) – в Мурманской и Новгородской областях, а также в Санкт-Петербурге. Максимальный прирост показателя наблюдался в Вологодской области (19 п. п.),

минимальный – в Санкт-Петербурге (1 п. п.). К 2013 г. число детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, возросло только в Ленинградской (с 32 до 33%), Мурманской (с 26 до 29%) и Новгородской (с 20 до 26%) областях. Максимальным снижением было в Вологодской (с 25 до 4%) и Калининградской (с 26 до 10%) областях. Наибольшим в 2013 г. значение данного показателя было в Ленинградской (33%) и Мурманской (29%) областях и в Санкт-Петербурге (36%), а наименьшим – в Архангельской (6%) и Вологодской (4%) областях, Республиках Карелия (7%) и Коми (8%).

В регионах, входящих в ЮФО, охват детей сетью ДОО в 2005–13 гг. увеличился, но увеличение было небольшим (максимум на 8 п. п.). В результате лишь в Краснодарском крае он составил 52%. В остальных регионах этот показатель был в интервале 45–49%. Число детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, тоже возросло во всех регионах. Доля таких детей в 2013 г. составляла 25–31%. Максимальное увеличение (24 п. п.) наблюдалось в Астраханской области и в Республике Калмыкия, минимальным оно было в Краснодарском крае (13 п. п.). Снижение доли детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, составило от 22 (в Краснодарском крае) до 28 (в Республике Калмыкия) п. п. Доля таких детей в 2013 г. составляла 21–28%.

В СКФО число детей, посещающих ДОО, за 2005–13 гг. увеличилось. Наиболее значительным (на 11 п. п.) увеличение было в Кабардино-Балкарской и Чеченской¹ Республиках. В остальных регионах увеличение составило 2–7 п. п. В 2013 г. наибольший охват детей был отмечен в Кабардино-Балкарской (51%), Карачаево-Черкесской (37%) Республиках и в Ставропольском крае (49%), а наименьший – в Республиках Дагестан (22%), Ингушетия (9%) и Чеченская (16%). Во всех регионах, кроме Кабардино-Балкарской Республики, в которой значение показателя осталось на уровне 6%, число детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, возросло на 8–14%. Тем не менее, в двух регионах увеличение доли таких детей было значительным: в Республике Северная Осетия она возросла на 18 п. п., а в Республике Ингушетия – на 29 п. п.. Минимальное значение данного показателя в 2013 г. наблюдалось в Кабардино-Балкарской (6%) и Чеченской (11%) Республиках, максимальное – в Республике Ингушетия (31%). Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, в регионах, входящих в СКФО, заметно сократилась. Минимальное сокращение было зафиксировано в Республиках Дагестан (12 п. п.), Кабардино-Балкарская (11 п. п.) и Карачаево-Черкесская (13 п. п.), максимальное – в Республике Ингушетия (32 п. п.), в остальных регионах – 19–22 п. п. Наибольшим данный показатель был в Республиках Дагестан (62%), Ингушетия (60%) и Чеченская (73%), наименьшим – в Ставропольском крае (29%).

¹ Данные по Чечне доступны начиная с 2006 г.

Во всех регионах ПФО в 2005–13 гг. наблюдалось увеличение охвата детей сетью ДОО в среднем на 2–7 п. п. Исключение составляют Кировская область, Республика Татарстан и Пермский край, в которых снижение составило 3,2 и 5 п. п. соответственно. В Чувашской Республике значение показателя осталось неизменным. В 2013 г. наибольший охват отмечался в Кировской (61%), Нижегородской (63%) областях и Чувашской Республике (61%), а минимальный – в Оренбургской (51%), Пензенской (53%), Саратовской (50%) и Ульяновской (53%) областях. Во всех регионах, входящих в ПФО, доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, возросла на 12–19 п. п. Исключением являются Пензенская область и Пермский край, в которых показатель увеличился на 10 и 5 п. п. соответственно, а также Самарская область и Республика Татарстан, в которых показатель возрос на 22 и 24 п. п. Максимально значение показателя в 2013 г. отмечалось в Самарской (32%), Ульяновской (29%) областях, Республиках Татарстан (30%) и Чувашская (32%), минимальное – в Пензенской области (13%) и Республике Мордовия (14%). В остальных регионах он составлял 21–29%. Во всех регионах, кроме Пермского края, в котором доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, не изменилась, в 2005–13 гг. наблюдалось значительное сокращение доли таких детей (на 18–23 п. п.). В Кировской области оно составило 21 п. п., в Удмуртской Республике – 14 п. п., а в Самарской области – 28 п. п. Максимальное значение показателя в 2013 г. наблюдалось в Пензенской области (34%) и Республике Мордовия (31%), минимальное – в Удмуртской (8%) и Чувашской (7%) Республиках.

В УФО входят всего четыре региона, однако он достаточно неоднороден. В 2013 г. самый высокий охват дошкольным образованием был в Челябинской области (67%). В прочих регионах он составлял 54–57%. При этом самый высокий прирост отмечался в Курганской области (10 п. п.), тогда как в остальных регионах он составлял 2–6 п. п. Наибольшим увеличением доли детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, было в Свердловской области (20 п. п.). В других регионах оно составляло 12–14 п. п. Максимальным значением показателя было в Свердловской области (32%), минимальным – в Челябинской (24%). Снижение доли детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, было одинаковым во всех регионах (19–22 п. п.), а наибольшее значение показателя было зафиксировано в Курганской области (20%), тогда как наименьшее – в Челябинской области (9%).

В СФО лишь в Республике Тыва в 2005–13 гг. наблюдалось снижение охвата детей сетью ДОО (на 7 п. п.). В Красноярском крае значение показателя не изменилось

(48%). В остальных регионах наблюдалось увеличение на 2–9 п. п., а в Новосибирской области и Республике Алтай – на 10 п. п. Наибольшим охват в 2013 г. был в Кемеровской (56%) и Томской (54%) областях, а наименьшим – в Республиках Алтай (38%) и Тыва (33%). Во всех регионах, входящих в СФО, доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, увеличилась. Максимальным увеличением было в Омской области (29 п. п.), минимальным – в Томской (8 п. п.), Республике Хакасия (7 п. п.) и Забайкальском крае (7 п. п.). Максимальным значением показателя было в Красноярском крае (41%), а минимальным – в Кемеровской области (22%), Республике Хакасия (22%) и Забайкальском крае (23%). Во всех регионах наблюдалось значительное снижение доли детей, не посещающих ДОО по желанию родителей (на 14–23 п. п.). При этом в Республике Тыва снижение составило всего 8 п. п., тогда как в Новосибирской и Омской областях снижение составило 32 и 36 п. п., а в Республике Бурятия – 30 п. п. Минимальным показателем был в Томской области (15%) и Красноярском крае (11%), а максимальным – в Республике Тыва (36%).

В ДФО только в Республике Саха наблюдалось снижение охвата детей сетью ДОО (на 4 п. п.). В остальных регионах он увеличился на 4–10 п. п., а в Сахалинской области – на 11 п. п. Наибольшим охват в 2013 г. был в Магаданской области (72%) и Чукотском автономном округе (79%), наименьшим (53%) – в Республике Саха и Приморском крае. Только в Хабаровском крае доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, снизилась (на 9 п. п.). В прочих регионах она возросла. Максимальный прирост наблюдался в Сахалинской области (16 п. п.), Республике Саха (15 п. п.) и Чукотском автономном округе (14 п. п.), минимальный – в Магаданской (3 п. п.) и Еврейской автономной (2 п. п.) областях. Максимальное значение показателя наблюдалось в Сахалинской области (30%), Республике Саха (36%) и Камчатском крае (30%), минимальное – в Хабаровском крае (1%). Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, во всех регионах, входящих в ДФО, снижалась. Исключение составил Хабаровский край, в котором значение данного показателя не изменилось. Наименьшее снижение было зафиксировано в Магаданской (12 п. п.), Еврейской автономной (11 п. п.) областях и Республике Саха (11 п. п.), наибольшее – в Сахалинской области (27 п. п.) и Чукотском автономном округе (24 п. п.). Максимальное значение показателя было отмечено в Хабаровском крае (41%), минимальное – в Сахалинской области (8%), Камчатском крае (5%) и Чукотском автономном округе (7%).

Выводы

Во-первых, практически во всех регионах доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, снизилась. Причины, побуждающие отдать ребенка в ДОО, могут быть разными, но в основном они связаны с желанием женщин приступить к оплачиваемой трудовой деятельности, что снизит нагрузку на бюджет семей и повысит ВВП и уровень их жизни. Охват детей сетью ДОО и доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, возросли, что свидетельствует о наличии значительного спроса на услуги ДОО. При этом охват детей системой ДОО возрос примерно в три раза меньшем объёме, чем доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия в них мест. Следовательно, система ДОО была не готова к увеличению рождаемости, и этот вопрос до сих пор не решён.

Во-вторых, особенности развития регионов оказывают ощутимое влияние на охват детей сетью ДОО. Например, на Крайнем Севере и в местностях, приравненных к нему, охват детей сетью ДОО в среднем выше, тогда как в южных регионах – ниже среднего по стране. Более того, мы можем утверждать, что создание и поддержание сети ДОО для северных регионов является необходимым условием их успешного развития. Частично это можно связать с тем, что многие из первых территорий начали осваиваться в промышленном масштабе недавно, когда необходимость ДОО для поселений была уже очевидной. Частично это связано с преобладанием компактного проживания населения в этих регионах, что означает более простое и менее затратное с экономической точки зрения развитие сети ДОО и увеличение охвата детей, а также с тем, что, в отличие от южных регионов, где ребёнок может проводить много времени вне помещения, в условиях Крайнего Севера это невозможно, а занятость населения достаточно высока.

В-третьих, экономическая специализация регионов тоже оказывает значимое влияние на развитие сети ДОО. Если мы рассмотрим синтетическую классификацию регионов [Голяшев, Григорьев 2014], то мы увидим, что существуют закономерности между основной сферой экономического развития региона и уровнем развития сети ДОО. В частности, чем более регион развит экономически, тем выше в нём охват детей сетью ДОО. При этом в регионах с преимущественно сырьевой ориентацией в 2013 г. наблюдался достаточно высокий охват детей сетью ДОО (59%), самая высокая доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест (24%), и самая низкая доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей (17%). В регионах с промышленной ориентацией

Причины, побуждающие отдать ребенка в ДОО, могут быть разными, но в основном они связаны с желанием женщин приступить к оплачиваемой трудовой деятельности, что снизит нагрузку на бюджет семей и повысит ВВП и уровень их жизни.

Особенности развития регионов оказывают ощутимое влияние на охват детей сетью дошкольных образовательных учреждений. Например, на Крайнем Севере и в местностях, приравненных к нему, охват детей сетью ДОО в среднем выше, тогда как в южных регионах – ниже среднего по стране.

охват детей ДОО тоже составлял 59%, но доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, была несколько ниже – 21%, а доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей – несколько выше (20%). В аграрных регионах охват детей был самым низким (47%), доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест, составляла 23%, а доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, была самой высокой (30%). В большинстве наименее развитых регионов охват детей был самым низким, а доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, самой высокой. Это можно связать с тёплым климатом, большой долей сельского населения, возможностью домашнего присмотра за детьми силами членов семьи, родственников или соседей и тем, что значительный объём работников имеет сезонную или неформальную занятость. Тем не менее, мы считаем, что в этих регионах низкий охват детей в значительной степени связан не с желанием родителей, а со скромными возможностями региональных властей для развития сети ДОО. Более высокий охват детей в регионах с сырьевой и промышленной ориентацией связан с большими финансовыми возможностями и постоянной потребностью в работниках, а не на циклической основе. Кроме того, в ряде регионов связи между родственниками разорваны из-за миграций, поэтому зачастую ДОО являются единственным способом организации ухода за детьми.

В-четвёртых, уровень развития сети ДОО не отвечает потребностям населения, но в некоторых регионах эта проблема более актуальна. В первую очередь это касается Республик Ингушетия, Дагестан, Чеченская, Тыва, Карачаево-Черкесская, Алтай. Низкий уровень социально-экономического развития (а в случае с СКФО влияют ещё и последствия войны) этих регионов дополняется высокой рождаемостью¹. Это позволяет считать, что развитие сети ДОО в таких субъектах РФ позволит значительно снизить социально-экономическую напряжённость в них (особенно при одновременном экономическом развитии этих регионов и повышении в них занятости).

В-пятых, в регионах, где в 2005–13 гг. наблюдался одновременно рост числа мест в ДОО и рост числа самих ДОО (хотя бы часть времени), охват детей сетью ДОО в среднем выше. Это позволяет говорить не только о необходимости создания новых мест в системе ДОО, но и о важности создания самих ДОО. Без массового строительства ДОО будет наблюдаться уплотнение существующих групп и развитие групп, в которых дети находятся в ДОО лишь часть дня, что не решает существующих проблем.

¹ Во всех регионах, кроме Карачаево-Черкесской Республики, в которой уровень рождаемости ниже среднего по стране.

Более высокий охват детей в регионах с сырьевой и промышленной ориентацией связан с большими финансовыми возможностями и постоянной потребностью в работниках, а не на циклической основе.

Без массового строительства дошкольных учреждений будет наблюдаться уплотнение существующих групп и развитие групп, в которых дети находятся в учреждении лишь часть дня, что не решает существующих проблем.

В-шестых, в регионах с высоким уровнем рождаемости охват детей сетью ДОО ниже. Частично это связано с низким уровнем социально-экономического развития этих регионов, частично – с неготовностью системы ДОО к увеличению рождаемости, которое наблюдалось за последние 10 лет.

Рекомендации для государственной политики

Можно выделить несколько направлений мер государственной политики, направленных на изменение текущего положения.

Во-первых, необходимо развитие системы ДОО, так как в настоящее время она не позволяет удовлетворить потребности населения.

Одним из используемых сейчас решений является уплотнение групп в ДОО. Однако исследования показывают, что низкий уровень вложений в человеческий капитал детей, который выражается в увеличении размера групп в ДОО до уровня свыше 20 человек, ведёт к более низким темпам его накопления [Chetty, Friedman, Hilger 2010]. В результате карьерный рост таких детей в будущем происходит по более низкой траектории. Это связано с тем, что воспитателям не хватает времени уделить достаточное внимание каждому ребёнку и исправить существующие недостатки. В связи с этим необходимо увеличение числа самих ДОО, и именно эта мера должна считаться основной.

При вводе ДОО необходимо учитывать, что демографическая структура населения волнообразная, и за периодом, в котором численность детей дошкольного возраста большая, последует период низкой численности таких детей. Учесть эту тенденцию в политике можно двумя связанными способами.

Во-первых, необходимо строить ДОО с учётом возможности их перепрофилирования: например, школы в условиях маленькой численности детей дошкольного возраста могли бы возвращаться в систему ДОО при увеличении числа детей соответствующего возраста. Во-вторых, на основе имеющихся для регионов прогнозов рождаемости можно выделять в системе ДОО постоянный и изменяющийся фонды (методика проектирования и расчёта сети ДОО в условиях колебания рождаемости предложена, например, институтом УралНИИпроект РААСН [Долгов, Сычева 2013; Долгов, Сычева 2014]). Постоянный фонд является основным, в него включаются объекты капитального строительства (как не предполагающие каких-либо изменений, так и с предусмотренной возможностью изменений). Переменный фонд является вспомогательным, в него включаются мобильные объекты, используемые непродолжительное время, которые могут быть легко перемещены в другой регион.

Необходимо учитывать, что демографическая структура населения волнообразная, и за периодом, в котором численность детей дошкольного возраста большая, последует период низкой численности таких детей. Следует учитывать эту тенденцию в политике. Необходимо строить дошкольные учреждения с учётом возможности их перепрофилирования.

Для решения проблем развития сети ДОО необходим комплексный подход, предполагающий несколько вариантов развития, одним из которых является становление негосударственного дошкольного образования. Опыт экономически развитых стран свидетельствует, что сеть муниципальных ДОО следует дополнить иными организациями и институтами, носящими вспомогательный характер.

Негосударственные ДОО могут функционировать в нескольких организационно-правовых формах: индивидуальный предприниматель; частный детский сад или образовательная организация, имеющая более одной группы детей на обслуживании; коммерческая организация; семейный детский сад для многодетных.

Государство планирует развитие частных ДОО¹, хотя в настоящее время оно занимает не более 5–10% от всех услуг дошкольного образования. Услуги частных ДОО достаточно дорогие, однако для определённого круга лиц даже в таком случае они необходимы.

При этом не следует забывать и о развитии института яслей, который в 2000-е годы практически исчез из системы ДОО. Им на смену пришли группы кратковременного пребывания и центры игровой поддержки ребёнка (от года до двух лет), которые направлены на игровое обучение детей, а не на воспитание. Они не снимают проблему присмотра за ребёнком, так как в этих группах не предусмотрены питание и дневной сон детей. Однако полудневный присмотр остаётся очень востребованным² особенно для наиболее социально незащищённых семей (малообеспеченных, с одним родителем и пр.).

Для дополнительной поддержки семей с детьми, направленной как на стимулирование рождаемости, так и на повышение их уровня жизни, следует изучить возможность создания института сертифицированных нянь. Такую меру не следует считать основной, а лишь дополняющей или поддерживающей уже существующую сеть ДОО, особенно для детей до трёх лет (но няня может присматривать и за детьми младшего школьного возраста).

Опыт создания такого института есть в европейских странах, например в Германии. В отличие от США, в качестве нянь в Германии могут выступать педагоги (например, недавно вышедшие на пенсию или только начинающие свой

¹ План мероприятий («Дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», утверждён распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р., государственная программа «Развитие образования 2013–2020 годы».

² Данные показывают, что половина женщин выходят на работу до исполнения ребёнку двух лет. Именно с этого возраста начинают работать ясельные группы в детских садах. Но до этого срока проблему присмотра приходится решать чаще всего посредством привлечения бабушек [Работа и семья... 2008: 114].

профессиональный путь) или лица, прошедшие специальные курсы (около 240 часов) (более подробно см. [Саралиева, Соловьева 2008]).

Наше предложение заключается в создании на муниципальном уровне базы данных лиц, которые хотят работать няней. Они будут осуществлять уход за детьми и их воспитание у себя дома в течение определённого количества часов в неделю. Муниципалитет должен следить за профессиональной пригодностью няни (контролировать наличие образования, организовывать курсы для желающих получить необходимые навыки и курсы повышения квалификации) и за состоянием её здоровья. Также на него следует возложить контроль соблюдения договора обеими сторонами. Размер и форма оплаты труда нянь должны устанавливаться на местах с учётом особенностей муниципальных образований.

В результате родителям будет облегчен доступ к трудовой деятельности в силу более гибкого использования времени пребывания ребёнка в системе ухода за детьми по сравнению с использованием традиционных детских садов, и при этом они будут уверены в качестве получаемого ухода. Дети станут воспитываться в условиях семьи, психоэмоциональный климат которой заменить в учреждениях возможно далеко не всегда. Родители, воспитывающие детей дома, получают дополнительную возможность официального заработка, который будет включён в трудовой стаж и фонд пенсионных отчислений, что приведёт к увеличению доли людей, использующих неоплачиваемую часть отпуска по уходу за ребёнком. Кроме того, подобная форма ухода за детьми может повлиять на репродуктивные установки. Также эта мера позволит более полно включить многодетные семьи в жизнь общества, а оно станет более осведомлённым об их образе жизни.

Во-вторых, не менее важной мерой является повышение престижа труда по уходу за детьми дошкольного возраста как в отношении семейного, так и внесемейного ухода, ведь в настоящее время они взаимодополняют, а не взаимозаменяют друг друга. Для достижения этого следует использовать как пропагандистские, так и материальные меры. К данным мерам можно отнести повышение заработной платы воспитателей ДОО, а также создание благоприятного отношения в обществе к уходу за детьми дошкольного возраста.

Наконец, необходимо более тщательно планировать социальные процессы. Существующую неблагоприятную ситуацию можно было предвидеть, но меры, направленные на её улучшение были реализованы слишком поздно и в недостаточном объёме. В результате из-за слабого учёта последствий принимаемых решений экономика и население сталкиваются с трудностями, которых можно было избежать.

Важной мерой является повышение престижа труда по уходу за детьми дошкольного возраста как в отношении семейного, так и внесемейного ухода. В настоящее время они взаимодополняют, а не взаимозаменяют друг друга.

Библиографический список

Голяшев А. В., Григорьев Л. М. 2014. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 48 с.

Долгов А. В., Сычева Е. Б. 2013. Методика проектирования и расчёта сети дошкольных организаций в условиях демографической нестабильности // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. № 4. С. 60–64.

Долгов А. В., Сычева Е. Б. 2014. Особенности формирования фонда дошкольных объектов в условиях демографической динамики // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. № 4. С. 53–55.

Илышев А. М., Лаврентьева И. В. 2003. Стратегии включения репродуктивного труда в производство // Социологические исследования. № 3. С. 58–66.

Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками: опыт города Москвы / О. Б. Савинская. М.: Вариант. 2008. 192 с.

Саралиева Э. Х., Соловьева С. В. 2008. Альтернативные формы поддержки успешной семьи: проект «дневные мамы» // Женщина в российском обществе. № 3. С. 14–23.

Chetty R., Friedman J. N., Hilger N., et al. 2010. How does your kindergarten classroom affect your earnings? Evidence from project STAR. NBER Working Paper 16381 // The National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w16381> [Дата посещения: 19.11.2016].

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.445

Dynamic of Preschool Children Groups in the Regions Of Russia

Sinitsa Arseniy Leonidovich

Candidate of Economic sciences, Researcher, Laboratory for Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Abstract. A sudden increase in Russia's birthrate, observed since the year 2007, has shown that the pre-school education system turned out not to be prepared for such a drastic increase in the amount of pre-school children, this being expressed by the fact that the amount of children left outside of it has dramatically increased, which in turn has led to considerable social-economic contradictions. Examining the development of the network of pre-school educational facilities in the years 2005–2013 helped identify three groups of children: those who attend pre-school educational facilities, those who do not attend them due to a lack of seats, and those who do not attend them due to their parents' will. This study considers children ages 0–6 to be of "pre-school age", since considering only children ages 1–6 leads to a certain amount of children under one year of age, who are waiting for their spots in pre-school educational facilities, falling out of scope, which in turn leads to the incorrect

evaluation of the percentages of each group of children. This is the key difference between this study and the rest of them. The percentage of groups of children is examined by federal districts, as well as by those regions which are a part of the latter, while conducting their comparative analysis. The main conclusions of this study are as follows. First of all, there has been an increase in the coverage of children by the system of pre-school educational facilities, as well as an increase in the amount of children who do not attend the latter due to a lack of open spots, while the percentage of children not attending pre-school educational facilities due to their parents' will has decreased. Second of all, regional climatic features and economic specialties considerably influence the quantity dynamics of groups of pre-school children. Conclusion number three: our country has considerable reserves when it comes to increasing employment. Conclusion number four: the current state of development of the network of pre-school educational facilities does not suit the needs of the population. In order to solve the current problems in this field, certain recommendations for state policy are made, which have to do with developing the system of pre-school educational facilities, increasing the prestige of the labor of childcare, as well as increasing the quality of managing social processes.

Keywords: preschool child institutions, system of preschool child institutions, proportions of preschool children groups, indices of development of the preschool child institutions system.

References

Chetty R., Friedman J. N., Hilger N., et al. How does your kindergarten classroom affect your earnings? Evidence from project STAR. NBER Working Paper 16381. NBER official website: <http://www.nber.org/papers/w16381> [date of visit: 16.02.2017].

Dolgov A. V., Sycheva E. B. Metodika proektirovaniya i raschiota seti doshkol'nykh organizatsiy v usloviyah demograficheskoy nestabil'nosti [Methods of Engineering and Designing of the Preschool Organizations Network under the Demographic Unstability]. Akademichesky Vestnik UralNIIProekt RAASN, 2013, no 4, pp. 60–64.

Dolgov A. V., Sycheva E. B. Osobennosti formirovaniya fonda doshkol'nykh ob'ektov v usloviyah demograficheskoy dinamiki [Peculiarities of the Formation of the Fund of Preschool Objects in Conditions of Demographic Dynamics]. Akademichesky vestnik UralNIIProekt RAASN, 2014, no 4, pp. 53–55.

Goliashev A. V., Grigoriev L. M. Tipy rossiyskikh regionov: ustoychivost' i sdvigi v 2003–2013 godah [Types of Russian Regions: Sustainability and Shifts in 2003–2013]. Moscow, ACGRF, 2014. 48 p.

Ilyshev A. M., Lavrentieva I. V. Strategii vklucheniya reproduktivnogo truda v proizvodstvo [Strategies of the reproductive labour incorporating into production]. Sociologicheskie issledovaniya, 2003, no 3, pp. 58–66.

Saraliev E. H., Soloviova S. V. Al'ternativnye formy podderzhki uspeshnoy sem'i: proekt «dnevnye mamy» [Alternative forms of the successful family support: the “day time mothers” project]. Zhenshina v rossiyskom obschestve, 2008, no 3, pp. 14–23.

Work and family in the life of women with preschool children: Moscow experience. Ed. by O. B. Savinskaja. Moscow, Variant, 2008. 192 p.

Акторы модернизации

Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса

Виттенберг Евгений Яковлевич –
доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), главный научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: intelban@mail.ru

Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.440

Аннотация. Статья¹ посвящена анализу социальной ответственности бизнеса (СОБ) на современном историческом этапе, характеризующемся экономическим кризисом. СОБ рассматривается в тесной связи с социальной ответственностью власти и гражданского общества. По мнению автора, формирование солидарной ответственности всех её субъектов является одним из важнейших условий скорейшего преодоления кризиса. Значительное внимание в статье уделено анализу деятельности власти по улучшению предпринимательского климата по таким направлениям, как сокращение бюрократических преград на пути функционирования бизнеса, некоторое снижение налоговой нагрузки на ряд категорий малого бизнеса, облегчение доступа к инфраструктуре и т. д. В статье отмечаются определённые достижения власти на этом пути, что находит своё отражение в международных рейтингах, оценивающих предпринимательский климат. Вместе с тем в статье отмечаются трудности и противоречивые тренды в улучшении предпринимательского климата в России. Среди них называются слабая защищённость собственности в связи с масштабным рейдерством, неравноправный характер отношений между бизнесом и властью, коррупционное давление на бизнес. В статье рассматривается СОБ в условиях кризиса по таким ключевым вопросам, как уплата налогов, отношения с внутренними и внешними стейкхолдерами, производство качественной продукции, благотворительность, анализируются причины социальной безответственности бизнеса. В статье делается вывод, согласно которому поведение бизнеса в условиях кризиса является противоречивым. Передовой бизнес демонстрирует социально ответственное поведение: платит налоги, сохраняет рабочие места, выпускает качественную продукцию, осуществляет экологические и благотворительные проекты. Безответственный бизнес «уходит в тень», снижает себестоимость продукции за счёт понижения её качества, свёртывает благотворительные акции. В заключение делается вывод, согласно которому именно социально ответственное поведение бизнеса является залогом его сохранения и выхода страны на рельсы устойчивого развития.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, социальная ответственность власти, солидарная социальная ответственность, ответственность перед внешними и внутренними стейкхолдерами, социальная безответственность бизнеса

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 15-01-00282а «Социальная ответственность бизнеса в России: генезис, специфика, этапы развития», осуществляемого при поддержке РГНФ.

Любой экономический кризис в странах, переживших и переживающих его, в зависимости от его масштабов и продолжительности является большим или меньшим испытанием на социальную ответственность для власти, бизнеса и общества.

Кризис является серьёзным тестом для власти и её социально-экономической политики. В случае его затягивания и усугубления правящая элита в демократическом обществе рискует на очередных выборах потерять власть. Это может произойти в том случае, если общество сочтёт власть ответственной за возникновение или непрофессиональное преодоление кризиса.

Как свидетельствует исторический опыт постсоветской России, степень социальной ответственности власти за возникновение кризисов и темпы их преодоления существенно не влияют на её общественный авторитет и предпочтения избирателей. Этому есть несколько причин. Во-первых, необходимо отметить, что российские власти не всегда были в полной мере ответственны за возникновение кризисов, поскольку кризисы в России являлись следствием мировых кризисов, хотя их острота в нашей стране была детерминирована не только интегрированностью российской экономики в мировую, а также ценами на энергоносители, но и отдельными ошибками в антикризисной политике государства. Во-вторых, российские кризисы (кроме текущего) были непродолжительными по времени и за экономическими спадами, даже весьма серьёзными, следовали экономические подъёмы. Наконец, в условиях слабого гражданского общества и низкой политической культуры основной части населения электорат далеко не всегда отождествляет социально-экономические трудности своего бытия с политикой власти и в полной мере в своём сознании не преодолел отношения к ней как к чему-то сакральному. Кроме того, особенностью восприятия действительности российскими гражданами, подверженными влиянию пропагандистских усилий СМИ, является стремление возлагать ответственность за возникающие экономические трудности на кого угодно во вне (на США, ЕС), но только не на самих себя и собственную власть.

Для любого бизнеса каждый кризис является испытанием на прочность и нередко ставит его на грань выживания, а то и заканчивается для него летальным исходом, ибо кризисы сопровождаются большим или меньшим количеством разоряющихся и закрывающихся предприятий.

Говоря о влиянии кризисов конкретно на российский бизнес, необходимо признать, что он на протяжении всей постсоветской истории демонстрировал высокий уровень выживаемости, продолжая даже в крайне неблагоприятных условиях

Как свидетельствует исторический опыт постсоветской России, степень социальной ответственности власти за возникновение кризисов и темпы их преодоления существенно не влияют на её общественный авторитет и предпочтения избирателей.

функционировать и в большей или меньшей степени удовлетворять государственные и общественные потребности¹. Как хорошо известно, менее чем за четверть века российский бизнес вместе со страной пережил по крайней мере три достаточно жёстких экономических кризиса.

Решая проблемы сохранения бизнеса в условиях кризиса, одни компании снижают затраты на рекламу и услуги аутсорсеров, другие уменьшают объёмы производства и сокращают штат, третьи урезают оплату труда топ-менеджерам и сотрудникам, а также дивиденды акционерам, четвертые пересматривают необязательные расходы, среди которых часто оказываются социальные проекты и благотворительная деятельность, а пятые используют весь вышеназванный арсенал одновременно, чтобы выжить.

И, наконец, для значительной части населения кризис является тяжёлым бременем и связан с падением жизненного уровня, снижением социальной устойчивости значительной части граждан, а также с психологическим стрессом, нередко детерминированным потерей работы.

Таким образом, экономический кризис несёт власти, бизнесу и обществу дополнительные серьёзные проблемы, и в интересах всех субъектов исторического процесса – добиться его скорейшего преодоления.

Как нам представляется, в форс-мажорных условиях кризиса важнейшим фактором выхода из него и перехода на рельсы устойчивого развития является повышение социальной ответственности всех её акторов – власти, бизнеса и гражданского общества.

Социальная ответственность власти (СОВ) возрастает в связи с необходимостью предельно точно оценить состояние экономики и общества в условиях кризиса, разработать антикризисную программу, сделать её предельно транспарентной и принять набор мер, стимулирующих восстановление экономики и её рост, а также прогнозировать длительность кризиса, цену его преодоления и, наконец, предвидеть его социально-экономические и политические последствия, а также риски, связанные с ними.

---

¹ При всех гигантских недостатках российского бизнеса необходимо признать, что он заслуживает общественного признания, поскольку в условиях прерывания предпринимательской традиции на три четверти века после Октябрьского переворота, перманентных кризисов, разгула преступности, рейдерства, бюрократического беспредела и подозрительного отношения к предпринимателям большинства населения, отечественный бизнес смог сформироваться, создать свои структуры и более или менее успешно выполнять социально значимые функции. Ведь именно новоиспечённый бизнес в 1990-е гг. сохранял рабочие места, худо-бедно платил налоги и тем самым предотвратил возникновение в стране серьёзных социальных катаклизмов. И это, безусловно, по большому счёту было проявлением социально ответственного поведения российского бизнеса.

Кроме того, для смягчения последствий кризиса и его преодоления ответственной властью может быть использован большой арсенал средств, выработанных за несколько веков развития капитализма: точечные управленческие решения (например, поддержка национальной банковской системы и системообразующих предприятий), улучшение предпринимательского климата с целью стимулирования бизнеса к восстановлению и росту производства, мобилизацию дополнительных резервов и ресурсов, режим экономии бюджетных средств за счёт их более рационального использования, налоговое маневрирование, внешние заимствования, введение дополнительных мер социальной защиты для наиболее уязвимых слоёв общества и т. д.

Ответственная власть также анализирует причины, вызвавшие кризис, в том числе критически осмысливает свои решения с точки зрения их влияния на него, ищет оптимальные пути его преодоления в кратчайшие сроки и с минимальными потерями и издержками.

Значительно возрастает в условиях кризиса социальная ответственность бизнеса перед внешними и внутренними стейкхолдерами. Социально ответственный бизнес не должен в условиях кризиса «уходить в тень», обязан платить налоги своевременно и в полном объёме, по возможности сохранять рабочие места и производства, избегать «чёрных» и «серых» схем оплаты труда, не понижать качество продукции и услуг с целью снижения их себестоимости, не отказываться без серьёзных причин от осуществления экологических и социальных программ.

В условиях кризиса также возрастает социальная ответственность гражданского общества: оно должно достойно переносить трудности, не принимать участия в деструктивных акциях, способных вызвать социальную нестабильность и ещё больше усугубить кризисную ситуацию, а его институты обязаны исключительно законными методами бороться против перекладывания властью и бизнесом всех тягот кризиса на плечи трудящихся.

Важнейшим фактором, способствующим преодолению кризиса, является формирование повышенной солидарной ответственности всех её акторов. Историческая практика многих стран мира свидетельствует о том, что наличие их солидарной ответственности и доверия между ними способствует быстрейшему преодолению кризиса и его последствий.

И именно с этих позиций исследуются проблемы влияния кризисов на СОБ в зарубежной литературе. Особое внимание уделяется проблемам защиты прав человека в условиях кризиса и сохранению бизнесом экологических и социальных проектов [Karaibrahimoğlu 2010; Köse 2012; Selvi, Wagner, Türel 2010].

Предметом исследования в данной статье является анализ социальной ответственности российского бизнеса в условиях кризиса¹. В российских общественных науках уже появился ряд работ, в которых осуществляются попытки проанализировать поведение отечественного бизнеса в условиях кризисов с точки зрения его социальной ответственности. Однако, как правило, в них СОБ рассматривается в классическом, западном понимании – как позитивные действия бизнеса по отношению к социуму, выходящие за рамки его законодательно оформленной ответственности перед обществом, под которой традиционно понимается благотворительность. Кроме того, коллеги нередко рассматривают проблемы СОБ в России с позиций некой идеальной теоретической модели, которая весьма далека от повседневной практики поведения отечественного бизнеса [Костякина 2009; Лозовая 2009].

Как представляется, прежде чем проанализировать конкретное положение дел с СОБ в кризисный период, необходимо охарактеризовать предпринимательский климат, непосредственно влияющий на социально ответственное или социально безответственное поведение российского бизнеса, в котором он функционирует. Здесь также важен анализ рисков, с которыми в нашей стране сталкивается бизнес.

Власть в значительной мере осознаёт, что путь выхода экономики из кризиса лежит через активизацию работы бизнеса и пытается в последние годы улучшить предпринимательский климат в стране и стимулировать СОБ. Однако процесс улучшения условий для деятельности предпринимателей идёт достаточно сложно и противоречиво.

С одной стороны, можно наблюдать намерения правительства улучшить предпринимательский климат в стране. Практически во всех антикризисных документах властей говорится о необходимости «выхода России на стабильно высокие позиции среди всех стран по уровню комфортности ведения бизнеса» [Антикризисный план... 2015].

О насущной необходимости улучшать предпринимательский климат постоянно говорят президент и премьер-министр. Так, выступая на съезде РСПП 24 марта 2016 г., В. Путин очередной раз подчеркнул, что перед властями России стоит задача «создать комфортную среду для всех

¹ Здесь необходимо напомнить, что автор в своих работах, посвящённых социальной ответственности бизнеса, придерживается широкой её трактовки и считает, что СОБ на данном этапе развития России включает в себя не только добровольные аспекты функционирования бизнеса, но и его ответственность за все аспекты деятельности предпринимателей перед внутренними и внешними стейкхолдерами. Иными словами в социальной ответственности российского бизнеса есть две составляющие: обязательная и произвольная. В качестве позитивного момента следует отметить, что основные предпринимательские объединения (РСПП, ТПП, «Деловая Россия», «Опора России») также стали рассматривать СОБ более или менее широко, о чём свидетельствуют, в частности, нефинансовые отчёты крупнейших российских компаний.

добропорядочных предпринимателей, защитить права собственности людей, сделать нормы законов более объективными и справедливыми по отношению ко всем, кто честно ведёт своё дело» [Путин 2016].

Наличие или отсутствие благоприятного предпринимательского климата в той или иной стране определяется многими индикаторами, в том числе: простотой открытия бизнеса, рациональностью налогообложения, доступностью заёмных средств, активностью контрольных органов, простотой подключения к инфраструктуре, свободой от чрезмерной государственной опеки, масштабами коррупционного давления на бизнес и т. д.

Проанализируем некоторые основные факторы, формирующие или влияющие на предпринимательский климат в России и на СОБ. Безусловно, базисом для благоприятного предпринимательского климата является гарантированность права собственности. В России де-юре оно, как и в подавляющем числе стран мира, гарантировано, а вот де-факто далеко не всегда. В стране до сих пор существует такое явление, как масштабное рейдерство. По оценкам Национального антикоррупционного комитета, ежегодно в России происходит до 700 тыс. рейдерских захватов. При этом они остаются практически безнаказанными. Так, против рейдеров заводится только 10% уголовных дел, а до суда доходят и вовсе единицы [Воронина 2015]. В условиях кризиса число рейдерских захватов растёт, поскольку многие предприятия ослаблены, их можно легко захватить, вынудив владельцев продать бизнес гораздо ниже его рыночной стоимости.

В отличие от 1990-х гг., в настоящее время захват собственности происходит, как правило, уже без убийств хозяев предприятий («чёрного рейдерства»), а посредством более изощрённых («белых») методов: путём перекрытия доступа владельцам планируемого для захвата предприятия к кредитам, инфраструктуре, рынкам получения сырья и сбыта продукции; путём бюрократического и налогового терроризма, когда предпринимателей изматывают бесконечными проверками и придирами; путём организации клеветнических компаний в СМИ, сманивания костяка персонала, организации протестных акций сотрудников и т. д.

Со времени печально известных 1990-х годов изменились не только методы рейдерства, но и сами рейдеры. Сегодня, как правило, это уже не бандиты, а юристы, экономисты, предприниматели, стремящиеся к недружественному поглощению конкурентов или обладателей доходных активов, а также высокопоставленные госчиновники, офицеры и генералы силовых структур. И, безусловно, изменение социального портрета современных рейдеров затрудняет борьбу с ними,

В стране до сих пор существует такое явление, как масштабное рейдерство. По оценкам Национального антикоррупционного комитета, ежегодно в России происходит до 700 тыс. рейдерских захватов. При этом они остаются практически безнаказанными.

ибо это борьба уже не просто с бандитами, а подчас с государственными чиновниками, применяющими широкий арсенал изощрённых средств для захвата чужих активов.¹

Причём, если в 1990-е рейдеры пытались главным образом захватить крупные предприятия, то в условиях кризиса и сокращения многих источников доходов в поле зрения рейдеров всё чаще попадают успешные средние и даже малые компании, которые часто не обладают для защиты своей собственности необходимыми ресурсами.

Всё большую роль в рейдерстве начинают играть коррумпированные суды. Так, согласно данным ежегодного доклада бизнес-омбудсмена Б. Титова, в 2015 г. против бизнесменов было возбуждено 234 тыс. 620 уголовных дел, что было максимумом с 2010 г. [Титов 2016а]. Причём в России уголовное преследование предпринимателей – это не всегда наказание за действительно совершённое преступление, а нередко способ захватить чужой бизнес. «Около 83% предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес, – признавал В. Путин в конце 2015 г. – То есть их попрессовали, обобрали и отпустили» [цит. по: Базанова и др. 2015].

Значительную роль в формировании предпринимательского климата играет фискальная нагрузка на бизнес. Здесь наблюдаются противоречивые тренды. С одной стороны, власти предпринимают усилия по недопущению роста налоговой нагрузки на бизнес в условиях кризиса и даже пытаются её ослабить для некоторых категорий малого предпринимательства. Так, в настоящее время малые предприятия пользуются льготами при уплате налога на прибыль. Одна из таких льгот предусмотрена для предприятий, производящих и перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, товары народного потребления, строительные материалы, медицинскую технику и лекарственные средства, а также строящих объекты жилищного, производственного, социального и природоохранного назначения.

Льгота заключается в том, что эти малые предприятия не уплачивают налог на прибыль в первые два года работы при условии, что выручка от указанных видов деятельности

---

¹ В последние годы, а особенно в условиях кризиса, значительно усилились попытки захвата собственности у успешных предпринимателей со стороны силовиков. Острота проблемы стала настолько очевидной, что президент был вынужден провести весной 2016 г. некую примирительную встречу между силовиками и представителями бизнеса. Тем не менее, после этой встречи количество попыток силовиков захватить собственность бизнесменов не только не сократилось, но и существенно возросло. «Полицейские и следователи попросту добивают отечественный бизнес, которому и без того тяжело», — заявил Б. Титов на пресс-конференции 16 сентября 2016 г. В качестве доказательства он привёл динамику числа уголовных дел, возбуждённых по статье 159 УК («Мошенничество»): за полгода 2016 г. было открыто 100 тысяч таких дел, т. е. на 25% больше, чем за аналогичный период 2015-го. По данным Титова, общее число дел против бизнесменов за этот период увеличилось на 30%.

превышает 70% общей суммы выручки от реализации ими продукции (работ, услуг). В третий и четвёртый годы работы они уплачивают налог в размере, соответственно, 25 и 50% от установленной ставки налога на прибыль, если выручка от указанных видов деятельности составляет свыше 90% общей суммы выручки от реализации ими продукции (работ, услуг) [Горелова 2015].

Другая льгота предполагает, что при определении налогооблагаемой прибыли малого предприятия из неё исключается прибыль, направленная на модернизацию производства, а именно, на строительство, реконструкцию и обновление основных производственных фондов, освоение новой техники и технологий, т. е. таким образом власти пытаются стимулировать инновационное развитие бизнеса.

Малые предприятия могут также иметь налоговые льготы при осуществлении некоторых других видов деятельности. Например, льготы по прибыли, направленной на финансирование капитальных вложений или на благотворительные цели.

Однако, как представляется, это достаточно скромные налоговые послабления. Налоговая нагрузка на бизнес остаётся, по сравнению с другими странами, весьма высокой, что не способствует росту социальной ответственности бизнеса.

По мнению Б. Титова, когда государство говорит о том, что налоговая нагрузка на бизнес в России невысокая, – оно лукавит. «Если смотреть по доле налогов в бюджете – она действительно не очень большая. Но если посмотреть, какую долю прибыли компания выплачивает в качестве налогов, то станет видно, что у нас эта нагрузка выше, чем среднемировая. При этом есть ещё и неналоговая нагрузка – это дополнительные платежи, которые так или иначе вынуждены платить все компании, включая проценты по кредитам. А развивать бизнес без кредитов практически невозможно» [Титов 2016b].

Пытаясь облегчить налоговое бремя для одних предпринимателей, власти разными способами увеличивают его для других. Так, например, только в последнее время, как раз в период кризиса, была введена система «Платон», значительно увеличившая налоговую нагрузку на бизнес, занятый грузоперевозками. В связи с оценкой земли по кадастровой стоимости, серьёзно возросли налоги на землю, на которых расположены предприятия.

Предпринимательское объединение малого бизнеса «Опора России» отмечает, что в связи с увеличением размера МРОТ существенно повысятся взносы в Пенсионный фонд России и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. По подсчётам этой организации, если сейчас сумма годового платежа самозанятых в два фонда варьируется от 23 тыс. до 158 тыс. руб. в год, то с 2017 г. эта сумма составит

Налоговая нагрузка на бизнес остаётся, по сравнению с другими странами, весьма высокой, что не способствует росту социальной ответственности бизнеса.

Пытаясь облегчить налоговое бремя для одних предпринимателей, власти разными способами увеличивают его для других.

от 38 тыс. до 260 тыс. руб. «Для значительного числа самозанятых такой рост нагрузки окажется критичным», – уверены в «Опоре России» [«Опора России» просит... 2016].

По сути дела, дополнительным серьёзным налогом на крупный бизнес в сфере коммуникаций является недавно принятый закон И. Яровой, обязывающий операторов связи создавать дата-центры, где в течение полугода должна храниться переписка и записи разговоров россиян, а также записи, изображения и другая информация в интернете.

Важной составляющей в формировании благоприятного предпринимательского климата является снижение бюрократического давления на бизнес и прежде всего ограничение различного рода плановых и внеплановых проверок, нервирующих и отвлекающих предпринимателей от работы, а нередко и дезорганизирующих деятельность компаний. Складывается впечатление, что по вопросам ликвидации бюрократических преград на пути бизнеса (проверок, в частности) между Федеральным центром и региональными элитами существуют противоречия и даже латентная борьба. И если Центр предпринимает серьёзные усилия по де бюрократизации регулирования и контроля бизнеса, то во многих регионах местные власти идут на послабления бизнесу крайне неохотно. В результате: с одной стороны, федеральные власти пытаются разгрести бюрократические завалы на пути бизнеса, особенно в период кризиса, а с другой – региональные власти нередко специально их нагромождают с целью получения административной и коррупционной ренты.

Здесь достаточно привести лишь один пример. Несмотря на призывы Центра минимизировать число проверок бизнеса, оно в 2015 г. достигло пика и составило 2 млн 400 тыс.

Для того чтобы перестать, наконец, «кошмарить» бизнес, власти с января 2016 г. ввели для малого бизнеса «надзорные каникулы». Правительство объявило на три года мораторий на плановые проверки предприятий с выручкой меньше 800 млн руб. в год и штатом до 100 человек. Правда, как всегда в России законы не являются универсальными и содержат исключения, оставляющие лазейки для бюрократической активности. Так, освобождение от проверок не коснётся компаний, работающих в сферах образования, медицины и социального обслуживания, а также аудиторских организаций, управляющих компаний многоквартирных домов и, наконец, организаций, работающих с гостайной. Не будут прекращаться налоговые проверки и ревизии на предмет уплаты взносов во внебюджетные государственные фонды. Также сохранится надзор в сфере пожарной, экологической, промышленной, радиационной безопасности объектов I и II классов опасности. Каникулы не предполагают и отказа

Складывается впечатление, что по вопросам ликвидации бюрократических преград на пути бизнеса (проверок, в частности) между Федеральным центром и региональными элитами существуют противоречия и даже латентная борьба.

от внеплановых проверок. Они, как и сейчас, будут проводиться в случае поступления жалоб на компании в надзорные инстанции [Миронов 2016]. Тем не менее, необходимо констатировать, что в вопросах проверок бизнеса всё-таки в 2016 г. наметился позитивный тренд.

Существенный прогресс был достигнут и в ряде других аспектов улучшения предпринимательского климата. Эти улучшения были замечены западными аналитиками и нашли своё отражение в ежегодных рейтингах простоты ведения бизнеса, готовящихся экспертами Всемирного банка. На основании этих рейтингов автором составлена таблица, отражающая позитивные изменения, произошедшие в предпринимательском климате России с 2012 по 2016 гг. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Простота ведения бизнеса

Позиции, по которым оценивалась простота ведения бизнеса	Место в рейтинге	
	2012 г.	2016 г.
Регистрация предприятий	111	41
Получение разрешений на строительство	178	119
Подключение к системе электроснабжения	183	29
Регистрация собственности	45	8
Кредитование.	98	42
Защита инвесторов	111	66
Налогообложение	105	47
Международная торговля	160	170
Обеспечение исполнения контрактов	13	5
Ликвидация предприятий	60	51

Как видно из таблицы, за эти годы Россия осуществила меры, облегчающие ведение бизнеса, во всех десяти оцениваемых сферах. В частности, эксперты указывают на упрощение процедуры передачи недвижимости в собственность и получения разрешений на строительство. Также были проведены улучшения в сфере уплаты налогов, введено администрирование налогообложения с использованием электронных технологий и т. д. Особенно ощутимы позитивные сдвиги в вопросах упрощения по срокам и количеству процедур в процессе подключения к электроснабжению, где Россия улучшила свои позиции на 163 пункта, поднявшись в рейтинге со 183 на 30 позицию. По простоте регистрации предприятий наша страна поднялась на 85 позиций, по простоте получения кредитов на 54 позиций и т. д., а в таких вопросах, как «простота регистрации собственности» и «исполнение контрактов», она вошла в двадцатку лидеров, занимая, соответственно, 9 и 12 позицию в рейтинге.

В итоге Россия за период с 2012 по 2017 гг. совершила скачок на 80 ступеней, поднявшись со 120 места в рейтинге простоты ведения бизнеса на 40 место. [Doing Business... 2012; Doing Business... 2017].

При этом надо отдавать себе отчёт в том, что для дальнейшего улучшения предпринимательского климата власти и бизнесу предстоит ещё большая работа. Так, например, в мае 2014 г. перечень согласований в сфере жилищного строительства (от выделения земельного участка до выдачи разрешений на строительство) был сокращён с 240 до 126. Но очевидно, что и после сокращения цифра согласований остаётся огромной. Время на получение разрешений на строительство в последние годы также сократилось с 423 до 250 дней, но всё равно остаётся запредельным для бизнеса [Минстрой России...].

В этой связи стремление правительства подняться в мировом рейтинге по простоте ведения бизнеса к 2018 г. с 51 на 20 позицию выглядит амбициозным, но едва ли, как и многие другие его планы, осуществимым, поскольку для этого нужно будет произвести качественные изменения в экономике: провести широкую приватизацию и свести к необходимому минимуму количество и влияние государственных корпораций, коренным образом улучшить администрирование деятельности бизнеса, активизировать процесс развития справедливой конкуренции, продолжить снос бюрократических преград на пути предпринимательства, достигнуть на порядок большего в борьбе с коррупцией и т. д. Все эти процессы идут крайне медленно, а иногда по принципу «шаг вперёд, два шага назад».

Для повышения уровня СОБ власть должна не только улучшать предпринимательский климат, в чём она достигла реальных успехов, но и в целом расширять экономическую свободу для бизнеса в стране. Однако в «Индексе экономической свободы» Россия постоянно находится среди стран «с преимущественно несвободной экономикой», и более того – за период с 2012 по 2016 год она ухудшила свои показатели в рейтинге, опустившись со 144 на 153 место¹ [Index of Economic Freedom... 2012; 2016]. Это существенно ниже средних мировых и региональных уровней. Для сравнения отметим, что такую же позицию по этому показателю в 2016 г. занимала слаборазвитая африканская страна Лесото.

В целом экономическая свобода в России, по мнению составителей рейтинга, находится в состоянии застоя, а долгосрочные перспективы России, с точки зрения устойчивого

¹ Индекс экономической свободы рассчитывается с 1995 г. газетой Wall Street Journal и исследовательским центром Heritage Foundation на основании 10 критериев: свобода бизнеса, свобода торговли, налоговая свобода, свобода от правительства, денежная свобода, свобода инвестиций, финансовая свобода, защита прав собственности, свобода от коррупции, свобода трудовых отношений.

Россия за период с 2012 по 2016 гг. совершила скачок на 69 ступеней, поднявшись со 120 места в рейтинге простоты ведения бизнеса на 51 место.

Для повышения уровня социальной ответственности бизнеса власть должна не только улучшать предпринимательский климат, но и в целом расширять экономическую свободу для бизнеса. Однако в «Индексе экономической свободы» Россия постоянно находится среди стран «с преимущественно несвободной экономикой», и более того – за период с 2012 по 2016 год она ухудшила свои показатели в рейтинге, опустившись со 144 на 153 место.

экономического роста, «остаются мрачными». Эксперты справедливо отмечают, что российская экономика зависит от экспорта природных ресурсов, преимущественно нефти и газа, что серьезно осложняет её полноценное развитие, повышает зависимость от мировой рыночной конъюнктуры цен на энергоносители, порождает нестабильность и резко снижает конкурентоспособность [Index of Economic Freedom... 2016].

Среди других слабостей российской экономики необходимо отметить следующие: невысокий уровень государственного и корпоративного менеджмента, пассивность бизнеса в вопросах внедрения инноваций, изношенность основных производственных фондов и медленное их обновление; нетарифные барьеры, которые значительно увеличивают торговые издержки; отсутствие эффективно функционирующей правовой базы, бюрократические барьеры и непоследовательность в сфере регулирования, которые препятствуют росту инвестиций; изнурительная коррупционная нагрузка. Здесь также необходимо отметить медлительность перехода к экономике знаний, утечку человеческого капитала из-за активной эмиграции, оторванность системы образования от потребностей экономики, детерминирующую нехватку современных специалистов.

К общей картине непростых условий, в которых вынужден функционировать бизнес, необходимо добавить и то, что в России, несмотря на приватизационные планы правительства, пока доминирует государственный бизнес в основных секторах экономики, который находится в привилегированном положении по отношению к частному бизнесу. Так, государственный бизнес (особенно в условиях кризиса) пользуется бюджетной поддержкой в виде кредитов на весьма выгодных условиях, ему могут предоставляться льготы при внешнеторговых операциях. Пользуясь покровительством высокопоставленных чиновников, государственный бизнес может рассчитывать на прощение долгов перед бюджетом, а также испытывает меньшее бюрократическое и коррупционное давление.

Большим препятствием на пути развития СОБ в России является неравноправный характер отношений между бизнесом и властью. Вопреки мировому тренду передачи ряда сфер ответственности от государства к бизнесу в условиях нарастающего процесса глобализации, в России пока государство безраздельно доминирует над бизнесом, нередко вмешивается в его деятельность, иногда мелочно опекает его, мешая тем самым становлению его как самостоятельного субъекта социальной ответственности и формированию современной модели СОБ.

И, наконец, не самые лучшие условия для развития СОБ порождает отсутствие добросовестной конкуренции, понуждающее бизнес в борьбе за потребителей товаров и услуг демонстрировать социально ответственное поведение.

Большим препятствием на пути развития СОБ в России является неравноправный характер отношений между бизнесом и властью.

Проанализировав объективные условия, в которых работает бизнес в России, рассмотрим его поведение с точки зрения его социальной ответственности или безответственности в условиях кризиса по основным направлениям его деятельности.

Уплата налогов бизнесом

Важнейшей и обязательной составной частью СОБ перед внешними стейкхолдерами является уплата бизнесом налогов в бюджет своевременно и в полном объёме.

В условиях кризиса поведение российского бизнеса характеризуется противоречивыми трендами. Социально безответственный бизнес уходит в тень, что не всегда является показателем его умышленной социальной безответственности, а нередко в условиях роста стоимости заёмных средств, налогового терроризма со стороны государственных органов, особо рьяно собирающих налоги в условиях кризиса, сужения рынка товаров и услуг, этот уход в тень является банальным стремлением предпринимателей выжить и сохранить своё дело. Пытаются уходить от налогов, как правило, малые предприятия и индивидуальные предприниматели в сфере торговли и обслуживания. Владельцы этих бизнесов все операции ведут в наличной форме и налогов не платят вообще, а от налоговиков просто откупаются с помощью взяток. Довольно часто они находятся «под крышей» чиновников и силовиков, которые от них получают примерно половину от того, что предприниматели были должны заплатить в виде налогов в бюджет.

Но в России есть и значительная часть предпринимателей, осознанно ведущих теневой бизнес и отказывающихся платить какие-либо налоги. Объём теневого рынка в России, включающего в себя неформальную, криминальную и фиктивную экономику, экспертами оценивается (в зависимости от методики) по-разному и с большим разбросом от 15 до 40% ВВП¹.

Существенно разнятся данные и о численности занятых в теневом секторе от 15–20 до 38 млн человек [Теневая экономика... 2016].

Причём, согласно экспертным оценкам ВШЭ и аппарата бизнес-омбудсмена, в условиях кризиса с ноября 2014 г. число занятых в теневой экономике России выросло на 3–4 млн человек [Малышева и др. 2015].

¹ Существует четыре основных метода оценки масштабов теневой экономики: монетаристский, «палермо» (итальянский метод), анализ занятости и метод технологических коэффициентов. Теневая экономика присутствует в большей или меньшей степени во всех странах мира. На рубеже веков теневая экономика была эквивалентна в развитых странах в среднем 12% ВВП, в странах с переходной экономикой — 23, в развивающихся — 39, а по отношению к мировому валовому продукту её доля составляла около 20%. В отдельных развитых странах масштабы неформального сегмента теневой экономики составляли в Италии 27,4, Испании — 23,4, Германии — 15, США — 9% ВВП.

Согласно другим данным, полученным в результате репрезентативного опроса, осуществлённого экспертами РАНХиГС в конце мая 2016 г., доля участвующих в теневой занятости с разной периодичностью составляла 40,3%, или порядка 30 млн человек. Из этой группы 8,7 млн человек, или 11,7% экономически активного населения, полностью исключены из легального сегмента экономики [Владимиров 2015].

Наряду с чёрными схемами ведения бизнеса, когда бизнес сознательно или вынужденно уходит в тень, в России довольно широко распространены и серые схемы, когда предприниматель по возможности минимум платит налоги. При этом используются наличные деньги (нал), т. е. предприниматель получает за работу частично наличными или обналичивает деньги с помощью липовых договоров через недобросовестные банковские структуры, и из этих средств выплачивает часть зарплаты в конверте, таким образом минимизируя свои расходы и снижая себестоимость своей продукции. Подобное поведение делает этих предпринимателей более конкурентоспособными по сравнению с добросовестными бизнесменами, несущими полную налоговую нагрузку.

Здесь необходимо отметить, что многие сотрудники, получающие зарплату в конверте, идут на это сознательно, и в этом проявляется солидарное безответственное поведение предпринимателей и работников. Оправданием подобного поведения может служить феномен недоверия к государству со стороны значительной части бизнеса и граждан. В условиях, когда государство никак не может отработать пенсионную систему и правила игры постоянно меняются (то замораживается накопительная часть пенсии, то полностью прекращают индексацию по уровню инфляции пенсий работающим пенсионерам, то идут постоянные разговоры по поводу пенсионного возраста и т. д.), многие граждане сами пытаются создавать для себя пенсионные накопления. Таким образом, отсутствие доверия части бизнеса и граждан к государству является одной из фундаментальных причин наличия большого теневого сектора в российской экономике. В итоге государственный бюджет ежегодно недополучает миллиарды рублей, а усилия государства по улучшению налогового администрирования вот уже много лет не дают каких-либо качественных изменений. Тем не менее, по ряду показателей собираемость налогов повысилась как за счёт улучшения налогового администрирования, так и за счёт повышения социальной ответственности передовой части бизнеса [Гурвич, Суслина 2015].

Особое место в легальных, полуполюгальных или нелегальных способах минимизации налогов бизнесом занимают оффшоры. Во взаимодействии власти и бизнеса существует проблема бегства капиталов в оффшоры и возвращения их в российскую юрисдикцию. Эта проблема стала особенно острой в условиях кризиса и санкций, когда для многих российских компаний и банков закрылись рынки внешних заимствований.

С 2013 г. власти России неоднократно обращались к российскому бизнесу с призывом вернуть активы и капиталы в российскую юрисдикцию. Кроме того, был принят ряд законов и постановлений, стимулирующих этот процесс — в частности, зарегистрированные в оффшорах компании не смогут получать госзаказы и господдержку. Уже в 2013 г. российский бизнес начал выходить из оффшоров. Процесс резко ускорился в 2014 г. на фоне украинского кризиса и анти-российских санкций — под санкции попали многие российские компании и бизнесмены, и недружественное поведение властей ряда стран заставило отечественных предпринимателей серьёзно задуматься о сохранности своих размещённых за рубежом капиталов.

В ноябре 2014 г. в России был принят и подписан закон о деоффшоризации, обязывающий физических и юридических лиц сообщать в налоговые органы об участии в капитале иностранных компаний, а также создающий механизм налогообложения прибыли оффшорных компаний.

Российский бизнес, имевший оффшоры, оказался в трудном положении. С одной стороны, перевод капиталов в Россию означал серьёзное увеличение налоговой нагрузки. Более того, это было чревато и опасностью потерять бизнес в условиях реальной угрозы рейдерских захватов. С другой стороны, нахождение в зарубежной юрисдикции становилось небезопасным. Кризис на Кипре, больно ударивший по российским оффшорам, а также общая атмосфера в мире, направленная против оффшоров, делала жизнь оффшорных компаний уже не столь выгодной и безоблачной. В основе поведения бенефициаров оффшорных компаний лежал уровень доверия к власти.

Тем не менее, процесс деоффшоризации начался, с каждым годом вывоз капитала сокращается¹, и сейчас наблюдается процесс возвращения капиталов в страну. Таким образом, в условиях кризиса бизнес ведёт себя неоднозначно. Одна часть бизнеса исправно платит налоги и начала возвращать капиталы в Россию, а другая продолжает работать в тени, уходить от налогов и перекачивать капиталы за границу.

Ответственность перед внутренними стейкхолдерами

Важнейшей сферой социальной ответственности бизнеса является его ответственность перед внутренними стейкхолдерами. Это ответственность перед работниками, акционерами и менеджерами.

¹ Так, если в 2014 г. по данным РБК чистый отток капитала составил 151,5 млрд долларов, а в 2015 — 56,9, то по прогнозам ЦБ в 2016 г. он будет между 30 и 40 млрд долларов.

В условиях кризиса главным в ответственности перед сотрудниками является сохранение рабочих мест и существующего уровня оплаты труда.

Если оценивать положение дел в этом вопросе в масштабах страны, основываясь на официальной статистике, то оно выглядит более или менее благополучно, т. е. кризис не вызвал масштабного роста безработицы, и в этом большая заслуга принадлежит бизнесу, что является показателем его социально ответственного поведения в целом. Так, согласно официальным данным, если безработица в России составляла в 2012 г. 5,4%, то в начале 2016 г. – 5,8%, или 4,4 млн человек. Причём официально зарегистрированных безработных в июле 2016 г., по данным министра труда М. Топилина, было всего 965 тысяч¹ [Безработица в России... 2016]. Вместе с тем, СМИ пестрят сообщениями о том, что на предприятиях, в том числе государственных, вводится неполная рабочая неделя, неполный рабочий день, сотрудников принудительно отправляют в неоплачиваемые или частично оплачиваемые отпуска, а посему положение дел в этом вопросе выглядит уже не столь оптимистично.

Ситуация с сохранением докризисного уровня оплаты труда обстоит значительно хуже. При этом, как правило, предприниматели не идут на открытое сокращение оплаты труда, поскольку её базовые параметры зафиксированы в трудовом соглашении. Однако бизнес применяет различные способы, чтобы сэкономить на фонде заработной платы. Так, работодатели добиваются уменьшения окладов, тарифных ставок, сделанных расценок путём заключения с сотрудником дополнительных соглашений, на которые сотрудники идут, оказываясь перед выбором: согласие на сокращение оплаты труда или потеря работы. Бизнесмены используют и такие методы, как снижение размеров или вообще невыплата премий, отмена доплат компенсационного характера, предоставление работникам отпуска без сохранения содержания, активизация штрафных санкций и т. д. Причём, по оценке экспертов, эти методы урезания оплаты труда являются часто незаконными.

Далее социально безответственный бизнес использует кризис как возможность избавиться от «смутьянов», пытающихся защищать свои права, а также ссылаясь на кризис, разными способами снижают зарплату сотрудникам, даже если в этом нет экономической необходимости.

В отношении государственных предприятий важно отметить, что власти крайне осторожно на них проводят оптимизацию персонала. Они призывают к аналогичному ответвен-

---

¹ Эта цифра отражает лишь официально зарегистрированных безработных. На самом деле их может быть существенно больше, поскольку многие люди, потерявшие работу, официально не регистрируются, а пытаются решать свои вопросы самостоятельно.

ному поведению и частный бизнес, что вызвано опасениями роста социальной напряжённости, особенно нежелательного в условиях грядущих президентских выборов.

При этом не полностью используется (прежде всего на предприятиях государственного бизнеса) позитивная роль кризиса как некоей возможности «очищения», под которым подразумевается избавление от излишней рабочей силы, нерациональных расходов, устаревших и неконкурентоспособных производств.

Как свидетельствуют эксперты, в текущем кризисе по отношению к персоналу предприниматели стали вести себя несколько более ответственно, чем во время кризиса 2008–9 гг., когда компании сокращали затраты на персонал без всяких правил, а руководство просто спускало главам подразделений квоты на различного рода сокращения.

Как отмечает заместитель генерального директора по управлению персоналом и корпоративной культуре ФК «Уралсиб» Е. Успенская, если в условиях кризиса 2008–9 гг. «вымывались» наименее квалифицированные, а иногда и «неудобные» сотрудники, то теперь используются понятные технологии оптимизации бизнес-процессов, компании пересматривают свой функционал и отказываются от наименее приоритетных функций, внедряют нормирование. Сокращение штатной численности тоже ведётся, но по определённой прозрачной технологии. В прошлый кризис людей увольняли с выплатой 0,8–2 оклада, в зависимости от региона и должности, теперь – с выплатой от двух окладов, в зависимости от стажа и бэкграунда. В 2008–9 гг. активно практиковалось увольнение по соглашению сторон, якобы по собственному желанию. В 2015-м крупные корпорации предпочитают увольнять на основании официального сокращения штатной численности со всеми причитающимися по закону выплатами.

И если раньше в «трудные времена» компании урезали социальные пакеты, отказывались от каких-то опций полностью, то сейчас бизнес в основном стремится сохранить перечень социальных льгот для сотрудников. «Большая часть компаний уже гораздо более цивилизованно и социально ориентированно ведёт себя в условиях кризиса. Выросла социальная ответственность компаний по отношению к собственным сотрудникам», – констатирует Е. Успенская [Как сохранить... 2016].

Выводы о повышении социально ответственного поведения бизнеса по отношению к персоналу можно признать соответствующими действительности, но при этом необходимо отметить, что они относятся прежде всего к передовым крупным компаниям и к предприятиям с государственным или иностранным участием. И действительно, как правило, в них социально ответственная реструктуризация

Как свидетельствуют эксперты, в текущем кризисе по отношению к персоналу предприниматели стали вести себя несколько более ответственно, чем во время кризиса 2008–9 гг., когда компании сокращали затраты на персонал без всяких правил.

осуществляется в рамках законодательства и с максимальным учётом интересов персонала компаний, с участием его представителей и профсоюзов в принятии соответствующих решений. Цивилизованная реструктуризация предусматривает информационные кампании, освещающие проводимые структурные изменения, мероприятия по профессиональной переподготовке, содействие в трудоустройстве, а также компенсационные выплаты сотрудникам, попадающим под сокращение и другие меры, смягчающие болезненный процесс сокращения персонала в условиях кризиса.

Следует отметить, что в ходе текущего кризиса, несмотря на то, что он является самым затяжным в новейшей российской истории, более или менее приличным выглядит положение дел и с социальной ответственностью бизнеса в таком вопросе, как задолженность по заработной плате перед сотрудниками. Так, согласно официальным данным, на 1 апреля 2016 г. просроченная задолженность по заработной плате имела перед 74 тыс. работников и составила в России 4,47 млрд руб. Для сравнения отметим, что в декабре 2009 г. она превышала 5 млрд руб. Всего по России задолженность по заработной плате на 1 апреля имела перед 78 тыс. человек, из них 39% – работники обрабатывающих производств; 21% – строительства; 13% – транспорта.

Согласно официальным данным, за два года текущего кризиса задолженность по зарплате выросла на 60%, однако она касалась всего 0,1% занятых, т. е. одного из тысячи работников [Просроченная задолженность... 2016]¹.

Что касается акционеров предприятий и фирм, то здесь ситуация выглядит следующим образом. В условиях кризиса многие компании идут на сокращение, а то и на полный отказ от выплаты дивидендов. И, наконец, в условиях кризиса компании идут на сокращение оплаты труда, снижение различных бонусов, «золотых парашютов» менеджерам компаний.

Таким образом, в условиях современного кризиса можно констатировать, что поведение российского бизнеса стало несколько более ответственным перед внутренними стейкхолдерами, чем в условиях кризиса 2008–09 гг.

Метаморфозы качества продукции

Необходимо признать, что наиболее серьёзное падение социальной ответственности бизнеса в период кризиса можно наблюдать в сфере качества производимых товаров и оказываемых услуг. И какую бы мы отрасль ни взяли – будь то каче-

¹ Автор данной статьи отдаёт себе отчёт в том, что официальные данные могут быть неполными и заниженными. Тем не менее, они всё-таки в какой-то мере отражают реальное положение дел.

ство банковских и страховых услуг, производство продуктов питания или сферу строительства, – везде в условиях кризиса можно наблюдать падение качества производимых бизнесом товаров и услуг.

Социально ответственный бизнес в условиях кризиса работает над снижением себестоимости и удешевлением своей продукции и услуг путём более рационального использования человеческих и материальных ресурсов, внедрения различного рода инноваций, ресурсосберегающих технологий, более рациональной рекламной и маркетинговой политики. Так поступают и российские компании, озабоченные своей репутацией и осознающие свою корпоративную социальную ответственность (КСО).

Однако значительная часть российского бизнеса, занятая в производстве и торговле, пытается сохранить докризисный уровень своих доходов, забывает о своей ответственности перед обществом и, нарушая все правила КСО и морально-этические нормы, множит некачественную и контрафактную продукцию. Официальные и неофициальные данные свидетельствуют о том, что в последние годы существенно снизилось качество многих товаров и услуг. Рассмотрим один из примеров положения дел в такой важнейшей сфере социальной ответственности бизнеса, как производство продуктов питания.

По признанию экспертов, качество продуктов питания – одна из глобальных проблем, которая приводит к ухудшению здоровья и продолжительности жизни россиян. Количество «болезней из тарелок» растёт в геометрической прогрессии. По данным НИИ питания РАМН, от 30 до 50% всех заболеваний в России связаны с нарушениями питания, что приносит государству ежегодный экономический ущерб до 13 трлн рублей (!). Большинство заболеваний (сердечно-сосудистые, онкологические, ожирение, сахарный диабет и др.), связанных с питанием, относятся к управляемым патологиям, т. е. смертность от этих заболеваний можно снизить благодаря более качественному питанию [Кризис изменил... 2015].

Как свидетельствуют данные контрольных органов и исследовательских центров, положение дел здесь выглядит настораживающим и тренд в условиях кризиса демонстрирует устойчивую негативную динамику. Вот как выглядит динамика положения дел с производством фальсифицированных и вредных продуктов за 2014–15 гг. (см. таблицу 2)¹.

¹ Данные о доле фальсифицированных и опасных продуктов питания, публикуемые различными контролирующими органами, а также озвучиваемые членами правительства, депутатами ГД и экспертами весьма отличаются друг от друга и опираются на результаты различных проверок, осуществлённых теми или иными контрольными органами. По этой причине цифры, приведённые в таблице, не могут быть признаны бесспорными, а призваны лишь показать негативный тренд в производстве некачественных продуктов в условиях кризиса.

Таблица 2

Доля фальсифицированных и опасных продуктов
в 2014 и 2015 гг., %

Наименование групп продуктов питания	2014	2015
	Данные РИПИ	Данные Роспотребнадзора
Все молочные продукты, в том числе сыр	Молочная продукция – 23	Молочная продукция – 38 Сыр – 78,3
Масложировая продукция	60 (сливочное масло)	Вся масложировая продукция – 43
Кондитерские изделия		38
Хлебобулочные изделия		35
Напитки	62	65

В условиях кризиса обнаружился тренд снижения качества и роста производства некачественных, вредных и опасных для здоровья людей продуктов питания практически по всем видам продовольственных товаров¹. Особенно резко возросла доля некачественной молочной продукции и прежде всего сыров.

К сожалению, необходимо констатировать, что проблема снижения качества в условиях кризиса существует и в других видах деятельности бизнеса. В частности, в сфере производства строительных материалов и самого строительства, производства многих видов товаров, качества услуг (банковских, страховых и т. д.).

Причём здесь, как и в других случаях, не может быть однозначных оценок. Так, значительная часть крупного бизнеса осознаёт свою СОБ и продолжает выпускать более или менее качественную продукцию. В условиях кризиса не увеличилось, а в ряде производств и уменьшилось число наречаний контролирующих органов и граждан, например, на качество связи, качество услуг железнодорожного и авиационного транспорта.

Вместе с тем очевидно, что качество товаров и услуг в условиях кризиса в целом упало. Причин этому несколько.

Прежде всего – это социальная безответственность значительной части предпринимателей, для которых поддержание доходности своего бизнеса дороже здоровья граждан и собственной репутации. Социально безответственный бизнес в условиях кризиса добивается снижения себестоимости своей продукции и повышения её конкурентоспособности

¹ По признанию помощник главы Россельхознадзора А. Алексеенко, прозвучавшему 13 января 2017 года на Гайдаровском форуме в Москве, в России фальсифицируются все виды продуктов, кроме яиц, а всего фальсифицируется четверть всех продуктов питания и около половины спиртных напитков.

путём понижения качества, и в этом он серьёзно преуспел. Для этого применяются различные средства: снижение качества сырья, из которого изготавливается продукция, нарушение технологий производства, обман потребителей с помощью недобросовестной рекламы и искажения публикуемых данных о потребительских свойствах того или иного товара.

В неменьшей, а может быть и в большей степени, чем бизнес, за ухудшающееся положение дел в сфере производства товаров и услуг несёт ответственность государство, которое не только жёстко не контролирует эти вопросы, как это принято в развитых странах, но и по сути дела попустительствует бизнесу в производстве некачественных, а то и опасных для жизни и здоровья людей товаров и услуг. Это, на наш взгляд, проявляется в следующем:

1. Власти до сих пор не удалось создать эффективную систему контроля качества производимых в России товаров и услуг. Особенно это видно на примере контроля качества продуктов питания, когда техрегламенты и ограничения на практике не соблюдаются и не контролируются. После отмены ГОСТов (в 2010 г.), осуществлённой под сильным давлением лобби соответствующего бизнеса, должны были появиться 300 техрегламентов, а реально появилось не более 30, остальная продукция производится по техническим условиям, которые пишут сами производители.

2. Государство не создало необходимую инфраструктуру для контроля качества производимой продукции. Фактически отечественные лаборатории обеспечивают только микробиологическую и радиационную безопасность продуктов. Что касается проверки продуктов на другие вредные для людей ингредиенты, то их наличие в продуктах практически не отслеживается. Так, реально в российских лабораториях продукты проверяют лишь на наличие четырёх пестицидов, а остальные 450, которые при превышении концентрации оказывают негативное влияние на здоровье и запрещены к применению, остаются на совести производителей. Из 35–40 антибиотиков, применяемых в сельском хозяйстве, продукты проверяют на 4–5. В США контролируется 3 тыс. пищевых добавок, а в России из разрешённых к применению 476 пищевых добавок (консерванты, красители, ароматизаторы, стабилизаторы) нет контроля ни над одной. Между тем, в год человек употребляет от 2,5 до 9 кг веществ, не относящихся к продуктам питания, т. е. пищевых добавок. К тому же необходимо признать, что в России крайне медленно и непоследовательно внедряется Система менеджмента качества на основе новой версии международного стандарта ISO 9001.

3. Контроль качества продуктов питания осуществляют десятки различных государственных структур, что создаёт атмосферу коллективной безответственности. Так, за вопро-

сы качества и безопасности продуктов питания в разной степени отвечают Министерство промышленности и торговли, Минэкономразвития, Росаккредитация, Росстандарт, ФТС, ФАС, Минсельхоз, Россельхознадзор, Роспотребнадзор.

4. Определённые властями меры наказания бизнесменов за производство некачественных товаров и услуг являются чрезвычайно мягкими и только совсем недавно наши законодатели, наконец, задумались об их ужесточении. Статья 14.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законодательством требований в виде символического штрафа на граждан – от одной до двух тысяч рублей, а на юридических лиц – от двадцати до тридцати тысяч рублей¹.

Если некачественная продукция или услуга представляет угрозу для здоровья или жизни потребителей, законодатель установил уголовную ответственность. Так, статьей 238 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

За данное преступление предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до 300 тыс. рублей или в размере заработной платы (или иного дохода осуждённого) за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок. Впрочем, и этих мер наказания можно легко избежать с помощью коррупционных технологий.

Негативно на качество товаров и услуг в России влияют санкции и контрсанкции, введённые нашими властями в ответ на западные санкции против России после присоединения Крыма и известных событий в Донбассе. Запрещение импорта ряда высококачественных товаров и продуктов из ЕС, а потом из Турции и Украины привело к резкому снижению, а то и прекращению конкуренции между отечественными и иностранными товарами прежде всего на рынке продуктов питания, что позволило отечественным производителям в условиях ограничения суверенитета потребителей выходить на рынок

¹ Для сравнения отметим, что в ЕС штрафы за продажу некачественных товаров составляют до 25000 евро. Предусмотрены также отзывы лицензий на торговлю и введение запрета на профессию. В Европе ситуация такова, что ни один продавец не возьмётся за реализацию товара, если он не имеет подтверждения качества этого товара и всех его составляющих.

с некачественной и контрафактной пищевой продукцией. Потребитель снова, как и во времена СССР, нередко вынужден покупать подпорченные овощи и фрукты.

Таким образом, власть вяло и непоследовательно осуществляет контроль над выпускаемой продукцией и несёт вместе с безответственным бизнесом солидарную ответственность за падение качества многих видов товаров и услуг.

Благотворительность в условиях кризиса

Традиционной и более или менее добровольной формой СОБ в России¹ является благотворительность. И за годы постсоветского развития в стране начали возрождаться исторические традиции предпринимательской благотворительности, сложилась её довольно современная инфраструктура. В крупных компаниях появились подразделения, планирующие и осуществляющие благотворительные проекты, созданы фонды, аккумулирующие средства на благотворительность, начало активно развиваться корпоративное волонтерское движение. При этом необходимо признать, что в целом уровень благотворительности в России значительно ниже, чем в передовых странах.

К сожалению, в условиях кризиса просматривается определённый тренд к сокращению благотворительности со стороны бизнеса. Согласно социологическому опросу Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), за 2014 и первую половину 2015 гг. пожертвования бизнеса на благотворительные цели сократились на 12% [Благотворительность в кризис... 2015].

По данным опроса Форума Доноров, осуществлённого в рамках проекта «Барометр кризиса», посвящённого развитию корпоративной благотворительности в условиях кризиса, в общей сложности 12 из 33 крупных отечественных и международных компаний отметили, что благотворительный бюджет изменился: 8 компаний его увеличили, а 4 уменьшили бюджеты. При этом увеличение отмечено в пределах 20–30%, а уменьшение – на уровне 20%. Пять компаний не уточнили процент, на который были изменены бюджеты, в том числе три компании, указавшие увеличение финансирования социальной сферы [Барометр кризиса... 2016].

¹ Как известно, в современной России существует не только добровольная, но также и принудительная благотворительность, когда власти понуждают бизнес участвовать в том или ином социальном проекте. Из свежих примеров можно привести строительство «Зенит Арены» в Санкт-Петербурге, когда власти настойчиво попросили бизнес профинансировать завершение строительства стадиона после того, как значительная часть ассигнований на этот проект была банально разворована. Широко распространена практика, когда власти (особенно на региональном уровне) настоятельно просят бизнес принять участие в той или иной благотворительной акции. И бизнес вынужден, даже если это вредит его делам, соглашаться, дабы не портить отношения с властью.

Эти данные говорят о том, что в текущий кризис крупный бизнес подошёл к проблемам благотворительности более ответственно по сравнению с кризисом 2008–9 гг. По данным социологического исследования «Благотворительность в условиях кризиса», осуществлённого в апреле-мае 2009 г. группой «Циркон» и «PriceWaterhouseCoopers», из 440 опрошенных некоммерческих организаций, занимающихся благотворительностью, 65% заявило о том, что их финансирование со стороны бизнеса было сокращено или вообще прекращено [Доклад о тенденциях... 2010].

Судя по данным опросов, дела с благотворительностью крупных компаний в условиях текущего кризиса обстоят относительно благополучно, т. е. крупный бизнес, осознавая, что государству всё труднее решать социальные задачи и поддерживать незащищённые слои населения, стремится всё-таки сохранять благотворительные программы.

Что касается среднего и малого бизнеса, то здесь картина выглядит существенно хуже. Впрочем, и до кризиса участие малого и среднего бизнеса в благотворительности было довольно скромным¹.

Наш собственный опрос предпринимателей в 2013 г. показал, что значительная часть бизнесменов уже при первых симптомах кризиса существенно сократили благотворительные проекты или вообще от них отказались. Так, если в докризисный период 71% наших респондентов заявили, что они участвовали в благотворительных проектах, а также в систематических или разовых благотворительных акциях, то уже в 2013 г. 40% из них вообще временно отказались от участия в благотворительности (по выражению одного респондента, «не до жиру, быть бы живу»), 39% существенно (от 30 до 70%) сократили свои благотворительные бюджеты и лишь 21% заявили, что они оставили финансирование благотворительных проектов на прежнем уровне.

Наше исследование показало и ещё одно негативное явление, а именно: стремление части бизнесменов, чьи компании не испытывают серьёзных финансовых трудностей, использовать усложнение экономической ситуации как благовидный предлог для того, чтобы отказаться не только от навязанных или показных социальных проектов, что было бы понятно, но и от благотворительности вообще. Об этом, в частности, откровенно заявили 6% участников опроса. «Ну, достали,

¹ В 2013 г. автором было проведено социологическое исследование, посвящённое морально-этической ответственности бизнеса, где вопросы отношения респондентов к благотворительности занимали значительное место. В опросе принял участие 61 респондент – представители бизнеса столичного региона (Москвы и Московской области). Ценность этого опроса заключалась в том, что многие интервью проходили в неформальной обстановке, и в обмен на гарантию анонимности респонденты демонстрировали относительно высокий уровень откровенности.

ну просто достали, – возмущался топ-менеджер банка, – Этим – дай! Тем – дай! Как будто я деньги печатаю. А сейчас я говорю просителям: «Извините, кризис...».

Одновременно, как показал опрос, передовые предприниматели, осознающие свою морально-этическую ответственность перед обществом, используют кризис для улучшения качества планирования благотворительной деятельности, повышения эффективности использования благотворительных ресурсов и усиления контроля над целевым использованием средств в связи с их ограниченностью, для очищения системы благотворительных фондов от различного рода организаций, выступающих посредниками между бизнесом и субъектами благотворительности, от непрофессиональных и непорядочных организаций и людей, превративших благотворительность в средство личного обогащения.

В то же время данные СМИ и благотворительных организаций свидетельствуют о том, что малый и средний бизнес в силу объективных и субъективных причин существенно сократили свои затраты на благотворительность.

В условиях кризиса бизнес вынужден изыскивать пути оптимизации расходов и, естественно, что в этих условиях одними из первых «под нож» попадают расходы на благотворительность. При этом необходимо отметить в качестве позитивного момента, что сокращение ассигнований на благотворительность бизнес стремится частично компенсировать волонтерским участием своих работников в благотворительных программах.

Отношение власти к благотворительной деятельности бизнеса неоднозначно. С одной стороны, власть в условиях сокращения бюджетных средств осознаёт необходимость привлечения бизнеса к осуществлению социальных проектов. С другой стороны, очевидно, что власти относятся к некоторым видам благотворительности настороженно, боясь усиления влияния на население зарубежных и финансируемых из-за рубежа фондов. Кроме того, у власти есть опасения и по поводу того, что нерегулируемая государством благотворительность бизнеса и его взаимодействие со структурами гражданского общества может повысить самостоятельность бизнеса и усилить гражданское общество, которое сможет предъявлять власти требования не только гуманитарного характера. И именно с этой целью был принят закон «Об иностранных агентах», нанёсший серьёзный удар по благотворительности и вынудивший уйти из общественного пространства целый ряд благотворительных организаций. Наиболее существенный ущерб, на наш взгляд, благотворительность в России понесла из-за действия этого закона, приведшего, например, к свёртыванию деятельности фонда Д. Зимины «Династия».

Отношение бизнеса к СОБ в кризис

Вопрос об отношении самого бизнеса к своей социальной ответственности в условиях кризиса является весьма сложным. Если говорить об осознании передовым бизнесом своей роли и ответственности в преодолении страной кризиса на теоретическом уровне, то оно, во всяком случае у общероссийских предпринимательских организаций (РСПП, ТПП, «Деловой России», «Опоры России», АРБ, ВСС и др.), безусловно присутствует. Анализ документов этих организаций показывает, что в них вопросам СОБ уделяется значительное внимание.

Для разработки идей КСО и их внедрения в предпринимательскую среду в основных предпринимательских объединениях созданы соответствующие структуры. Так, в РСПП работает «Комитет по корпоративной социальной ответственности и демографической политике», в «Опоре России» – «Комитет по социальному предпринимательству и корпоративной социальной ответственности», в «Деловой России» – «Комитет по социальной ответственности бизнеса, благотворительности и меценатству». Эти структуры осуществляют систематическое осмысление теории и практики опыта КСО, разработку методик её оценки с учётом международных стандартов, состоящих из количественных и качественных индексов.

Важным шагом в развитии КСО с 2000 г. является публикация социальных отчётов, осуществляемая передовыми компаниями, работающими на отечественном рынке. На 11.01.2017 г. в библиотеке нефинансовых отчётов были зарегистрированы отчёты 164 организаций, предоставивших 748 отчётов. Необходимо констатировать, что в условиях кризиса количество публикуемых компаниями нефинансовых отчётов несколько сократилось. Так, если за 2012 г. компании подготовили 76 нефинансовых отчетов, за 2013 – 65, то за 2015 г. – 63 [Ответственная деловая практика... 2015: 18; Национальный регистр...] Это довольно скромные цифры. Причём эксперты констатируют не только небольшое число нефинансовых отчётов, но и невысокое их качество. Так, в РСПП провели исследование по материалам 100 годовых нефинансовых отчётов крупнейших компаний, которое показало, что глубина раскрытия информации о социальной ответственности российских компаний очень отличается от западных своей декларативностью, неглубоким анализом результатов деятельности.

Для сравнения отметим, что по состоянию на конец 2014 г. в базе данных Corporate Register в мире было зарегистрировано более 12 тыс. компаний, которые в период с 1992 по 2014 гг. опубликовали 62096 нефинансовых отчётов, подавляющее число из них отличалось глубиной и полнотой

раскрытия информации о КСО компаний и было подготовлено в соответствии со стандартами ISO: 26000 [Ответственная деловая практика... 2015: 16].

Предпринимательские объединения ведут также работу над рейтингами КСО и уже несколько лет публикуют рейтинги социально-экологической ответственности бизнеса. РСПП в рамках проекта «Социальный капитал» осуществляет разработку индексов публичной корпоративной отчетности. Индекс «Ответственность и открытость» позволяет аналитикам выявлять круг тем, приоритетных для КСО, а также набор из почти 80 показателей, которые компании используют для отражения их воздействия на экономику, общество и окружающую среду. Индекс «Вектор устойчивого развития» помогает отследить динамику и направление процессов, связанных с деятельностью компаний в ключевых областях ответственности [Ответственная деловая практика... 2015: 11].

Весьма актуальными в условиях кризиса выглядят и вопросы, инициируемые РСПП и обсуждаемые на заседаниях, круглых столах и симпозиумах. Только за последний год бизнес активно обсуждал следующие вопросы, касающиеся СОБ: «Корпоративная социальная ответственность бизнеса как основа эффективных бизнес-стратегий», «Индексы и рейтинги устойчивого развития и корпоративной ответственности: опыт оценки и развитие инструментария», «Ответственное взаимодействие бизнеса и власти в интересах социальной стабильности» и др.

Значительное внимание СОБ уделяет и ТПП РФ. В программе её деятельности в частности говорится: «ТПП РФ... проводит в своей деятельности политику социальной ответственности предпринимателей и их объединений, придерживаясь международных принципов, зафиксированных в Глобальной инициативе ООН и в рекомендациях Международной организации предпринимателей, в конвенциях и рекомендациях МОТ» [Социальная ответственность...].

Вместе с тем, с сожалением приходится констатировать, что осознание передовым бизнесом важности и полезности СОБ далеко не всегда сопровождается социально ответственным поведением значительной части бизнеса на практике. И иногда складывается впечатление, что теория СОБ в России и практика поведения бизнеса – это некие непересекающиеся среды. В этой связи в сознании значительной части предпринимателей можно наблюдать явление когнитивного диссонанса, когда, с одной стороны, есть осознание необходимости и полезности социально ответственного поведения, а с другой – понимание того, что социально-экономические реалии в стране диктуют иные модели поведения, далеко не всегда укладывающиеся в рамки КСО, а то и противоречащие ей.

При этом необходимо отметить, что передовой крупный российский бизнес и международные компании, работающие на нашем рынке, осознают свою социальную роль и ответственность в преодолении кризисов и стремятся демонстрировать власти и обществу социально ответственное поведение.

Как показывают результаты социологического исследования, проведённого в период кризиса 2008–09 гг. агентством Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала Economist) среди крупнейших, прежде всего российских компаний, активно работающих на мировых рынках и котирующих свои акции на зарубежных биржах, понятие КСО и устойчивого развития из абстрактной теории превращаются в повседневную практику, полезность которой для элиты бизнеса является очевидной. Опрос продемонстрировал, что 70% участвовавших в нём компаний отметили, что КСО помогает им в расширении бизнеса на развивающихся рынках. Более 60% респондентов заявили о том, что основным стимулом для устойчивого развития и деятельности в области КСО является улучшение репутации и укрепление бренда компании. По мнению респондентов, КСО также повышает конкурентоспособность компании на международном рынке: 31% опрошенных среди факторов, способствующих внедрению политики устойчивого развития, называют необходимость конкурировать в глобальном масштабе; 21% объясняют свои действия в сфере КСО требованием со стороны правительства и регуляторов [Виттенберг 2011: 444].

В то же время в России можно наблюдать и массовые случаи безответственного поведения представителей крупного, малого и среднего бизнеса. Это не всегда законная минимизация налогов, и осуществление ценовых сговоров, и некорректное использование инсайдерской информации, и нарушение экологических норм ведения бизнеса¹. Причём при анализе поведения той или иной фирмы с позиций оценки её ответственного или безответственного поведения иногда крайне трудно вынести однозначный вердикт. Это связано с тем, что при решении одних вопросов бизнес может поступать социально ответственно, а других – безответственно. Например, уходить от налогов, но при этом активно заниматься благотворительностью; сохранять рабочие места и накапливать человеческий капитал сотрудников, но нарушать экологические нормы; выпускать качественную продукцию, но игнорировать правила справедливой конкуренции, и т. д. Сегодня можно с уверенностью сказать, что российский бизнес находится в некоем транзите от социальной безответственности к социальной ответственности. Этот транзит не является однонаправленным процессом движения по восходящей, а характеризуется подъёмами и спадами СОБ.

¹ Вопросы экологической ответственности бизнеса были рассмотрены нами в специальной статье [Виттенберг 2010].

Если сегодня представить российский бизнес с точки зрения социально ответственного поведения в виде пирамиды, то он будет выглядеть следующим образом: в основании пирамиды лежит достаточно большая страта безответственных предпринимателей (представители теневого бизнеса, злостные нарушители трудового законодательства, систематические уклонисты от уплаты налогов, отравители природы); ступенькой выше располагаются самые большие бизнес-страты, находящиеся в некоем транзитном состоянии от социально безответственного поведения к социально ответственному (это предприниматели, которые в одних случаях поступают ответственно, а в других – безответственно). И, наконец, на вершине этой бизнес-пирамиды находится страта относительно социально ответственных бизнесменов. Для значительной части российского бизнеса социально ответственное поведение на сегодняшний день означает выход из тени, уплату налогов в полном объёме, выплату сотрудникам «белой зарплаты», то есть элементарное соблюдение законов.

Причин, по которым значительная часть российского бизнеса демонстрирует социальную безответственность, несколько.

1. В России с момента возникновения бизнеса не сложилась историческая традиция ответственности бизнеса перед обществом. В условиях авторитарных и тоталитарных режимов, доминировавших в стране на протяжении многих веков, бизнес был ответственен главным образом перед властью.

2. Не укоренилась в сознании значительной части российского бизнеса и идея служения общественным интересам. Большая часть российского бизнеса служила и продолжает служить не обществу, а Мамоне.

3. В России наблюдается эманация безответственности и существует некая пирамида безответственности, когда социальная безответственность правящих элит экстраполируется на бизнес и общество. В упрощённом виде это выглядит примерно так: власть в ряде случаев принимает социально безответственные законы и решения (например, «Закон Димы Яковлева», санкции против западного продовольствия, уничтожение санкционных продуктов и т. д.). Бизнес, в свою очередь, допускает социальную безответственность в вопросах налогообложения, качества производимых товаров и услуг, охраны окружающей среды и т. д.).

И, наконец, граждане, имея подчас в качестве примера безответственное поведение власти и бизнеса, также проявляют социальную безответственность: не платят налоги, манкируют оплатой услуг ЖКХ, воруют всё, что можно украсть, и т. д.).

В результате возникает парадигма безответственности значительной части всех субъектов социальной ответственности. В этой ситуации было бы наивно ждать от всего бизнеса социально ответственного поведения.

4. Отсутствие справедливой конкуренции, неравноправный характер отношений между бизнесом и властью, между государственным и частным бизнесом, существование лишь на бумаге равенства всех перед законом, сохраняющийся высокий уровень коррупции также способствуют сохранению, а то и росту социальной безответственности бизнеса в условиях кризиса.

Тем не менее, как нам представляется, именно в условиях кризиса отчётливо просматриваются пути повышения социальной ответственности бизнеса. Как было отмечено выше, это прежде всего наличие в качестве примера социально ответственного поведения власти. Далее – верховенство закона, присутствие в обществе реальной политической и экономической конкуренции. И, наконец, это расширение экономической свободы и улучшение предпринимательского климата во всех его аспектах, начиная от рационального налогообложения и кончая непримиримой борьбой с коррупцией.

Серьёзным фактором, способным повлиять на развитие СОБ в условиях кризиса в России является установление атмосферы доверия между институтами власти и бизнеса, а также изменение характера их отношений в сторону повышения равноправия. Сегодня в этом вопросе есть определённые позитивные подвижки: создан институт бизнес-омбудсмена, чаще стали происходить встречи представителей власти и бизнеса, включая встречи с президентом, бизнес стал активней привлекаться к разработке антикризисных программ.

Вместе с тем, по сей день сохраняется определённое взаимное недоверие между бизнесом и властью, особенно на региональном уровне. Медленно движется в позитивную сторону и процесс становления равноправных отношений между бизнесом и властью. До сих пор существует практика командования бизнесом со стороны институтов власти, принуждение к благотворительности и т. д.

Важным фактором повышения СОБ является осознание самим бизнесом, что именно в условиях кризиса важно и выгодно продемонстрировать социально ответственное поведение. Как это ни странно, но корпоративная социальная ответственность — один из немногих возможных и эффективных путей сохранения бизнеса и выхода из кризиса всей страны. Мировой опыт и результаты социологических исследований регулярно показывают, что бизнес, который ведёт себя социально ответственно, имеет большие шансы на выживание в условиях кризиса.

Корпоративная социальная ответственность — один из немногих возможных и эффективных путей сохранения бизнеса и выхода из кризиса всей страны. Мировой опыт и результаты социологических исследований регулярно показывают, что бизнес, который ведёт себя социально ответственно, имеет большие шансы на выживание в условиях кризиса.

Социально ответственное поведение бизнеса способствует улучшению его отношений с внутренними и внешними стейкхолдерами. Работники фирмы с большим желанием трудятся на социально ответственных предприятиях. Социально ответственному бизнесу легче найти хороших специалистов, опять-таки предпочитающих работать на социально ответственных предприятиях. Даже акционеры, чьи интересы иногда входят в противоречие с затратами на социальные проекты, уменьшающие их дивиденды, при хорошо поставленной разъяснительной работе признают в перспективе выгоду от СОБ.

Что касается внешних стейкхолдеров, то у социально ответственного бизнеса, прежде всего, как правило, хорошие отношения с властью, что особенно важно в условиях России. Социально ответственный бизнес помогает власти решать различные острые социальные проблемы, а власти в свою очередь помогают бизнесу в решении его проблем, таких, например, как аренда производственных помещений, ускоренное подключение к инфраструктуре, выход на рынки товаров и заимствований, и т.д.

Далее, бизнесу, исповедующему ценности КСО, банки скорее предоставят кредиты, поскольку они, поддерживая социально ответственный бизнес, наберут очки в глазах потенциальных клиентов.

Социально ответственное поведение бизнеса даёт ему шанс расширить круг потребителей своих товаров и услуг. Здесь работает простая логика: если компания ведёт себя социально ответственно, то она выпускает хороший и качественный товар, разумна в своей ценовой политике, чем привлекает всё больше и больше клиентов.

Социально ответственному бизнесу легче найти партнёров, особенно за рубежом, где идеи СОБ стали для множества компаний элементом повседневной практики. Известно, что с социально ответственными компаниями легче и безопасней вести бизнес: меньше рисков, связанных с конфликтами с властью и обществом, со служащими и акционерами, и т. д.

У социально ответственного бизнеса хорошие отношения со СМИ, которые доносят до общественности факты социально ответственного поведения той или иной компании и тем самым повышают узнаваемость фирм, формируют их позитивный имидж в глазах широкой общественности.

Таким образом, социальная ответственность бизнеса – это возможность создавать и наращивать нематериальные активы, увеличивать цену имиджа компании и её торговой марки, а тем самым повышать стоимость компании на фондовых рынках и т. д.

Социальная ответственность бизнеса – это возможность создавать и наращивать нематериальные активы, увеличивать цену имиджа компании и её торговой марки, а тем самым повышать стоимость компании на фондовых рынках и т. д.

Когда, наконец, не только передовой, но и весь российский бизнес не на словах, а на деле осознает важность и полезность социально ответственного поведения и начнёт осуществлять его на практике, сказать трудно, но это один из важных факторов преодоления страной экономического кризиса и перехода её на рельсы устойчивого инновационного развития.

Библиографический список

Антикризисный план правительства РФ. 2015 // Российская газета. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2015/02/02/plan-dok.html> [Дата посещения: 01.09.2016].

Базанова Е., Мереминская Е., Дербилова Е., Терентьева А. 2016. Путин опять дал слово // Ведомости. 20 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/20/645956-putin-opyat-dal-slovo> [Дата посещения: 25.08.2016].

Барометр кризиса // Форум доноров. URL: <http://www.donorsforum.ru/projects/barometr-krizisa> [Дата посещения: 27.08.2016].

Безработица в России в 2016 году // Person agency. URL: <https://person-agency.ru/statistic.html> [Дата посещения: 27.08.2016].

Благотворительность в кризис: кто и сколько тратит // Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/news/2015-9-4/blagotvoritelnost-v-krizis-kto-i-skolko/> [Дата посещения: 29.08.2016].

Виттенберг Е. Я. 2010. Экологическая ответственность бизнеса // Россия и современный мир. № 2. С. 31–49.

Виттенберг Е. Я. 2011. Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве. М.: Издательский центр РГГУ. 481 с.

Владимиров Е. 2015. Теневой рынок в России не исчезает // Академия менеджмента. Технологии будущего мегодн! URL: <http://am-lean.ru/news/1314/> [Дата посещения: 20.08.2016].

Воронина Ю. 2016. Рейдерство угрожает малому и среднему бизнесу в России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html> [Дата посещения: 20.08.2016].

Горелова Е. Малому бизнесу приготовили льготы. 2015 // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/10/02/611218-malomu-biznesu-prigotovili-lgoti> [Дата посещения: 23.08.2016].

Гурвич Е. Т., Суслина А. Л. 2015. Динамика собираемости налогов в России: макроэкономический подход. Государственные финансы. Налогово-бюджетная политика // Экономическая экспертная группа. URL: <http://www.eeg.ru/files/lib/02092015.pdf?PHPSESSID=f91b06bcd38449225b73a8514c6beae35> [Дата посещения: 21.08.2016].

Доклад о тенденциях в сфере КСО в России в 2009 году. 2010 // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <http://www.rspp.ru> [Дата посещения: 23.08.2016].

Как сохранить КСО-программы в кризис. 2016 // Агентство социальной информации. URL: <http://www.asi.org.ru/kak-sohranit-kso-programmy-v-krizis/> [Дата посещения: 09.08.2016].

Костякина А. С. 2009. Социальная ответственность бизнеса в условиях мирового финансового кризиса // «Terra Economicus». Экономический вестник ростовского государственного университета. Т. 7. № 2 (часть третья). С. 32–35.

Кризис изменил вкус и качество продуктов, рынок заполнил продуктовый фальсификат. 2015 // Agrobok. URL: <http://www.agrobok.ru/blog/user/soyuz-organicheskogo-zemledeliya/kachestvo-produktov-pitaniya-s-kontrolem-kachestva> [Дата посещения: 01.09.2016].

Лозовая И. С. 2009. Социальная ответственность российских предприятий в условиях экономического кризиса // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. № 1. С. 14–16.

Малышева Е., Бикбов А., Коптюбенко Д. 2015. Теневой сектор экономики России вырос на 3 млн человек // URL: <http://www.rbc.ru/economics/26/02/2015/54ef19049a7947453eeb6428> [Дата посещения: 01.08.2016].

Минстрой России // РБК. URL: <http://www.minstroyrf.ru/press/srok-prokhozhdeniya-protsedur-neobkhodimykhdlya-polucheniya-razresheniya-na-stroitelstvo-znachitelno/> [Дата посещения: 03.08.2016].

Мионов В. 2016. Вступил в силу мораторий на проверки малого бизнеса // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/01/02/biznes-site.html> [Дата посещения: 01.08.2016].

Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов. URL: <http://www.rspp.ru/simplepage/157> [Дата посещения: 23.01. 2017].

«Опора России» просит Минтруд исключить МРОТ из расчёта страховых взносов // ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3469919> [Дата посещения: 09.08.2016].

Ответственная деловая практика в зеркале отчётности. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчётов 2012–2014 гг. выпуска. 2015 // Российский союз промышлен-

ников и предпринимателей. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/1/3/1310e25ab7ebd8f22b8baa594bce857c.pdf> [Дата посещения: 01.08.2016].

Просроченная задолженность по заработной плате. 2016 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237983568234 [Дата посещения: 10.09.2016].

Путин В. В. Выступление на съезде РСПП 24 февраля 2016 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51559> [Дата посещения: 01.08.2016].

Социальная ответственность – новое в политике ТПП России // Меценат. URL: http://www.maecenas.ru/doc/2003_4_7.html [Дата посещения: 01.08.2016].

Теневая экономика. 2016 // www.Grandars.ru. URL: <http://www.grandars.ru/student/нас-ekonomika/tenevaya-ekonomika.html#a4> [Дата посещения: 01.08.2016].

Титов Б. Ю. 2016а. Ежегодный доклад омбудсмена // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в РД. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2016.html [Дата посещения: 04.09.2016].

Титов Б. Ю. 2016b. Налоговая нагрузка на бизнес // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в РД. URL: <http://www.ombudsmanbiz.ru/2016/03/v-rossii-nalogovaya-nagruzka-na-biznes-vyshe-chem-srednemirovaya/> [Дата посещения: 04.09.2016].

Doing Business in Russia 2012 reports // The World Bank. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Subnational-Reports/DB12-Sub-Russia.pdf> [Дата посещения: 07.09.2016].

Doing Business 2016 reports // The World Bank. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB16-Full-Report.pdf> [Дата посещения: 07.09.2016].

Index of Economic Freedom 2012 // Гуманитарные технологии. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2012/01/13/3839> [Дата посещения: 10.09.2016].

Index of Economic Freedom 2016 // Гуманитарные технологии. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> [Дата посещения: 24.01.2017].

Karaibrahimoğlu Y. Z. 2010. Corporate social responsibility in times of financial crisis // African Journal of Business Management. Vol. 4(4). P. 382–389.

Köse C. 2012. The Effects of the Financial Crisis on Corporate Social Responsibility // International Journal of Business and Social Science. Vol. 3 No. 3. February. P. 292–300.

Selvi Y., Wagner E., ve Türel A. 2010. Corporate Social Responsibility In The Time Of Financial Crisis: Evidence From Turkey // *Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica*. Number 12. Issue 1. P. 333–338.

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.440

Social Responsibility of Russian Business During Economic Crisis

Vittenberg Evgeniy Yakovlevich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: intelban@mail.ru

Abstract: This article is dedicated to analyzing the social responsibility of business (SRB) during the current historical stage, which is characterized by economic crisis. SRB is examined in tight connection with social responsibility of government officials and civic society. According to the author, developing a solidary responsibility among all of its subjects is one of the most important conditions for overcoming the crisis as quickly as possible. In this article considerable attention is paid to analyzing the efforts of the government when it comes to improving the business climate in such aspects as eliminating bureaucratic obstacles which hamper the functioning of businesses, a certain decrease in the tax burden for several categories of small businesses, providing access to infrastructure, etc. The article highlights certain achievements of the government when it comes to these matters, which are reflected in international ratings that evaluate entrepreneurial climate. Meanwhile the article marks certain difficulties and contradictory trends when it comes to improving the business climate in Russia. Cited among them is poor property protection as a result of extensive corporate raiding, unequal relations between business and government, corruptive pressure on businesses. The article examines SRB during crisis based on such key issues as tax payment, relations with internal stakeholders, producing quality products, charity, not to mention that it analyzes the reasons for business' social irresponsibility. In conclusion, the article states that business' behavior during crisis is controversial. The leading businesses show socially responsible behavior: they pay taxes, maintain jobs, produce quality products, and implement ecological and charitable projects. Irresponsible business "hides in the shadow", decreases the net cost of products at the expense of quality, and abandons charitable campaigns. It is concluded that socially responsible behavior of businesses is the key to helping them stay afloat, as well as ushering the country towards stable development.

Keywords: the social responsibility of business, the social responsibility of government, solidarity social responsibility, responsibility before external and internal stakeholders, the social irresponsibility of the business

References

Antikrizisny plan pravitel'stva RF [Anti-crisis Plan of the Government of the Russian Federation. 2015]. Rossiyskaja gazeta. Official website. URL: <https://rg.ru/2015/02/02/plan-dok.html> [date of visit: 01.09.2016].

Barometr krizisa [The Barometer of Crisis]. Forum donorov. Website. URL: <http://www.donorsforum.ru/projects/barometr-krizisa> [date of visit: 27.08.2016].

Bazanova E., Mereminskaja E., Derbilova E., Terent'eva A. Putin opiat' dal slovo [Putin Again Gave the Floor]. Vedomosti Official website. Release 20.06.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/20/645956-putin-opyat-dal-slovo> [date of visit: 25.08.2016].

Bezrobotica v Rossii v 2016 godu [Unemployment in Russia in 2016]. Person agency. Official website. URL: <https://person-agency.ru/statistic.html> [date of visit: 27.08.2016].

Blagotvoritel'nost' v krizis: kto i skol'ko tratit [Charity in Crisis: Who Spends and How Much]. Analitichesky centr NAFI. Official website. URL: <http://nacfin.ru/blagotvoritelnost-v-krizis-kto-i-skolko-tratit> [date of visit: 29.08.2016].

Doing Business 2016 reports. The World Bank. Doingbusiness. Website. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB16-Full-Report.pdf> [date of visit: 07.09.2016].

Doing Business in Russia 2012 reports. The World Bank. Doingbusiness Website. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Subnational-Reports/DB12-Sub-Russia.pdf> [date of visit: 07.09.2016].

Doklad o tendencijah v sfere KSO v Rossii v 2009 godu [Report on Trends in Corporate Social Responsibility in Russia in 2009]. RUIE Official website. Release 2010. URL: <http://www.rspp.ru> [date of visit: 23.08.2016].

Gorelova E. Malomu biznesu prigotovili l'goty [Small Businesses Have Prepared Benefits]. Vedomosti. Official website. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/10/02/611218-malomu-biznesu-prigotovili-lgoty> [date of visit: 23.08.2016].

Gurvich E. T., Suslina A. L. Dinamika sobiraemosti nalogov v Rossii: makroekonomichesky podhod. Gosudarstvennye finansy. Nalogovo-biudzhethnaja politika [The Dynamics of Tax Collection in Russia: the Macroeconomic Approach. Public Finance. Fiscal Policy]. Ekonomicheskaja ekspertnaja gruppa. Official website. Release 2015. URL: <http://www.eeg.ru/files/lib/02092015.pdf?PHPSESSID=f91b06bcd38449225b73a8514c6eae35> [date of visit: 21.08.2016].

Index of Economic Freedom. Gumanitarnye Tekhnologii. The Web journal. Release 2012. URL <http://gtmarket.ru/news/state/2012/01/13/3839> [date of visit: 10.09.2016].

Index of Economic Freedom. Gumanitarnye Tekhnologii. The Web journal. Release 2016. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> [date of visit: 24.01.2017].

Kak sohranit' KSO-programmy v krizis [How to Keep Corporate Social Responsibility Programs in Crisis. 2016]. Agentstvo social'noy informacii. Official website. URL: <http://www.asi.org.ru/kak-sohranit-kso-programmy-v-krizis> [date of visit: 09.08.2016].

Karabrahimoğlu Y. Z. Corporate social responsibility in times of financial crisis. African Journal of Business Management. 2010. Vol. 4 (4), pp. 382–389.

Köse C. The Effects of the Financial Crisis on Corporate Social Responsibility. International Journal of Business and Social Science, 2012 February, vol. 3, no. 3, pp. 292–300.

Kostiakina A. S. Social'naja otvetstvennost' biznesa v uslovijah mirovogo finansovogo krizisa [Social Responsibility of Business in the Global Financial Crisis]. Terra Economicus. Ekonomicheskij vestnik rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, vol. 7, no 2 (part three), pp. 32–35.

Krizis izmenil vkus i kachestvo produktov, rynek zapolnil produktovy fal'sifikat []. Agrobok. Website. Release 2015. URL: <http://www.agrobok.ru/blog/user/soyuz-organicheskogo-zemledeliya/kachestvo-produktov-pitaniya-s-kontrolem-kachestva> [date of visit: 01.09.2016].

Lozovaja I. S. Social'naja otvetstvennost' rossijskih predpriyatij v uslovijah ekonomicheskogo krizisa [Social Responsibility of Russian Enterprises in the Conditions of Economic Crisis]. Vestnik AGTU. Ser. Ekonomika, 2009, no 1, pp. 14–16.

Malysheva E., Bikbov A., Koptiubenko D. Tenevoy sektor ekonomiki Rossii vyros na 3 mln chelovek [The Shadow Economy of Russia Grew by 3 Million People]. RBC Information agency. Official website. URL: <http://www.rbc.ru/economics/26/02/2015/54ef19049a7947453eeb6428> [date of visit: 01.08.2016].

Minstroy Rossii [Ministry of Construction of Russia]. RBK. URL: <http://www.minstroyrf.ru/press/srok-prokhozheniya-protsedurneobkhodimyykh-dlya-polucheniya-razresheniya-na-stroitelstvo-znachitelnykh> [date of visit: 03.08.2016].

Mironov V. Vstupil v silu moratoriy na proverki malogo biznesa [The Moratorium on Small Business Checks Came into Effect]. Rossiyskaja gazeta. Official website. Release 2016. URL: <https://rg.ru/2016/01/02/biznes-site.html> [date of visit: 01.08.2016].

Nacional'ny Registr i Biblioteka korporativnykh nefinansovykh otchiotov [National Register and Library of Corporate Non-Financial Reports]. The Web portal. URL: <http://www.rspp.ru/simplepage/157> [date of visit: 23.01.2017].

«Opora Rossii» prosit Mintrud iskliuchit' MROT iz raschiota strahovykh vzosov [“Support of Russia” Asks the Ministry of Labor to Exclude the Minimum Wage from the Calculation of Insurance Premiums]. TASS Official website. Release 20.07.2016. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3469919> [date of visit: 09.08.2016].

Otvettstvennaja delovaja praktika v zerkale otchiotnosti. Analitichesky obzor korporativnykh nefinansovykh otchiotov 2012–2014 gg. Vypuska [Responsible Business Practice in the Mirror of Accountability. Analytical Review of Corporate Non-financial Reports 2012–2014 Release.]. RUIE Official website. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/1/3/1310e25ab7ebd8f22b8baa594bce857c.pdf> [date of visit: 01.08.2016].

Prosrochennaja zadolzhennost' po zarabotnoy plate [Arrears of Wages. 2016]. Rosstat Oficial website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237983568234 [date of visit: 10.09.2016].

Putin V. V. Vystuplenie na s'ezde RSPP 24.02.2016 [Speech at the RUIE Forum 24th feb. 2016]. Russian President Official website. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51559> [date of visit: 01.08.2016].

Selvi Y., Wagner E., ve Türel A. Corporate Social Responsibility In The Time Of Financial Crisis: Evidence From Turkey. Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica, 2010, no 12, Issue 1, pp. 333–338.

Social'naja otvetstvennost' – novoe v politike TPP Rossiya [Social Responsibility – New Aspect in Politics of the Chamber of Commerce and Industry of Russia]. Mecenat. Website. URL: http://www.maecenas.ru/doc/2003_4_7.html [date of visit: 01.08.2016].

Tenevaja ekonomika [The Shadow Economy]. The Web Economic Encyclopedia “Gandars”. URL: <http://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/tenevaya-ekonomika.html#a4> [date of visit: 01.08.2016].

Titov B. Y. Ezhegodny doklad ombudsmena [Annual Report of the Ombudsman]. Upolnomochenny po zaschite prav predprinimateley v RF. Official website. URL: www.ombudsmanrd.ru/tag/ezhegodnyj-doklad-2016 [date of visit: 04.09.2016].

Titov B. Y. Nalogovaja nagruzka na biznes [Tax Burden on Business]. Upolnomochenny po zaschite prav predprinimateley v RF. Official website. URL: <http://www.ombudsmanbiz.ru/2016/03/v-rossii-nalogovaya-nagruzka-na-biznes-vyshe-chem-srednemirovaya/> [date of visit: 04.09.2016].

Vittenberg E. Y. Ecologicheskaja otvetstvennost' biznesa [Environmental Responsibility of Business]. Rossiya i sovremenny mir, 2010, no 2, pp. 31–49.

Vittenberg E. Y. Social'naja otvetstvennost' biznesa na postsovetskom prostranstve [Social Responsibility of Business in the Post-Soviet Space.]. Moscow, RSHU publ., 2011. 481 p.

Vladimirov E. Tenevoy rynek v Rossii ne ischezaet [The Shadow Market in Russia Does not Disappear]. TPP-Inform. Website. URL: <http://tpp-inform.ru/vedomosti/obshchestvo/35139/> [date of visit: 20.08.2016].

Voronina J. Reyderstvo ugrozhaet malomu i srednemu biznesu v Rossii [Raiding Threatens Small and Medium-sized Businesses in Russia]. Rossiyskaja gazeta. Official website. URL: <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html> [date of visit: 20.08.2016].

Акторы модернизации

Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания

Абрамов Роман Николаевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, отдел истории и теории социологии, Институт социологии Российской академии наук, доцент НИУ ВШЭ, Москва

E-mail: socioportal@yandex.ru

Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.441

Аннотация. Статья¹ посвящена рассмотрению проблем формирования и бытования коллективного сознания советской инженерно-технической интеллигенции периода реального социализма на основе знания о прошлом, воплощённого в воспоминаниях представителей этой группы. В анализе используются идеи Э. Дюркгейма о коллективном сознании. Учёный развивал концепцию коллективного или общего сознания, привязывая её к идее органической солидарности, которую можно интерпретировать и как этос определённой социальной группы, и как знания о социальной реальности и месте этой группы в ней, которые продуцируют коллективную идентичность. В статье производится реконструкция некоторых элементов сознания группы советской инженерно-технической интеллигенции на основе анализа доступных воспоминаний её представителей, а также концепции ИТР-дискурса, предложенной М. Липовецким, которая характеризует формы группового знания этой группы. Суть ИТР-дискурса, по М. Липовецкому, – это стихийный позитивизм и прогрессизм, уверенность в силе факта и отказ от усложнённой полифонической оптики при культивировании опереточной формы иронии в отсутствие критической саморефлексии. В работе рассматривается проблема социального и профессионального статуса группы советской инженерно-технической интеллигенции и её положения в социальной структуре советского общества. Для этого привлекаются исследования советских социологов, посвященные инженерным кадрам. Констатируется, что профессионализм инженерно-технической интеллигенции базировался на уровне полученного образования и потребности государства в технократическом классе, обеспечивающем СССР конкурентоспособность в оборонной и гражданской сфере. Профессиональная автономия в различных подгруппах научно-технической интеллигенции была неодинаковой и зависела от отраслевой принадлежности организации, в которой работали специалисты. Также обсуждаются некоторые характеристики профессиональной культуры этой группы, включая технократическое мышление, рационализм и критическое восприятие позднего советского времени. Показывается, что воспоминания советских инженеров отчасти могут приоткрыть дверь в жизненный и профессиональный мир этой группы, однако они же свидетельствуют о том, что внутри неё существовали самые разные профессиональные среды и формы коллективного сознания, ещё ждущие своих исследователей. Текст носит поисковый и дискуссионный характер.

Ключевые слова: инженерно-техническая интеллигенция, профессии, научно-технический прогресс, ИТР-дискурс, коллективное сознание

¹ Статья подготовлена в ходе работы над темой «Концепты ‘знание’ и ‘сознание’ в социологической теории: историко-социологическая реконструкция и перспективы дальнейшей разработки» (№ гос. регистрации 012013157044).

Если вспомнить апокрифические слова Ленина о том, что такое коммунизм («советская власть плюс электрификация всей страны»), то можно сказать, что советский режим опирался на две составляющие – идеологию, поддерживаемую мощным партийным бюрократическим аппаратом, и технократию, занятую созданием «крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники» [Ленин 1920], которая обеспечивала выживаемость страны в недружественном окружении. Поэтому, при декларативном уважении к рабочему классу, советское государство пестовало лояльную творческую интеллигенцию, занятую производством идеологии, и корпус научно-технической интеллигенции, занятой разработкой материальной базы коммунизма и на первых этапах жизни СССР в основном связанной с потребностями военно-промышленного комплекса. Именно эти две группы в конце концов стали главными могильщиками советского режима.

Творческая интеллигенция довольно рано стала разочаровывать власть, поскольку в её рядах находилось всё большее число тех, кто стремился выйти за флажки социалистического реализма, а научно-техническая интеллигенция в период 1950–80-х гг. стала массовым социально-профессиональным слоем, версией советского «среднего класса» [Васильева 2013], который подспудно формировал то, что можно назвать общественным мнением, наполненным скепсисом в отношении власти и бытовым недовольством, обостряющимся товарным дефицитом. В этой статье нас интересует, как коллективное сознание этой группы нашло отражение в знании о прошлом, воплощённом в воспоминаниях её представителей. В статье производится реконструкция некоторых элементов сознания группы советской инженерно-технической интеллигенции на основе анализа доступных воспоминаний её представителей, а также концепции ИТР-дискурса, характеризующей формы группового знания этой группы. Суть ИТР-дискурса, по М. Липовецкому, – это стихийный позитивизм и прогрессизм, уверенность в силе факта и отказ от усложнённой полифонической оптики при культивировании опереточной формы иронии в отсутствие критической саморефлексии. Если в советское время лучшие художественные образцы ИТР-дискурса (например, произведения братьев Стругацких) могли бы быть квалифицированы как часть «большой культуры», то сегодня это стало ближе к жанру анекдота, капустника, КВН, в котором могут работать представители разных политических ориентаций – от критиков существующего режима до их сторонников [Липовецкий 2010а, Липовецкий 2010б].

При декларативном уважении к рабочему классу советское государство пестовало лояльную творческую интеллигенцию, занятую производством идеологии, и корпус научно-технической интеллигенции, занятой разработкой материальной базы коммунизма. Именно эти две группы в конце концов стали главными могильщиками советского режима.

Инженерно-техническая интеллигенция: социологический взгляд

Реальный социализм 1960–80-х гг. был той экологической системой, в которой и могла появиться массовая группа инженерно-технических специалистов, и где эта группа стала ключевой аудиторией потребительского общества советского образца и публикой, способной к считыванию нюансов и эзопова языка культурной продукции того периода. Дискуссия вокруг идеи М. Липовецкого о ИТР-дискурсе как форме сознания инженерно-технической интеллигенции затрагивает вопрос о степени влияния на общественную жизнь и социальном составе этой группы. Нужно сказать, что эта проблема рассматривалась в критических комментариях Я. Кюбика [Kubik 2013] и П. Тамаша [Tamas 2013]. Первый говорит о различии роли ведущих публичных интеллектуалов (уровня Сахарова и Капицы) и обычного советского инженера, выполнявшего рутинную техническую работу [Kubik 2013]. Второй полагает, что спектр профессиональных ролей советского инженера был шире, чем на Западе (например, сюда включались функции организатора производства и менеджера), и само это занятие и квалификация были более массовыми, служили символом советской модерности [Tamas 2013].

Однако не следует забывать и о классических социологических теориях коллективного сознания (в частности, об идеях Э. Дюркгейма), связывающих общее знание группы с коллективным сознанием, формирующим групповую солидарность, которая представляет собой совокупность общих для членов общества верований и чувств, составляющих обособленную систему общности группы [Дюркгейм 1996: 87–88]. Э. Дюркгейм развивал концепцию коллективного или общего сознания, привязывая её к идее органической солидарности, которую можно интерпретировать и как этос определённой социальной группы, и как знания о социальной реальности и месте этой группы в ней, которые продуцируют коллективную идентичность. В этом отношении профессиональная культура советской инженерно-технической интеллигенции, ИТР-дискурс, предпочтения в области литературы и искусства, а также стиль жизни – всё вместе образовывало сплав знаний, мировоззрения и социальных практик, которые могут рассматриваться как коллективное сознание этого социального слоя советского общества.

С точки зрения социологии профессий, инженерно-техническая интеллигенция объединяла людей, окончивших политехнические институты и университеты по инженерным и естественнонаучным специальностям и пришедших

Реальный социализм 1960–80-х гг. был той экологической системой, в которой и могла появиться массовая группа инженерно-технических специалистов и где эта группа стала ключевой аудиторией потребительского общества советского образца и публикой, способной к считыванию нюансов и эзопова языка культурной продукции.

на работу в расширившийся сектор науки и НИОКР в промышленности. Нередко представители научно-технической интеллигенции были первым поколением в своих семьях, которому удалось получить высшее образование и обеспечить себе «беловоротничковую работу». Инженерно-техническая интеллигенция работала в прикладных научно-исследовательских институтах, системе высшего образования, конструкторских бюро и лабораториях при заводах и фабриках, системе Академии наук СССР, на предприятиях и производствах в «закрытых городах» (ЗАО – закрытые территориальные образования), выполнявших стратегические военные разработки. Советская промышленность и сфера НИОКР имели неоднородный по ресурсам и престижу характер. НИИ и предприятия, работавшие на нужды оборонной промышленности и космической отрасли [Gerovitch 2014, Gerovitch 2015], имели приоритетное финансирование, туда направлялись лучшие выпускники вузов и техникумов. Работа там была более интересной, имелись социальные преимущества в виде получения отдельной квартиры в относительно короткий срок.

При этом целые отрасли промышленности (метизная, местная пищевая, производство ряда товаров народного потребления и сельскохозяйственной техники) находились вне зоны внимания руководства страны, а карьерные и социальные перспективы для инженерных кадров там были ограничены. Соответственно, даже при наличии схожего уровня образования и должностных позиций профессиональная и культурная среда в разных группах инженерно-технической интеллигенции была неодинакова: например, в воспоминаниях С. Рыжикова [Рыжиков 2010], ленинградского инженера, работавшего не в самом престижном НИИ, и В. Саврея [Саврей 2010], тоже выпускника ленинградского технического вуза, но попавшего по распределению в Магадан и сделавшего карьеру энергетика в городах советского Севера, мы видим существенные различия в языке описаний окружающей их социальной, профессиональной и культурной реальности. В первом случае – это среда городской либеральной интеллигенции, часть которой пропитана настроем «кухонного диссидентства», а во втором – это будни «технаря-практика», вынужденного заниматься организацией работы в условиях недостатка новой техники и квалифицированного персонала. Читая эти мемуары, можно заметить как общие черты советской инженерно-технической интеллигенции, так и существенные отличия в стиле работы и жизни их авторов.

Профессионализм инженерно-технической интеллигенции базировался на уровне полученного образования и потребности государства в технократическом классе, обеспечивающем СССР конкурентоспособность в оборонной и гражданской сферах. Профессиональная автономия в различных подгруппах

Целые отрасли промышленности (метизная, местная пищевая, производство ряда товаров народного потребления и сельскохозяйственной техники) находились вне зоны внимания руководства страны, а карьерные и социальные перспективы для инженерных кадров там были ограничены.

научно-технической интеллигенции была неодинаковой и зависела от отраслевой принадлежности организации, в которой работали специалисты [Josephson 1997]. В частности, феномен «закрытых городов» и секретных НИИ, работавших на военные нужды, был очень распространён. Эти НИИ и «закрытые города» принадлежали влиятельным министерствам (например, Минсредмаш), которые занимались созданием атомного оружия, разработками космической и ракетной техники [Shmid 2008; Brown 2013]. В этих технологических анклавах складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, «закрытые города» и НИИ («почтовые ящики») находились под особым надзором КГБ и других секретных служб; с другой – технические специалисты имели большие возможности и ресурсы для творчества, их труд хорошо оплачивался, а цензура в культурной и гражданской сферах их касалась в меньшей степени, чем обычных советских граждан [Soviet society... 2014].

Однако вопрос о составе этого слоя до сих пор открыт, и более того – советские социологи 1960–80-х гг. активно обсуждали место инженерно-технической интеллигенции в социальной структуре советского общества. В характеристике советской интеллигенции авторы пытались нащупать компромисс между риском сведения интеллигенции исключительно к высокообразованным профессионалам, имеющим соответствующий статус и уровень компетенции, и констатацией движения к исчезновению этого «социального слоя», поскольку труд рабочих и колхозного крестьянства «становится всё более интеллектуально насыщенным». Если бы интеллигенцией были названы только профессионалы с высшим образованием, то возникли бы риски идеологического характера – советская интеллигенция выглядела бы как профессиональные группы буржуазного общества со своими особыми интересами, чего невозможно было допустить в советской системе. Во втором случае социальная структура советского общества выглядела бы столь очевидно примитивной и далёкой от реальности, что невозможно было бы делать сколько-нибудь адекватный анализ. Поэтому интеллигенция описывается как «единая», но «разнородная» группа со своей внутренней структурой [Классы...1968: 140]. Конечно, советская социология не могла рассказать обо всех средах и типах профессиональных субкультур, из которых складывался слой инженерно-технической интеллигенции, но улавливала различия между инженерными кадрами, работавшими в НИИ больших городов и на производстве: уже в начале 1970-х гг. отмечалось, что исследовательские институты оказывались более привлекательным местом для работы, нежели заводские цеха и КБ. В частности, это показано в исследованиях С. А. Кугеля [Кугель 1971], проводившихся в Ленинграде. Проблемы мотивации труда советских инженеров также отражены в известной работе В. А. Ядова

[Социально-психологический...1977]. В частности, В. А. Ядов описал тенденцию инфляции профессионального статуса инженерно-технических работников в связи с утратой тесной связи должностной позиции инженера с выполняемыми им задачами. Он назвал этот процесс «профессиональной полифонией» [Социально-психологический...1977: 13]. Уже во второй половине 1980-х гг. в ряде публикаций О. В. Крыштановской о статусе советской инженерно-технической интеллигенции дана объективная характеристика статусного дисбаланса в этом социально-профессиональном слое: автор делает вывод о том, что массовизация инженерного образования в послевоенном СССР вместе с наращиванием числа должностных позиций ИТР в промышленности и прикладной науке привели к инфляции профессионального статуса образованных технических специалистов [Крыштановская 1989]. По сравнению с предыдущими десятилетиями, в 1970–80-е гг. стало очевидным падение престижа инженерного труда, отразившееся в сужении профессиональной автономии, снижении относительного уровня заработной платы и карьерных возможностей, что болезненно сказалось на самооощении специалистов. Эту ситуацию хорошо отразил Б. Гребенчиков в известной песне: *«Я инженер на сотне рублей, /И больше я не получу. /Мне двадцать пять, и я до сих пор /Не знаю, чего хочу».*

Недовольство советской системой, получившее распространение в сознании инженерно-технической интеллигенции в позднее советское время, вызвано не только политическими обстоятельствами (отсутствие свободы слова, ограничения на выезд за рубеж), ситуацией в экономике (нарастающий товарный дефицит), но и когнитивным диссонансом, вызванным разрывом между ожиданиями творческой профессиональной работы после окончания вуза и реальностью, заключавшейся в том, что большинству выпускников политехнических институтов того периода было суждено тянуть лямку «белого воротничка» в скучном НИИ или конструкторском бюро завода.

ИТР-дискурс и ИТР-сознание как формы знания и сознания советской инженерно-технической интеллигенции

В перестройку именно этот слой, включавший инженеров, научных сотрудников НИИ, технических специалистов и высококвалифицированных рабочих, массово откликнулся на призыв к переменам, который был сделан М. Горбачёвым в 1985-м г. На первом этапе горбачёвских реформ в триаде «перестройка – ускорение – гласность» акцент

делался на «ускорении», которое понималось как сумма технократических усилий, направленных на «ускорение научно-технического прогресса», «темпов роста», «повышение организованности и дисциплины», обновление основных фондов через интенсивное развитие машиностроения. Именно так формулировалась Горбачёвым программа перестройки в докладе на Пленуме ЦК КПСС, прошедшем 23-го апреля 1985-го года. В том же докладе генеральный секретарь был озабочен «снижением престижа инженерного труда» и призывал к «первооружению всех отраслей народного хозяйства на основе современных достижений науки и техники» [О созыве... 1985: 5–29]. О гласности в этом докладе речи почти нет – лишь просьба обсуждать назревшие проблемы на собраниях коммунистов «без фальшивой идеализации». Иными словами, на первом этапе перестройка задумывалась как техническая модернизация с элементами осторожной экономической либерализации в первую очередь, а «гласность» понималась только как средство выявления и исправления недостатков. В такой версии перестройки инженерно-техническая интеллигенция снова должна была вернуть утрачиваемые статусные и материальные преимущества, поскольку именно она рассматривалась в качестве основной профессиональной силы, реализующей установку на ускорение НТП (научно-технического прогресса). В значительной мере исходная логика задуманных реформ сохраняла преемственность предыдущим технологическим рывкам советского режима: периода индустриализации и послевоенного восстановления и обновления промышленности, когда и происходило формирование основных поколений советской инженерно-технической интеллигенции.

Однако уже через два года после этих заявлений М. Горбачёва главным элементом в этой триаде стала «гласность», которую творческая интеллигенция, в основном представленная столичными журналистами, литераторами, кинематографистами, использовала в своих профессиональных интересах – как возможность выхода из-под глыб советской цензуры. К 1987-му году гласность и экономические реформы стали доминировать в политической и общественной повестке дня, а тема технологического ускорения и перевооружения стала уходить на второй план. Лидерами этого периода стали экономисты (Л. Абалкин, А. Аганбегян, П. Бунич, С. Шаталин) и творческая интеллигенция (историки, журналисты, режиссёры и писатели), а инженерно-техническая интеллигенция стала аудиторией, которая скорее реагировала на предложенные идеи, культурные новации, критическую публицистику, но не обрела собственных ярких лидеров и, самое главное, – собственного дискурса, о чём пишет в своей статье П. Тамаш [Tamas 2013] и с чем соглашается М. Липовецкий в своём полемическом тексте, хотя и подчёркивает, что он больше сконцентриро-

К 1987-му году гласность и экономические реформы стали доминировать в политической и общественной повестке дня, а тема технологического ускорения и перевооружения стала уходить на второй план. Дальнейшие события периода перестройки показали, что инженерно-техническая интеллигенция, активно участвовавшая в похоронах социализма, и сама оказалась на обочине истории.

ван на анализе «дискурсивного сообщества», нежели профессии [Lipovetsky 2013], а это, возможно, и приводит к путанице, касающейся состава и форм сознания инженерно-технической интеллигенции. Вероятно, произошло функциональное разделение ролей – творческая интеллигенция занималась производством дискурса для инженерно-технической интеллигенции и, несмотря на противоречия и споры «физиков и лириков», обе группы были неразрывно связаны друг с другом. Дальнейшие события периода перестройки показали, что инженерно-техническая интеллигенция, активно участвовавшая в похоронах социализма, и сама оказалась на обочине истории.

То, что М. Липовецкий называет ИТР-дискурсом, и то, что можно назвать ИТР-сознанием, наилучшим образом локализовано в нарративах самих представителей позднесоветской инженерно-технической интеллигенции, а именно: в их мемуарах и воспоминаниях коллег и учеников о них, – то, что концентрируется в жанре отраслевого краеведения. Аналитическое чтение позволяет понять устройство мышления и особенности профессиональной культуры изучаемой группы. При этом следует принимать во внимание контекст, в котором были написаны данные тексты – это взгляд из постсоветского настоящего в советское прошлое, а поэтому оценки многих событий, людей, отношений складываются из опыта жизни в период после конца советской власти. Таким примером являются мемуары ленинградского инженера и технического переводчика Я. К. Терентьева «Кадровый пустырь Страны Советов», в которых недовольство своим профессиональным статусом и бесконечные сетования на глупость непосредственного начальства сочетаются с радикальным прогрессорским, но антисоветским пафосом: *«Осколков большевистского режима XXI века досталось предостаточно, и сейчас среди нас, тех кто «сажал», может быть даже больше, чем тех, кто «сидел». Проводимая нашими властями слишком бархатная дебольшевизация не может не вызвать осуждения демократами у нас и в других странах»* [Терентьев 2009: 222].

М. Липовецкий полагает, что ИТР-идеология в упрощенном и сниженном варианте продолжает существовать и сейчас, прорастая в субкультуре нынешних сисадминов, технических менеджеров, инженеров, программистов [Липовецкий 2010]. Концепция ИТР-дискурса М. Липовецкого представляется важной для понимания преемственности субкультуры советской инженерно-технической интеллигенции и субкультуры современного «офисного планктона», который, впрочем, стал активно вымирать и мутировать, вместе с концом тучных нефтяных лет и кризисами 2008-го и 2014–16 гг. М. Липовецкий задаёт столь широкие рамки ИТР-дискурса и субкультуры, что относит к ней не только писателей-фантастов, но и почти всю позднесоветскую массовую и элитарную культуру, которая, конечно, ориентировалась на вкусы

инженерно-технической интеллигенции, но не ограничивалась ими: например, Тарковский, Данелия и другие писатели и режиссёры говорили также на языке позднего европейского модернизма или двигались в сторону почвенничества как «деревенщики» с их антимодернистской и антитехнистской ориентациями [Разувалова 2015]. Инженерно-техническая интеллигенция готова была к восприятию и «деревенской прозы», и модернистского кино, хотя в своей массе и отдавала предпочтение комедиям Гайдая и Рязанова, а её более образованная часть читала Хемингуэя: *«На работе горячо обсуждались события на острове Даманском, чешские хрустальные люстры, немецкие сервизы и, конечно, фильм «Бриллиантовая рука». Все ещё больше влюбились в А. Миронова, в А. Папанова и в клоуна почти в любой роли, Ю. Никулина. Главным потрясением была, конечно, высадка на Луне американских космонавтов. Может быть, поэтому мы так жадно читали нового для нас Хемингуэя. С огромным трудом я достал двухтомник с его романами и читал взахлёб и «Прощай, оружие», и «Фиесту», и «Снега Килиманджаро». Он поражал своей мужественностью и сжатостью. Примерно в то же время мне довелось прочесть обоих Маннов, Томаса и Генриха. Эпопею Генриха Манна о Генрихе IV»* [Рыжиков 2010].

Впрочем, вкусы научно-технической интеллигенции в своей массе всё же определялись школьным образованием и советской массовой культурой того времени, где могло уживаться чтение поэтов Серебряного века и интерес к сериалу о Штирлице, путешествия по Золотому Кольцу, поиск буколического рая на дачном приусадебном участке с восторженными отзывами о командировках в республики советской Прибалтики (Латвию, Литву, Эстонию) и города Западной Украины, воспринимающиеся как «доступный Запад» с романтикой средневековых улочек, уютных кафе и вежливого населения, чем охотно делятся многие авторы мемуаров из числа инженерно-технической интеллигенции: *«Весь оставшийся день посвятил знакомству с исторической центральной частью эстонской столицы, застроенной старинными домами явно средневековой архитектуры. Для человека, прожившего всю жизнь на Дальнем Востоке, было очень интересно прикоснуться к частице незнакомой западно-европейской культуры, бродить по улицам и площадям этого старинного красивого города. Совсем другой мир: другая архитектура зданий, вывески с надписями готическим шрифтом, другие магазины, кафе, где можно после прогулки по морозным улицам заказать настоящий, ароматный кофе, который подают в маленькой чашечке, а сливки к нему — в другой маленькой чашечке. А если промёрз, то можно заказать чашечку горячего кофе с ромом, согревающего не только тело, но и душу»* [Пивоваров 2010].

Элементы ИТР-сознания и профессиональная культура

Анализ воспоминаний советских технических специалистов во многом подтверждает тезис М. Липовецкого о технократизме мышления как системообразующем элементе ИТР-дискурса этой группы. Л. Болтански и Л. Тевено называют эту систему мышления научно-техническим градом, где работает сила научного факта, действие носит инструментальный характер, а порядок основан на «эффективности людей и вещей, их результативности, производительности, их способности обеспечить нормальное функционирование, приносить пользу, отвечать потребностям» [Болтански, Тевено 2013: 319].

При этом технократизм проявляет себя различным образом. Конечно, установка на рациональное мышление, связанное с восприятием многих аспектов и явлений внешнего мира как сложноустроенных машин, поддающихся логическому просчитыванию, является неотъемлемым и универсальным элементом инженерной профессиональной культуры и форм профессионального знания. Корни этого мировосприятия связаны с особенностями профессиональной социализации – инженерное образование во многом следует позитивистским образцам и тем, что можно в узком смысле назвать идеологией профессиональной идентичности технического специалиста, который рассматривает себя как носителя разумных и продуманных действий и решений в нестабильных ситуациях.

Не нужно забывать и о рациональном взгляде инженера на устройство позднесоветского общества, экономики и производства. Не будучи диссидентами, авторы мемуаров неоднократно указывают на абсурдные моменты советской повседневности и организации труда, включающие бытовые трудности и дефицит товаров из-за нерационального распределения товаров и услуг, идиотизм руководства и формальные правила инструкций; паранойя секретности, продуцируемая «первыми отделами» в бесконечном ряду «почтовых ящиков», в которых трудились инженеры; невозможность нормальной творческой реализации, бездумное расточительство материалов и людских ресурсов, и многое другое. *«Мужики мне много порассказали о Тресте и здешних порядках. Оказалось, что балом тут правит директор, которого я ещё не видел. Главный же играет второстепенную роль, ибо кроме него у «Деда» есть несколько прикормленных «серых кардиналов», как я понял, не очень чистых на руку»* [Саврей 2010].

Более широкая трактовка рациональности – это форма практической рациональности, то есть способности гибко адаптироваться к различным условиям окружающей среды, вырабатывая систему оправданий – микроидеологий, что придаёт искренности действиям, которые могут противоречить, например, официальным идеологическим положениям,

Установка на рациональное мышление, связанное с восприятием многих аспектов и явлений внешнего мира как сложноустроенных машин, поддающихся логическому просчитыванию, является неотъемлемым и универсальным элементом инженерной профессиональной культуры и форм профессионального знания.

но отвечать интересам актора. Юрчак хорошо описал этот навык жизни в позднем советском обществе. Речь шла о том, что в 1970-е гг. можно было быть секретарём комсомольской организации институтской группы и даже принимать основные идеалы социализма, но при этом активно пользоваться блатом для «доставания» дефицитных американских джинсов или устройства на лучшую работу [Юрчак 2014].

Представители инженерно-технической интеллигенции готовы принять сложившиеся правила игры, а поэтому действуют исходя из логики практической рациональности, когда принимают какие-то решения, касающиеся выбора места работы или намерения вступить в партию. И всё же интересы частной жизни, семьи в конечном счёте нередко оказываются даже более значимым мотивом поступков и решений, чем интересы профессии или работы для тех, кто не был включён в престижные страты научно-технической интеллигенции. Повышение заработной платы, лучшие карьерные возможности, предоставление квартиры – нередко именно это предопределяло формы профессиональной мобильности, а не энтузиазм освоения нового: *«Из Пензы я уехала в 1961 г. Я на них обиделась, потому что у нас провели реорганизацию, цех сделали отделом, там несколько выше зарплаты. А мне только перед этим на десятку прибавили зарплату. И получилось, что оснований для очередной прибавки нет, я была старшим инженером и получала 120 рублей, а в отделе 120 рублей была зарплата рядового инженера. Они не придумали ничего лучшего, как мне в трудовой книжке записать «Переведена на должность инженера». Ну я возмущалась – за что меня понизили в должности? А они одно мне твердят: «Нет оснований для прибавки зарплаты». А тут из Воронежа были ребята. Я спросила: У вас есть вакансия? – Есть. – Возьмите меня к себе на работу. – Какие разговоры!»* [Власова 2009].

Можно ли это назвать конформизмом левадовского «советского простого человека» [Советский... 1993], готового делать вид, что он играет по правилам системы для семейных и карьерных целей, но держит кукиш в кармане? Отчасти да, отчасти нет. В 1960–70-е гг. на сцену выходит поколение советской молодёжи – «беби-бумеры», которые может быть впервые смогли воспользоваться возможностями социализма советского типа, получив образование и начав жить по упрощённым, но всё же отдалённо напоминающим стандартам европейского городского среднего класса, который тоже получил большие возможности в первые послевоенные десятилетия. Безусловно, советский технический специалист не был «простым советским человеком», который в левадовской концепции рисовался как «массовидный человек («как все»), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, «прозрачный» (то есть доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменяемый, легко

Более широкая трактовка рациональности – это форма практической рациональности, то есть способности гибко адаптироваться к различным условиям окружающей среды, вырабатывая систему оправданий – микроидеологий, что придаёт искренности действиям, которые могут противоречить, например, официальным идеологическим положениям, но отвечать интересам актора.

управляемый. Все эти характеристики относятся к лозунгу, проекту, социальной норме, и в то же время – это реальные характеристики поведенческих структур общества [Гудков 2007]. Как показала дальнейшая история, советский человек 1970-х гг., воплощённый в массовом слое научно-технической интеллигенции, был устроен намного сложнее левадовского идеального типа, поскольку в частной жизни, а зачастую и в работе пестовал собственную отсоединённость, стремление уклониться от нормативных ожиданий, предписываемых идеологией и моралью советского общества.

В этой связи можно вспомнить рост алкоголизма в 1970-е гг., который затронул значительную часть инженерно-технической интеллигенции и нередко определяется как реакция на усугубляющуюся пропасть между коммунистической идеологией и практикой жизни в условиях реального социализма, как форма эскапизма и выражения экзистенциального разочарования. Однако пьянство вампиловского Зилова – это ещё и доступная форма протеста не против советской системы, но против системы как таковой: против упорядоченного общества с его предсказуемыми биографическими траекториями, ограничениями и моральными установками.

Возвращаясь к характеристике ИТР-дискурса и сознания советской инженерно-технической интеллигенции, можно констатировать сложный характер социального состава этой социально-профессиональной группы и не менее сложные пересечения её интересов и хабитуса с группой творческой интеллигенции. Пожалуй, трудно найти одно-два простых объяснения тому, каковы были отношения советских инженеров 1970–80-х гг. с советским режимом, и почему именно в среде «младших научных сотрудников» был накоплен значительный негативный потенциал отношения к той экономической и политической системе, которая, как затем оказалось, и была средой, в которой стало возможно существование столь массовой группы образованных технических специалистов. Воспоминания советских инженеров отчасти могут приоткрыть дверь в жизненный и профессиональный мир этой группы, однако они же свидетельствуют о том, что внутри неё существовали самые разные профессиональные среды и формы коллективного сознания, ещё ждущие своих исследователей.

Библиографический список

Болтански Л., Тевено Л. 2013. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М.: НЛЮ. 576 с.

Васильева З. 2013. 1960-е и развитие массовой культуры: заметки о советском варианте модерности // *Ab Imperio*. № 1. С. 159–174.

Советский человек 1970-х гг., воплощённый в массовом слое научно-технической интеллигенции, был устроен намного сложнее левадовского идеального типа, поскольку в частной жизни, а зачастую и в работе пестовал собственную отсоединённость, стремление уклониться от нормативных ожиданий, предписываемых идеологией и моралью советского общества.

Власова Л. В. 2009. Воспоминания инженера-наладчика советской ЭВМ «Урал-1». М. 15 с.

Гудков Л. Д. 2007. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 16–30.

Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон. 576 с.

Классы, социальные слои и группы в СССР. 1968 / Отв. ред. Ц. А. Степанян и В. С. Семенов. М.: Наука. 279 с.

Крыштановская О. В. 1989. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука. 144 с.

Кугель С. А., Никандров О. М. 1971. Молодые инженеры. М.: Мысль. 208 с.

Ленин В. И. 1920. «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии». Речь 21 ноября. Московская губернская конференция РКП(б) 1920 года / Ленин В. И. Полное Собрание Сочинений. Том 42. М.: Политиздат. 647 с.

Липовецкий М. 2010. Траектории ИТР-дискурса // *Неприкосновенный Запас*. № 6 (74). С. 213–230.

Липовецкий М. 2010. «И бездна ИТР...» // *Openspace* (онлайн-журнал). URL: <http://os.colta.ru/projects/13073/details/17365/?expand=yes#expand> [Дата посещения: 30.11.2016].

О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева / *Материалы Пленума Центрального комитета КПСС*. 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С. 5–29.

Пивоваров Ю. Г. 2014. Приморское ЦКБ. Воспоминания инженера // URL: <http://memoclub.ru/2014/11/primorskoe-tskb-vospominaniya-inzhenera/> [Дата посещения: 30.11.2016].

Разувалова А. 2015. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛЮ. 612 с.

Рыжиков А. Л. 2010. Впереди – прошлое. Рязань. 803 с.

Саврей В. 2010. Инженерные мемуары / Записки мультиматерного студента. Воспоминания выпускников БГТУ им Д. Ф. Устинова («Военмеха») // URL: <http://wiki.voenmeh.com/memo.php?part=0> [Дата посещения: 30.11.2016].

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций. / Под. ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977. 231 с.

Терентьев Я. К. 2009. Кадровый пустырь Страны Советов: Записки инженера. СПб.: Нестор-История. 240 с.

Юрчак А. 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ. 672 с.

Brown K. 2013. *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.

Gerovitch S. 2015. *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 296 p.

Gerovitch S. 2014. *Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space* NY: Palgrave Macmillan. 305 p.

Josephson Paul R. 1997. *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 351 p.

Kubik J. 2013. On Variations of Soviet-Type Modernity: Why Poland Did Not Have Its Own ITR Progressives // *Ab Imperio*. № 1. P. 195–201.

Lipovetsky M. 2013. Clarifying Positions // *Ab Imperio*. № 1. P. 208–219.

Schmid S. D. 2008. Organizational Culture and Professional Identities in the Soviet Nuclear Power Industry // *Osiris*. Vol. 23. № 1. *Intelligentsia Science: The Russian Century, 1860–1960*. P. 82–111.

Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. 2014. Ed by Neringa Klumbyte, Gulnaz Sharafutdinova. Plymouth: Lexington Books. 260 p.

Tamas P. 2013. Was the soviet engineer so unique? // *Ab Imperio*. № 1. P. 189–194.

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.441

Soviet Engineering and Technical Intellectuals from the 1960'S to the 1980'S: Searching for the Boundaries of Collective Consciousness

Abramov Roman Nickolaevich

Candidate of Sociological sciences, Senior researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Associate professor, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: socioport@yandex.ru

Abstract. This article focuses on issues such as the emergence and existence of a collective consciousness among the Soviet engineering/technical intellectuals during the period of real socialism, based on knowledge of the past embodied in the memories of those who represent this group. The analysis utilizes E. Durkheim's ideas about collective consciousness. This man of science developed the concept of collective or common consciousness, tying it to the idea of "organic solidarity", which can be interpreted as the ethos of a certain social group, as well as knowledge about social reality and about the place which a certain group occupies within it, with said knowledge producing collective identity. This article attempts to reconstruct certain elements of the consciousness of the Soviet engineering/technical intellectuals group based on analyzing the remaining memories of its representatives, as well as the ETW (engineering technical workers) discourse concept proposed by

M. Lipovitsky, which characterizes forms of group consciousness among the said group. The whole point of the ETW discourse, according to M. Lipovitsky, is spontaneous positivism and progressivism, confidence in the power of facts, as well as denying complicated polyphonic prisms when it comes to cultivating a mock form of irony given a lack of critical self-reflection. This work examines the issues of the social and professional status of the group of Soviet engineering/technical intellectuals, as well as its position in the social structure of Soviet society. In order to accomplish this, studies by Soviet sociologists, dedicated to engineering personnel, are utilized. It is stated that the professionalism of engineering/technical intellectuals was based on the level of education that they received, as well as the state's need for a technocratic class, which would make the USSR competitive in defense and civil spheres. The professional independence of various sub-groups of the engineering/technical intellectuals was not equal, and it depended on the industrial affiliation of the organization where certain specialists were at work. Also discussed are certain professional culture characteristics of this group, including technocratic thinking, rationalism, and a critical outlook on the late Soviet period. It is shown that the memories of Soviet engineers can somewhat reveal the life and professional world of this group, they do not, however, indicate the existence of several different professional environments and forms of collective consciousness within it, which are still waiting for their researchers. Search and discussion is the purpose of this text.

Keywords: engineering and technical intelligentsia, professions, scientific and technical progress, ITR-discourse, collective conscious.

References

Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Ocherki sotziologii gradov* [Criticism and Substantiation of Justice. Essays in Sociology of Cities]. Moscow, NLO publ., 2013. 576 p.

Brown K. *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 416 p.

Durkheim E. *O razdelenii obschestvennogo truda* [On social division of labor]. Moscow, Kanon, 1996. 576 p.

Gerovitch S. *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2015. 305 p.

Gerovitch S. *Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space*. NY, Palgrave Macmillan, 2014. 296 p.

Gorbachiov M. S. *O sozyive ocherednogo XXVII s'ezda KPSS i zadachah, svyazannykh s ego podgotovkoy i provedeniem* [On the Convening of the Next XXVII Congress of the CPSU and the Tasks Related to its Preparation and Conduct]. *Materialy Plenuma Tzentralnogo komiteta KPSS*. 23.04.1985. Moscow, Politizdat, 1985. Pp. 5–29.

Gudkov L. D. «Sovetskiy chelovek» v sotziologii Yuriya Levady [‘Soviet man’ in the sociology by Yuri Levada]. *Obschestvennye nauki i sovremennost*, 2007, no 6, pp. 16–30.

Josephson P. R. *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton (NJ), Princeton University Press, 1997. 351 p.

Klassy, sotzialnyie sloi i gruppyi v SSSR [Social classes, social layers and groups in USSR]. Ed. by C. A. Stepanian, V. S. Semionov. Moscow, Nauka, 1968. 279 p.

Kryshchanovskaya O. V. *Inzhenery. Stanovlenie i razvitie professionalnoy gruppy*. [Engineers. The genesis and the development of professional group] Moscow, Nauka, 1989. 144 p.

Kubik J. *On Variations of Soviet-Type Modernity: Why Poland Did Not Have Its Own ITR Progressives*. *Ab Imperio*, 2013, no 1, pp. 195–201.

Kugel S. A., Nikandrov O. M. *Molodye inzheneryi*. Moscow, Mysl, 1971. 216 p.

Lenin V. I. *Doklad «Nashe vneshnee i vnutrennee polozhenie i zadachi partii» na Moskovskoy gubernskoy konferentsii RKP(b) 1920 goda* [‘Our external and internal situation and the tasks of the Party’ report at the Moscow Gubernia Conference of the RCP (b) 1920]. Lenin V. I. *Polnoe Sobranie Sochineniy*. Vol. 42. Moscow, Politizdat, 1920. 647 p.

Lipovetsky M. «I bezdna ITR...» [And abyss of Engineers and Technical Workers]. Openspace (the Web journal), 2010. URL: <http://os.colta.ru/projects/13073/details/17365/?expand=yes#expand> [date of visit: 15.06.2016].

Lipovetsky M. Clarifying Positions. Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 208–219.

Lipovetzky M. Traektorii ITR-diskursa [Trajectories of Engineers and Technical Workers Discourse]. Neprikosnovennyiy zapas, 2010, no 6 (74), p. 213.

Pivovarov Y. G. Primorskoe CKB. Vospominaniya inzhenera [Engineering Bureau Primorskoe. Engineer`s memories]. 2014. URL: <http://memoclub.ru/2014/11/primorskoe-tskb-vospominaniya-inzhenera> [date of visit: 15.06.2016].

Razuvalova A. Pisateli – «derevenschiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh gg. [“Countryside’s” Writers: the Literature and Conservative Ideology of 1970th). Moscow, NLO, 2015. 616 p.

Ryzhikov A. L. Vperedi – proshloe [Ahead is the Past]. Ryazan, 2010. 803 с.р.

Savrey V. Inzhenernyie memo [Engineers Memo]. Zapiski multimaternogo studenta. Vospominaniya vyipusnikov BGTU im D. F. Ustinova («Voenmekha»). Voenmekh university unofficial website. 2010. URL: <http://wiki.voenmeh.com/memo.php?part=0> [date of visit: 15.06.2016].

Schmid S. D. Organizational Culture and Professional Identities in the Soviet Nuclear Power Industry. Osiris, 2008, vol. 23, no 1: *Intelligentsia Science: The Russian Century, 1860–1960*, pp. 82–111.

Sotzialno-psihologicheskyy portret inzhenera. Po materialam obsledovaniya inzhenerov leningradskikh proektno-konstruktorskih organizatsiy [Social-psychological Portrait of Engineers. On Materials of the Observation of Applied Construction Organizations of Leningrad]. Ed. by V. A. Yadov. Moscow, Mysl, 1977. 131 p.

Sovetsky prostoy chelovek: opyt sotzialnogo portreta na rubezhe 1990-x [Soviet Ordinary Man: the Experience of Social Portrait on the Eve of 90th]. Ed. by Y. A. Levada. Moscow, Mirovoy okean publ., 1993. 300 p.

Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. Ed. by N. Klumbyte, G. Sharafutdinova. Plymouth, Lexington Books, 2014. 260 p.

Tamas P. Was the soviet engineer so unique? Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 189–194.

Terentiev Y. K. Kadrovyy pustyr Strany Sovetov: Zapiski inzhenera [The Cadres’ Desert of the Soviet Country: Engineers Notes]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2009. 234 p.

Vasilieva Z. 1960-e i razvitie massovoy kultury: zametki o sovetskom variante modernosti [1960th and the Development of the Mass Culture: Essays about Soviet Version of the Modernity]. Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 159–174.

Vlasova L. V. Vospominaniya inzhenera-naladchika sovetskoy EVM “Ural-1” [Memories of the Soviet Engineer of Computer Mainframe “URAL – 1”]. Moscow, 2009. 150 p.

Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie. [Everything Was Forever Until It Finished. Last Soviet Generation]. Moscow, NLO publ., 2014. 664 p.

К м е т о д о л о г и и научных исследований

Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии

Руткевич Елена Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва

E-mail: erutkevich@yandex.ru

Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.447

Аннотация. В последнее время в западной социологии религии наблюдается несколько глобальных тенденций. Происходит критическое переосмысление взаимосвязи модернизации и секуляризации, необратимости и универсальности процессов секуляризации, приводящее к пересмотру теорий секуляризации и сдвигу от бесконечных споров о секуляризации к более плодотворному культурно-историческому, эмпирическому изучению «публичных религий», «множественных глобализаций» и «множественных секуляризаций», «деприватизации религии». Большой отклик и распространение получает новый подход к изучению религии «идеологическая критика», подвергающий сомнению привычные (евро-центристские) описания и определения религии, проблематизирующий понятия «религия» и «секулярное», не существующие друг без друга. Устанавливается новый взгляд на «религию» и «духовность», приводящий к постепенному формированию новой дисциплины «социология духовности». По всему миру широко распространяется и приобретает особое влияние евангелическое христианство, которое в сочетании с местными религиями приводит к гибридизации и синкретизму религиозных традиций. Все эти изменения говорят не об упадке, а о «возвращении» и росте религии, хотя зачастую в иной форме и качестве, что способствует формированию нового видения религиозных феноменов, новых подходов к их изучению и появлению нового дискурса о европейских постсекулярных обществах. В центре внимания данной статьи – некоторые подходы и проблемы, возникающие при изучении этих тенденций.

Ключевые слова: религия, секулярное, современность, секуляризация, духовность, деприватизация религии, религиозные изменения, постсекулярная перспектива

Введение: подходы и парадигмы

Сегодня мы становимся свидетелями глубинных социальных, политических, религиозных изменений в глобальном пространстве, что находит выражение в социальной теории, в том числе социологии, в рамках которой за последние полвека возникло немало теоретических подходов и направлений, рассматривающих религию с различных позиций, ракурсов, точек зрения, в результате чего складывается весьма мозаичная картина.

Отвечая на вопрос, что происходит сегодня с религией, все эти концепции в той или иной степени обращаются к исследованию основных тенденций – упадка, роста или изменения религий. Однако их композиция и оценка весьма различны и связаны с целым рядом проблем терминологического, идеологического, методологического характера. На мой взгляд, эти концепции можно рассматривать в трёх парадигмах («старой парадигме секуляризации», «новой парадигме», «третьей парадигме трансформации»), которые появляются по мере необходимости, когда старые теории больше не соответствуют реальности и им приходится либо обновляться, либо уступать место другим теориям. Как и любая типология, она условна, поскольку между этими парадигмами нет жёстких границ, они видоизменяются вместе с феноменами и реальностями, которые изучают.

До недавнего времени (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.) преобладающей была парадигма секуляризации – «традиционная западная перспектива». Согласно этой перспективе, религия в современном мире переживает упадок, падают её авторитет и значение в обществе, что во многом определяется процессами модернизации, урбанизации, дифференциации как внутри общества, так и в рамках религиозной сферы, роста образовательного индекса, плюрализации и других факторов. В контексте этой перспективы США с её необычной для всего мира религиозностью относилась многими социологами к исключительному случаю до тех пор, пока не изменились и религиозная ситуация в мире, и место религии в публичной сфере. Сегодня пересматриваются старые, возникают новые, более «мягкие», приближенные к реальности, теории нео- и контрсекуляризации, склонные к конвергенции с новой парадигмой, с теорией рационального выбора религии (ТРВР), и другими теориями.

Некоторые авторы, например, П. Бергер, приходят к пересмотру своих концепций. Так, по его мнению, хотя и существует феномен «евросекулярности» [Berger 1999; Berger, Davie, Focas 2008], в целом сегодня трудно говорить о том, что религия уходит из нашей жизни. Напротив, за неко-

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. преобладающей была парадигма секуляризации – «традиционная западная перспектива», согласно которой религия в современном мире переживает упадок, падают её авторитет и значение в обществе, что определяется процессами модернизации, урбанизации, дифференциации, роста образовательного индекса, плюрализации и других факторов.

Развитие многих восточноазиатских стран подтверждает тот факт, что общество может быть экономически развитым и в то же время незатронутым влиянием секуляризации.

торыми исключениями мир сегодня является столь же религиозным, как и раньше, а в некоторых странах – даже более религиозным. Это не значит, что нет такого феномена, как секуляризация, просто он является следствием не модернизации и *modernity* (современности), а плюрализации и некоторых других специфических для каждой страны социально-политических и культурных факторов. Развитие многих восточноазиатских стран подтверждает тот факт, что общество может быть экономически развитым и в то же время незатронутым влиянием секуляризации.

Во-вторых, это «новая парадигма» в социологии религии, возникшая в своё время в качестве противовеса теориям секуляризации «старой парадигмы», до сих пор находится с ней в процессе дискуссии. В основе этого противостояния – разный подход к решению вопроса о том, как следует изучать религию, как к ней относиться, какие тенденции являются доминирующими (секуляризация или сакрализация, падение или рост религиозности) и каковы перспективы религии в мире. Прежде всего, «новая парадигма» ассоциируется с такими именами, как С. Уорнер, Р. Старк, С. Бэйнбридж, Р. Финке, Л. Яннаконе.

Уорнер был первым, кто заговорил о «сдвиге парадигм» в социологии религии и сформулировал происходящие в этой области изменения в терминах сдвига от «старой», берущей начало в европейском контексте теоретической «парадигмы» к «новой парадигме», возникающей в США, поскольку религиозная история этой страны с её огромным многообразием не вписывалась в теорию секуляризации. Сторонников «новой парадигмы» объединяет представление о том, что религия, возникающая из потребности в компенсации существующих в мире страданий, зла, неизбежности смерти и т. д., всегда присутствующих в человеческой жизни, является относительно неизменной константой человеческого существования. А религиозность – неизменное свойство человеческой природы, и люди стремятся максимизировать приобретения и минимизировать потери, чтобы понять, как действуют те или иные религиозные организации, движения, как совершается религиозный выбор, строятся модели «религиозной экономики» [Stark 1985; Stark, Bainbridge 1985; Stark, Bainbridge 2000; Stark, Finke 2000; Warner 1993], «религиозных рынков», «религиозных фирм».

Рассматривая церкви как «фирмы», конкурирующие за приверженцев в условиях структурированного рынка, сторонники новой парадигмы утверждают, что регулирование религиозной экономики ограничивает конкуренцию, возможности религиозных производителей и выбор религиозных потребителей. Религиозная конкуренция оказывает большое влияние и на формы религиозной активности, и на жизнеспособность

Религиозная конкуренция оказывает большое влияние и на формы религиозной активности, и на жизнеспособность религиозного рынка. Плюрализм и конкуренция способствуют не уменьшению влияния религии в обществе, а напротив, оживлению религиозной сферы.

религиозного рынка. Плюрализм и конкуренция, по их мнению, способствуют не уменьшению религиозного авторитета и влияния религии в обществе (как считали представители теории секуляризации), а напротив, оживлению религиозной сферы.

На организационном уровне, согласно Старку, когда слабые религиозные организации сталкиваются с конкурентными силами, они либо погибают, либо трансформируются. Однако на макроуровне религиозная конкуренция приводит к высокому уровню религиозности [Stark, Finke 2000]. Так что секуляризация, по их мнению, – естественное следствие религиозной монополии, уделяющей недостаточное внимание нуждам потребителей. Их выводы говорят о жизнеспособности религии, а не о её исчезновении, представляя тем самым вызов предсказаниям теоретиков секуляризации. А религиозная исключительность имеет отношение не к США, которые как были религиозной страной, так ею и остались, а к Европе, которая, в отличие от всего остального мира, представляет собой пример исключительной нерелигиозности и секулярности. Новизна этой парадигмы состоит в отходе от евроцентристского понимания религии и её роли в современном мире. Религия – не предрассудок и пережиток, не нечто иррациональное, противоречащее идеалам прогресса и науки, а напротив, система идей и действий, основанных на рациональном расчёте, функционирующих по законам рынка. И в этом смысле «новая парадигма» – типично американский продукт, вызывающий неприятие у многих европейцев.

И, наконец, в процессе становления находится «третья парадигма», акцентирующая внимание на изменениях формы религии в контексте более общих процессов «индивидуализации» и «субъективизации». К ней можно отнести как старые, так и новые теории трансформации религии: «невидимой религии» (Luckmann), «имплицитной религии» (Bailey), «веры без церковной принадлежности» и «заместительной религии» (Davie), «культурной религии», «религии как цепи коллективной памяти» и «церковной принадлежности без веры» (Hervieu-Leger), «ни веры, ни церковной принадлежности» (Voas, Crocett), «неопределённой религиозности» (Voas), «диффузной религии» (Cipriani), «сценарной религии» (Garelli), «духовной революции» (Woodhead, Heelas), «духовного поворота» (Houtman, Aupers).

Третья парадигма возникает по мере всё большего разделения между «религией» и «духовностью» и отождествления «религии» с жёсткой формальной структурой, религиозными институтами, которые часто воспринимаются как препятствие на пути к реализации человеческого потенциала. Тогда как «духовность» оказывается термином более удобным для описания личного опыта с трансцендентным, мистическим

опытом раскрытия человеческих возможностей и реализации собственного «Я». Важным аспектом разделения «духовности» и «религии» становится настоятельность определения поля социально-научного исследования религии. Если раньше в контексте широкого понимания термина «религия», включавшего духовность, этим полем была социология религии, то сегодня в связи со всё большим расхождением их проявлений возникает вопрос: отражаются ли эти изменения культуры в социологии религии, и нет ли необходимости в появлении новой дисциплины – «социологии духовности»?

Этот сдвиг от религиозных институтов и их авторитета к свободе индивида и индивидуализации веры, её изменению и спиритуализации в процессе деинституционализации религии на Западе констатировали многие европейские социологи. Они предпочитают говорить не об упадке религии, а о появлении новых её форм, стремясь анализировать те аспекты религиозной жизни индивида, которые потерялись за спорами о секуляризации: неформальные и неортодоксальные практики и организации, личный опыт, индивидуальное творчество, «рынок религиозных/духовных товаров», религиозные дискурсы. Для описания этих аспектов человеческой жизни, согласно британскому социологу Л. Вудхед, необходима «третья парадигма», чтобы иначе определять религию – не как «вещь» или «персональную религию», но как совокупность социальных отношений, с присущей ей ценностно-символической структурой. Кроме того, важно преодолеть антагонизм между зеркально противоположными «старой» и «новой» парадигмами, тесно связанными с демократической и неолиберальной идеологиями и их принадлежностью к американской или европейской социологии. «Третья парадигма» – глобальный проект, чутко реагирующий на изменения по обе стороны Атлантики и всего остального мира, не отвергающий созданное предшественниками, но открытый для творческого переосмысления всего многообразия методологических и технических средств для лучшего понимания как религии, так и духовности [Woodhead 2009].

На мой взгляд, по своей форме, содержанию, установкам, эта перспектива близка к так называемой постсекулярной парадигме, где есть место и новой духовности, и новому атеизму и *нерелигии*, которые, проходя виток в своем развитии, выходят на новый (постсекулярный) уровень взаимосвязи религиозного – секулярного. Так, в религиозных исследованиях и социальных науках растёт интерес к изучению атеизма и светского (секулярного) гуманизма, который иногда называют «новым атеизмом»¹, в связи с коллективным

¹ Термин, впервые появившийся в 2006 г. в журнале «Weird» в статье «The Church of the Non – Believers»: <http://www.wired.com/wired/archive/14.11/atheism.html>

конструированием идентичности атеистов и «неверующих». Идентичность и самоидентификация этих групп зависят от дискурсов о религии, поскольку они формируются по отношению к религии (негативному или позитивному). При этом используется термин «нерелигия», который, согласно Л. Ли (социолога Кембриджского университета и основателя исследовательской сети *нерелигии* и секуляризма), включает такие феномены, как секулярность, секуляризм, атеизм, антирелигию, которые определяются по отношению к религии, не будучи религиозными. То есть, *нерелигия* – это не всё то, что не включает понятие «религия», а лишь то, что является формой реакции на религию и не может быть определено безотносительно религии.

Современная религиозная ситуация и пересмотр теорий секуляризации

Если посмотреть на мир глобально, во всей его полноте, можно увидеть следующие одновременные процессы: 1) глобальную конкуренцию монотеистических религий друг с другом и с политеистическими и нетеистическими религиями; 2) их довольно агрессивную миссионерскую деятельность; 3) импорт на Запад различных восточных религий; 4) рост движений Нью Эйдж, духовности; 5) быстрое распространение «фундаментализмов» и разнообразных форм религиозного синкретизма, особенно в Африке и Латинской Америке.

Процесс религиозной экспансии получил название движения «от гегемонии к плюрализму», «глобальных и локальных изменений религиозного ландшафта» [World Christian Encyclopedia...]. Он проявляется как в уменьшении доли христианства в конце XX в. (за счёт роста ислама и индуизма в общемировом масштабе), так и в подъёме «нового», «южного» христианства, сформировавшегося на основе «независимых христианских церквей» в развивающихся странах третьего мира (Африка, Латинская Америка) – консервативного, весьма далёкого от традиционного христианства.

Становится всё более очевидным, что глобальный рост христианства будет определяться странами отнюдь не западными, а развивающимися, из «третьего мира» при значительном изменении формы и содержания самого христианства, тогда как в европейских странах оно оказывается всё более фрагментарным и угасающим. Всё большее влияние и распространение получают ультра-ортодоксальные, фундаменталистские, национально-освободительные религиозные движения, воинствующий ислам, евангелическое христианство не только в Южной Африке, но и в Америке в виде мега-церквей.

Процесс религиозной экспансии получил название движения «от гегемонии к плюрализму», «глобальных и локальных изменений религиозного ландшафта».

Глобальный рост христианства будет определяться странами отнюдь не западными, а развивающимися, из «третьего мира» при значительном изменении формы и содержания самого христианства, тогда как в европейских странах оно оказывается всё более фрагментарным и угасающим.

Благодаря этим глобальным проявлениям религия оказывается в центре внимания и зачастую воспринимается в качестве опасности и угрозы (террористические атаки 11.09.2001 и т. п.). При этом несколько в стороне остаются такие явления, как «глобализация религиозного благочестия, превращение религии в товар и возникновение (в основном на Западе) того, что социологи называют «духовностью»» [Turner 2012: 41].

Происходящие в мире изменения – это вызов главному положению классической парадигмы секуляризации о неизбежном и необратимом исчезновении религии в современном мире, несовместимости религии и современности, об упадке религии, падении её авторитета и значения в обществе, что во многом объяснялось процессами модернизации, урбанизации, плюрализации, социальной дифференциации и т. д.

Тезис секуляризации подвергается сомнению и встречает сопротивление не только со стороны его главных оппонентов в лице представителей «новой парадигмы» (С. Уорнер, Р. Старк, С. Бэйнбридж, Л. Яннаконе, Р. Финке), но и философов (Ч. Тейлор, Ю. Хабермас), антропологов (Т. Асад, Т. Фитцджеральд), социологов (П. Бергер, Г. Дэйви, Х. Казанова) и многих других исследователей. При всём их различии, эти авторы оспаривают неизбежность классического тезиса, приходят к критическому переосмыслению теорий секуляризации, категорий «религия» и «секулярное», способствуя формированию нового дискурса о европейских постсекулярных обществах, обращая внимание на появление новых тенденций, нового духа времени, даже в высоко секуляризованной Западной Европе.

Некоторые из них говорят об активной «публичной» форме религии, «деприватизации религии» (Х. Казанова), другие акцентируют внимание на сдвиге от религии к духовности (Л. Вудхед, П. Хилас и др.), предлагая в качестве альтернативы дискурсу о секулярной современности постсекулярное видение современности, когда секулярное начинает рассматриваться как квазирелигиозное, а религия (духовность) сочетает в себе религиозное (духовное) и секулярное. И хотя религию долго изгоняли из публичного пространства, она с триумфом «вернулась», но в новом качестве, о чем говорят как реалии религиозного мира, так и концепции, их описывающие.

Тезис «деприватизация религии» Х. Казановы

Консенсус относительно тезиса секуляризации, глубоко укоренённого в западной социологии и приобретшего статус парадигмы, был настолько велик, что не возникало

необходимости этот тезис оспаривать, так как он считался бесспорным и само собой разумеющимся. Пересмотр теорий секуляризации начинается в 1980–90-е гг. в связи с рядом знаковых событий того времени¹, указывавших, что религия, по выражению Х. Казановы, становится «публичной» в двойном смысле: она появляется в «публичной сфере», добившись тем самым «публичности», да и различная «публика» (массмедиа, социальные учёные, профессиональные политики и «публика вообще») вдруг обратила внимание на религию [Casanova 1994: 3].

На протяжении всех 1980-х гг. трудно было найти какой-либо серьёзный политический конфликт в мире, в котором бы не было присутствия религии. На Среднем Востоке иудеи, христиане и мусульмане столкнулись друг с другом в гражданской и негражданской войнах. Наряду с этим во всём мире религиозные активисты и церкви оказались вовлечёнными в борьбу за свободу, справедливость и демократию. Теология освобождения распространилась далеко за пределами Латинской Америки, принимая новые формы и названия (африканская, азиатская, протестантская, иудейская, феминистская). С крушением социализма теология освобождения оказалась единственным «интернационалом».

Х. Казанова был одним из первых, кто попытался систематизировать обилие данных теорий секуляризации в контексте новых социально-политических реалий, заняв позицию между теми, кто полностью её отвергал (Р. Старк, Р. Финке), и теми, кто защищал её статус в качестве универсальной теории (К. Доббелер, Б. Уилсон). Он пытался так переформулировать теорию секуляризации, чтобы она имела смысл и для европейских, и для американских социологов религии. «Публичные религии в современном мире» [Casanova 1994] – работа, которая стала поворотным пунктом, толчком для многих социальных учёных к пересмотру своих теорий.

Согласно концепции Казановы, сегодня мы становимся свидетелями глобального процесса «деприватизации религии», когда мировые религиозные традиции отказываются принять роль маргинальной приватизированной религии, предписанной им теориями секуляризации. Её значение состоит прежде всего в том, что, с одной стороны, она способствует анализу публично-приватной религиозной сферы, новому видению и самой религии, и её места в современном мире, особой роли «публичных религий»; а с другой стороны, – критическому переосмыслению теорий секуляризации, пониманию того, в какой степени теории секуляризации представляют

¹ Исламская революция в Иране, движение «Солидарность» в Польше и участие католической церкви в нём, Сандинистская революция в Латинской Америке и теология освобождения, возрождение и распространение протестантского фундаментализма по всему миру.

собой описательные теории современных социальных процессов, а в какой выступают в роли нормативных теорий для идеологической легитимации определённой исторической формы институционализации современности.

Термин «деприватизация религии» имеет двойное значение. Во-первых, Казанова тем самым отвергает те теории секуляризации, которые считают приватизацию религии само собой разумеющимся фактом в современном мире. Парадигма секуляризации была главной теоретико-аналитической основой, с помощью которой социальные науки рассматривали взаимосвязь религии и модернити. Он полагает, что секуляризацию следует рассматривать в трёх разных отношениях: 1) как дифференциацию различных сфер от религиозных институтов и норм; 2) как упадок религиозных верований и практик; 3) как приватизацию религии. И до тех пор, пока социологи не будут рассматривать действительность в контексте каждого из этих утверждений, бесполезные дебаты о секуляризации будут продолжаться. Было бы ошибочным утверждать, что рост религиозных верований и практик, постоянное появление новых религий и возрождение старых как в США, так и в других странах служат эмпирическим подтверждением того, что секуляризация – миф.

Это лишний раз свидетельствует о необходимости пересмотра этих теорий и различения между общей структурной тенденцией секулярной дифференциации и тем, как на неё реагируют разные религии в разных странах, и каково её влияние на них. Точно так же нельзя утверждать, что роль, которую религия недавно играла в политических конфликтах во всём мире, опровергает теории секуляризации. Как нельзя согласиться с тем, что обязательным следствием дифференциации и потери религией её социальных функций является приватизация религии, так и с тем, что, согласно этому тезису, религия не должна появляться в публичной сфере, пересекая границы отведённой ей приватной сферы.

Во-вторых, термин «деприватизация религии» означает, что наступает новый этап исторического развития, представляющий собой отход от светских тенденций. Религии всего мира вновь появились на общественно-политической арене не только для того, чтобы «защитить сущность своей традиции, что они делали и в прошлом, но и чтобы участвовать в самой борьбе за определение и установление границ между частной и публичной сферами, между социальной системой и жизненным миром, между правом и моралью, между индивидом и обществом, между семьёй, гражданским обществом и государством, между нациями, государствами, цивилизациями и мировой системой» [Casanova 1994: 6]. Следовательно, религии остаются, не подтверждая главную идею Просвещения, и нужно по-новому взглянуть на взаимосвязь религии и современности и те роли, которые она может играть в современном

мире. Те же социальные теории, которые игнорируют публичное измерение современной религии, являются неполными, не отражающими реальности, полагает автор концепции деприватизации религии.

Утверждение «религия – частное дело» является характеристикой западной модернити прежде всего потому, что религиозная свобода (т. е. свобода совести) – исторически первая свобода и предпосылка всех современных свобод. Она тесно связана с правом на частную жизнь (*privacy*) и свободна от вмешательства со стороны правительства и церкви; и подобно тому, как право на частную жизнь – основа современного либерализма и индивидуализма, приватизация религии – существенная черта модернити. Кроме того, утверждение «религия становится приватной» связано с процессом институциональной дифференциации, присущим современности, посредством которого светские сферы освобождаются от церковного контроля и влияния религиозных норм. И хотя религия в ходе этого процесса удалялась в «частную сферу», а капиталистические рынки и государство функционировали, как если бы Бога не было, сегодня разделительные стены между церковью и государством дают всё большие трещины и проникают на территории друг друга.

Итак, хотя религия в современном мире остаётся «приватизированной», в то же время происходит процесс «деприватизации религии». Чтобы разрешить это противоречие, Казанова обращается к различению приватного (частного) и публичного, приватных и публичных религий из перспективы религиозной дифференциации. Сразу же возникают терминологические трудности, так как три части реальности модернити – семью, гражданское общество и государство – нужно поместить в двойственную классификацию «публичного» и «частного». Границы между этими тремя сферами постоянно нарушаются, и каждая из них, по мнению Казановой, имеет и публичное, и приватное измерение.

Некоторые аспекты дифференциации публичных и приватных религий можно проследить в связи с различением «индивидуальной» и «групповой» религиозностей на интерактивном уровне анализа; «религиозной общины» и «общинного культа» на организационном уровне анализа; «религии» и «мира» на социетальном уровне анализа [Casanova 1994: 44].

В концепции деприватизации религии Казанова исходит из того, что публичные религии занимают своё место во всех сферах политического пространства: 1) *государства*, (как, например, государственная испанская католическая церковь, или национальная церковь Польши); 2) *политического общества*, когда религии, мобилирующие свои ресурсы в целях политической конкуренции, участвуют в политических партиях, общественных движениях, сопротивляются разде-

Утверждение «религия – частное дело» является характеристикой западной модернити прежде всего потому, что религиозная свобода – исторически предпосылка всех современных свобод. Она тесно связана с правом на частную жизнь и свободна от вмешательства со стороны правительства и церкви; и подобно тому, как право на частную жизнь – основа современного либерализма, приватизация религии – существенная черта модернити.

лению церкви и государства и дифференциации светских сфер, выступают в защиту религиозной свободы (католическая церковь в коммунистической Польше) или в поддержку демократических режимов (католические церкви в Испании, Польше, Бразилии); 3) *гражданского общества* (когда религиозные группы участвуют в публичных движениях и дебатах различного свойства – против аборт, за мораль и т. д.).

При этом сам социолог является сторонником преобладания религий в публичной сфере гражданского общества, не вступающих на территорию политического общества и демократического государства. Понимая, что отделение церкви от государства и политического общества не является универсальным принципом, пригодным для всех, сам он в духе американской либеральной традиции считает, что деприватизация религии и вхождение религии в публичную сферу оправданы в том случае, если право на частную жизнь и свободу совести не подвергается сомнению, без чего нет ни демократического государства, ни гражданского общества.

Согласно тезису деприватизации религии, существуют три типа вхождения религии в публичную сферу: во-первых, для религиозной мобилизации в защиту традиционного жизненного мира от административно-правового государственного и рыночного проникновения, когда морально-этические проблемы выносятся на публику для обсуждения. Мобилизация протестантского фундаментализма и позиция католической церкви по вопросам аборт, права на жизнь и т. п. – примеры этой формы деприватизации. Во-вторых, для выступления против правового деспотизма государственной и экономической сфер, функционирующих по своим собственным нормам, не принимающих в расчёт морально-этическую сторону вопросов ядерной государственной политики, бесчеловечных последствий капиталистической экономики с её абсолютизацией права частной собственности и невниманием к человеку и окружающей среде. При этом приоритет получает логика «всеобщего блага» в масштабе всего мира, а не отдельного государства. В-третьих, для защиты не только свободы религии, но всех современных прав и свобод, в том числе и права на существование гражданского общества и принципа «общего блага» от современных индивидуалистических либеральных теорий.

В той степени, в какой религии уважают высшее право и долг индивидуальной совести принимать моральные решения, привнося в публичную сферу вопросы, которые либеральные теории объявили частным делом, они (религии) напоминают людям и современным обществам, что мораль может существовать лишь в качестве интересубъективной нормативной структуры и что индивидуальный выбор становится подлинно моральным, когда руководствуется интересубъективными меж-

личностными нормами. «Привнося в приватную моральную сферу публичность, а в публичную сферу – вопросы приватной морали, религии побуждают современные общества к пересмотру своих моральных оснований, способствуя рационализации традиционного жизненного мира и своих нормативных традиций» [Casanova 1994: 228–229]. Примером может служить роль католической церкви в процессе демократизации Испании, Польши, Бразилии. В первом случае религия участвует в создании либерально-политического и социального порядка. Во втором и третьем случаях религия стремится подвергнуть критике принципы либерально-политического и социального устройства. И, наконец, деприватизация религии может поставить под сомнение обоснованность тезиса приватизации и его нормативные основания, пересмотреть границы либеральной модели публичной сферы и юридического разделения публичной и приватной сфер и показать возможности публичных религий в современном мире.

Позднее, после критики Т. Асада на фоне происходящих в мире перемен Х. Казанова приходит к осознанию ограниченности своей концепции в связи с её: 1) «западно-центризмом» (преимущественным вниманием к западному христианству); 2) попыткой свести, по крайней мере, в нормативном отношении, религию к публичной сфере гражданского общества; 3) эмпирическим изучением отношений церковь – государство – нация – гражданское общество в сравнительно-национальной перспективе при упущении транснациональных глобальных измерений [Casanova 2008].

В последнее время, исходя из глобальной перспективы, социолог считает необходимым изучение таких процессов, как: «глобальные секуляризации», имеющие в «секулярном обществе» весьма различную «религиозную динамику»; «глобальные религиозности» в виде «глобальных религиозных ривайвелов» и «глобального деноминационализма», когда мировые религии модифицируются, выходя за национальные рамки, распространяясь по всему миру и конкурируя с другими религиями; «глобальные сакрализации» таких светских сфер, как политика, наука, экономика. При этом сакрализация «культы индивида» и «прав человека» имеют наибольшую значимость [Casanova 2012].

Критический подход: проблематичность термина «религия» и нормативные аспекты социологии религии

Критический подход к анализу религии возникает в связи с переосмыслением категории «религия», её проблематичностью и трудностями определения. Такие теоретики,

как Д. Смит, Т. Асад, Р. Маккатcheon, Т. Фитцджеральд и др., обращают внимание на социально-политические последствия её классификации, подчёркивая необходимость изучения процессов, в которые вовлечены дискурсивные стратегии, использующие понятие «религия» в определённых целях. Так, Д. Смит обратил внимание на то, что «нет надёжных свидетельств, подтверждающих идею о том, что религия – самоочевидный универсальный феномен, есть лишь неупорядоченные данные, феномены, практики и проявления, которые в той или иной культуре, по тому или иному критерию можно охарактеризовать как религию» [Smith 1982: 1].

Вслед за ним и другие авторы отмечали, что проблемы определения религии становятся понятнее, если принять во внимание историю термина «религия» как западного, европейского и христианского. То есть, в культурно-историческом значении это *локальное* понятие, которое было расширено до родового и спроецировано на весь мир, как будто оно было кросскультурным, трансисторическим, гомогенным и единообразным феноменом [Asad 1993; Fitzgerald 2000; Fitzgerald 2007].

Это стало толчком дальнейшего дистанцирования от любых нормативных утверждений о том, чем религия является и чем не является, и формирования нового подхода к изучению религии – «идеологическая критика» (Т. Асад, И. Стренски, Т. Фитцджеральд и др.), где не только термин «религия» и «секулярное», но и сама социология религии подвергается критическому анализу. По мнению её представителей, хотя термин «религия» считается само собой разумеющимся и имеющим массу определений, он, однако, не проясняет сути этого феномена. А науки, его изучающие, закрепляют это положение дел, выступая тем самым в качестве идеологии, предписывающей «религии» определённое обособленное место, где она получает свободу действий, но не может нарушить эти границы, войдя на территорию светского. Тем самым, поскольку понятие «религия» не имеет ни описательной, ни аналитической силы и ничего не проясняет, от него следует отказаться.

Можно сказать, что работа Т. Асада «Генеалогии религии» [Asad 1993] – наиболее ранняя попытка критического анализа некоторых имплицитных идеологических стратегий в определении универсальной сущности религии как индивидуальных «верований», «совести», настроений и мотиваций. Определение религии как индивидуальной (субъективной) веры – исторический продукт, часть стратегии ограничения религии (для светских либералов) и защиты религии (для либеральных христиан). Одна из функций понятия «религия» состоит в конструировании и оправдании (легитимации) современного «светского» государства. Классификация так называемых религиозных феноменов есть в то же время

Определение религии как индивидуальной (субъективной) веры – исторический продукт, часть стратегии ограничения религии (для светских либералов) и защиты религии (для либеральных христиан).

феноменология современного государства. Так что понятие «религия» оказывается не нейтральным и описательным, а нормативным, выполняющим политическую и идеологическую функции.

По мнению Асада, нельзя дать универсальное, внеисторическое определение религии, нельзя отталкиваться лишь от смыслов (религии как «смысловой системы»), нельзя свести её лишь к частной сфере, не принимая во внимание её практическое, политическое и властное измерения, нельзя рассматривать религию вне связи с секулярным. В исламском обществе, отмечает он, невозможно отделить религию от политики. Секулярное – западный продукт и часть проекта модернизации в мировом масштабе, цель которого – отделение религии от остальной жизни. Поэтому некорректно измерение влияния религии лишь на основе такого показателя, как церковная посещаемость.

В «Изобретении религии» [McCutcheon 1997] Рассел Маккатчеон фокусирует внимание на последствиях некоторых методов и теорий в рамках сравнительного изучения религии и феноменологии религии, преобладавших в религиозных исследованиях, а именно: на деконтекстуализации и деполитизации религии. По его мнению, религиозные исследования сыграли главную роль в конструировании «религии» в качестве «*sui generis*» как уникальной особой области, отделённой от других форм социокультурной жизни, не сводимой к другим факторам. Конструкция религии как *sui generis* предполагает, что её можно понять лишь в её собственных терминах, и что она требует особых методов исследования, становящегося в свою очередь деполитизированным и деконтекстуализированным изучением человеческих существ, как если бы они были просто верующим сознанием без тела» [McCutcheon 1997: 13].

По его мнению, проблема состоит в том, что эти теории и методы исходят из не подкреплённого доказательствами допущения, что религия – это феномен *sui generis*, социально и исторически изолированный, уникальный и автономный. В результате этого дискурса о религии как о *sui generis* возникает представление о человеческих существах не как существах социальных, политических, экономических, с определёнными материальными потребностями и отношениями, но как по сути дела лишь придерживающихся определённых верований [McCutcheon 1997: 22].

Одним из первых к обсуждению проблем религии как социальной конструкции и идеологического измерения научного изучения религии обратился Т. Фитцджеральд. По его мнению, современный дискурс о религии выполняет идеологическую функцию легитимации целого ряда нерелигиозных или секулярных идеологий и властных структур. Для него идея о том, что есть такая вещь как «религия» – это

современный миф, воспроизводящий иллюзию, что различные религии существуют как эмпирические объекты этого мира. Миф о «религии», являющийся фундаментальной составляющей модернити, подвергается им сомнению. Он подчёркивает, насколько глубоко эта взаимосвязь «религия – секулярное» укоренена в современном коллективном/социальном воображаемом. Согласно этому распространённому популистскому дискурсу, «религия», считающаяся иррациональной, варварской, неистовой и насильственной, угрожает рациональному, просвещённому и мирному секулярному проекту о прогрессе и свободе. Эта интуитивная вера в существование «религий» как таковых, присутствующих в мире эмпирических объектов, поддерживается некоторыми властными структурами [Fitzgerald 2000; Fitzgerald 2007].

Прежде всего, согласно концепции Фитцджеральда, понятие «религия» – не самоочевидное, универсальное понятие, но идеологически мотивированная социальная конструкция, созданная в определённых исторических условиях, на современном постреформационном Западе. С этим трудно не согласиться, так как, действительно, в других культурах и многих языках нет ни слова для её обозначения, ни тем более понятия, о чём, к примеру, говорит У. Смит [Smith 1959]. Вопрос, когда появилось это слово, может дискутироваться, но многие авторы согласны с тем, что оно возникло после заключения Вестфальского мирного договора в связи с разделением западного христианского мира и/или появления информации относительно неевропейских культур. В любом случае, понятие «религия» возникает в Новое время в европейском христианском контексте как конструкт с целью обобщения и абстрагирования от содержания христианских практик для классификации определённого рода деятельности.

Во-вторых, Фитцджеральд полагает, что понятие «религия» возникает наряду с понятием «секулярное» как «две стороны одной медали», и их невозможно разделить. Современный «миф о религии» – дискурс, который наряду с «религией» изобретает такие «секулярные» области, как национальное государство, политика, экономика, и каждая является не менее метафизической или иррациональной, чем религия. Политические идеологии, либеральный капитализм и теория либеральной экономики – все в значительной мере базируются на метафизических верованиях, которые нельзя вывести из эмпирического наблюдения. И поэтому трудно найти существенные характерные различия между теми вещами, которые обычно называют религиозными, и теми, которые называют светскими.

Создание любой секулярной сферы, воображающейся в качестве *нерелигиозной* в историческом смысле, зависит от концептуализации «религии» как особой обла-

Понятие «религия» – не самоочевидное, универсальное понятие, но идеологически мотивированная социальная конструкция, созданная в определённых исторических условиях, на современном постреформационном Западе.

сти. В этой системе отсчёта любой актер (индивид, группа, ассоциация, институт), независимо от того, определяет он себя в качестве религиозного или нет, но придающий содержание и смысл дискурсу о религии и взаимосвязи «религия – секулярное», играет активную роль в процессе их постоянного конструирования, воспроизводства и реификации. «Религия» есть социокультурная «фолк-классификация», которую люди используют в процессе освоения и обустройства своего мира.

В-третьих, наиболее отличительный аспект концепции Фитцджеральда состоит в том, что использование дихотомии «религия – секулярное» служит, по его мнению, для оправдания колониализма и поэтому является важной частью современной западной идеологии.

И, наконец, вызывающее наибольшее возражение «деконструктивистское» утверждение о том, что понятие «религия» не имеет описательной и аналитической силы, ничего не проясняет, и от него надо отказаться. Есть несколько причин, почему учёные должны отказаться от понятия «религия», полагает Фитцджеральд.

Самое главное, что «религия» – не какая-то реальная сущность, но «риторическое изобретение современного Запада»; она была не «открыта», а «изобретена». Это утверждение может показаться менее странным, если припомнить, что все социальные факты – риторическое изобретение по определению. Но даже если религия (так же как политика, экономика и т. д.) – социальная конструкция, это не значит, что её нет, как мы не ставим под сомнение существование политики или экономики. Религии существуют так же, как границы между странами. Как верно замечает Шилбрэк, тот факт, что религия социально сконструирована, не означает, что она не имеет отношения к вещи (социальной вещи), и следовательно не означает, что религия аналитически бесполезна. Точно так же и тот факт, что понятие «религия» возникает одновременно с понятием «секулярное» и что оно появляется вследствие определённых идеологических соображений и особых событий, не означает, что религии не существует и что нужно отказаться от этого понятия» [Schilbrack 2012:101].

Можно ли говорить о религиях за пределами современного мира? Если в культуре нет слова для обозначения явления, не будет ли преувеличением или «лингвистическим детерминизмом» утверждение, что нет и явления (что можно отнести к таким социальным конструктам, как экономика, политика, гендер)? Фитцджеральд вслед за У. Смитом отмечает, «что ни одно утверждение о религии не является действительным, пока оно не признано верующими данной религии. Но разве это когда-то убеждало учёных в том, что они понимают смысл изучаемых объектов хуже тех, кто их прак-

«Религия» есть социокультурная «фолк-классификация», которую люди используют в процессе освоения и обустройства своего мира.

тикует? И тогда по определению невозможно научное изучение культур, требующее понятий, которые не используются теми, кого изучают» [Schilbrack 2012: 103].

Другой аспект проблематичности термина «религия» – многообразие смыслов, вкладываемых в это значение. Проблема действительно важна, и тут нужен консенсус. Сначала, критикуя феноменологов, Фитцджеральд призывает отказаться от ненаучных сущностных определений религии в пользу функциональных, которые в то же время тождественны культуре и тоже бесполезны, ибо тогда невозможно отделить «религию» от *нерелигии*, так что религия должна раствориться в идеологии и культуре, понимаемых в качестве символических систем и институционализированных ценностей. Поэтому пора прекратить дискуссию о том, что такое религия, и заменить её терминами, дающими нам больше аналитической специфики: ритуалом, политикой, сотериологией. Правда, возникает вопрос, если «религия», по его мнению, имеет теологические и христианские коннотации, то разве не те же корни у слова сотериология? И если религия не является реальной вещью, что меняется в случае с сотериологией?

Одна из причин, почему Фитцджеральд стремится отказаться от термина «религия», состоит в том, что современная западная конструкция «религии» – конструкция религии приватной. И он прав в том, что понимание религии как приватной веры или опыта широко распространено на современном Западе. Но у этого взгляда есть оппоненты. Многие учёные теоретизируют с понятием «публичные религии», например, Х. Казанова. Кроме того, сам Фитцджеральд в конечном счете предлагает такие термины, как «окружающая религия» (*encompassing religion*) и «приватизированная религия» [Fitzgerald 2007], которые он затем применяет к культурам, не имеющим этого понятия.

Не менее резкой критике подвергаются понятия «религия» и «социология религии» основателем «радикальной ортодоксии» Д. Милбанком. Подробно анализируя концепции классиков истории социологии, он показывает их идеологическую направленность. По его мнению, социология долго выполняла роль надсмотрщика за религией, накопив большой опыт в «надзоре за возвышенным», отведя религии раз и навсегда определённое место (частную сферу), которое та не должна покидать и вмешиваться в дела секулярные. Религия, с одной стороны, – то, что следует охранять, а с другой – ограничивать и не дать раскрыть собственный потенциал за рамками отведенного ей «гетто». Социология религии не раскрывает, а скрывает суть, назначение и влияние религии, находящейся в рамках чуждой ей «теологии светского» («извращённой теологии»), выполняя тем самым функции идеологии, а не научного познания [Milbank 2013].

Социология долго выполняла роль надсмотрщика за религией, накопив большой опыт в «надзоре за возвышенным», отведя религии раз и навсегда определённое место (частную сферу), которое та не должна покидать и вмешиваться в дела секулярные.

«Идеологическая критика» относится к парадигме научного познания эпохи постмодерна, в которой «объект научного исследования определяется познающим», и потому особое внимание уделяется субъективным условиям знания о религии [Strenski 2004: 273]. Чтобы избежать «стерильности мышления» собственного «методологического догматизма», необходимо сохранять известную долю скептицизма по отношению к своим установкам познания, направленным на субъективные детерминанты при конструировании научных объектов. Важно не уподобиться представителям модернистской парадигмы с их верой в «объективность» знания, постараться избежать догматического декларирования того, что всякое знание субъективно обусловлено. Выдвигая тезис об идеологическом содержании той или иной теории, способствуя прояснению «субъективного» измерения мышления о религии, важно проверить и фальсифицировать его соответствующим образом.

«Идеологическая критика» – это попытка осмыслить теории в широком: биографическом, религиозном, культурном, идеологическом контексте, формирующем их создателей (в биографиях, интеллектуальных проектах, определённых институтах и ситуациях). Что означает сдвиг от псевдонейтрального, псевдообъективного, идеологического познания некоей абстрактной сущности, которую принято называть «религией», к более пристальному вниманию субъективного влияния (исследователя) на предмет исследования.

Новый подход к изучению религии – «идеологическая критика» – неоднозначен, но получает всё большее распространение, о чём говорит появление и нового религиозноведческого издания «Журнал критического исследования религии» и Центра критических исследований по вопросам религии. Редактор журнала Р. Боев, объясняя его актуальность, отмечает, что наука в своей борьбе с ненаучной и необъективной теологией, в критике её предвзятости потеряла нечто очень важное в своём самоопределении (как единственно научной и объективной), а именно: социальную направленность, практическую пользу, ограничившись высокомерным описанием. По его мнению, «идеологическая критика» включает два момента: 1) герменевтику подозрения (*hermeneutics of suspicion*) как отрицание, то есть выявление ограниченности и проблем в социологии религии, антропологии религии, истории религии, теологии; 2) герменевтику восстановления (*hermeneutics of recovery*) как позитивное опознание элементов, способных вывести за рамки ограниченности к новым возможностям [Boev 2013].

При всей парадоксальности и неоднозначности вышеописанного подхода представляется, что он наводит на более глубокие размышления учёных о религии, о статусе социологии религии и нормативной позиции самих исследователей

религии. И если рассуждать в духе Фитцджеральда, что «все парадигмы покоятся на метафизических утверждениях», а все «исследователи культуры (религии) оперируют нормативными утверждениями», то в этом мы ничем не отличаемся от теологов. Ни одна форма мышления не является нейтральной в нормативном отношении. Как утверждал Ч. Тейлор, человеческие существа могут действовать лишь в рамках нормативного пространства, определяемого им как совокупность эмпирически неверифицируемых верований [Taylor 2007].

Всякое мышление является нормативным и ненейтральным в ценностном отношении. Однако не должно быть какой-то привилегированной позиции, как это происходит в случае с академическими исследователями, считающими себя выше критики и свысока смотрящими на тех, кто якобы ненейтрален, необъективен и потому не имеет права на существование в рамках академической науки. Размышлять о ценностях и нормах, присущих изучению религии, важно, но эта дискуссия уводит в бесконечность, что является подтверждением того, что «религия» – социально сконструированное понятие, аналитически и описательно полезное для некоторых целей, и что её нельзя изучать без определённого минимума норм, которых хотя бы имплицитно придерживается учёный [Schilbrack 2012: 115].

Разделение «религии» и «духовности» и поиски новых теоретических перспектив

Отделение «духовности» от «религии» происходит в контексте общей тенденции меняющейся религиозности в мире, имеющем много названий: «глобальное» общество, «постмодернити», «информационное» общество, «постиндустриальная цивилизация», «поликультурный», постхристианский, постсекулярный и т. д., что само по себе наводит на размышления и говорит о постоянной рефлексии относительно изменений, произошедших и происходящих в жизни и сознании людей за последние несколько десятилетий. Можно говорить о «конце истории», «постистории», «послеистории», «цивилизационном взрыве», «новой Реформации» или о движении к некоей глобальной цивилизации. В любом случае речь идёт о «постсовременном» обществе – новом периоде в развитии цивилизации, для которого характерно многообразие мировоззренческих моделей, различных форм образовательного и религиозного знания, культурных «кодов» и стилей, возникающих вследствие «деконструкции» старых культурных контекстов, конструирования новой глобальной реальности и её постоянного переосмысления.

На когнитивном уровне сдвиг от «модернити» к «пост-модернити» характеризуется недоверием к так называемым «метанарративам», глобальным метатеориям и объяснительным схемам, исчезновением границы между реальным и воображаемым, переходом от универсализма к партикуляризму, от цельности и связности к фрагментарности и коллажу, от символической значимости к «симулякрам», имитации и симуляции. Этот сдвиг, определяющийся динамикой постмодернизации, радикально меняет «жизненный мир» человека, его трудовые мотивации, религиозные убеждения, мораль, отношение к власти, семье, браку, воспитанию детей, разводам, абортам, гомосексуализму.

В постсовременном глобальном обществе приоритет получают права и ценности человека, самопознание и самореализация, всё большее распространение получает постхристианская духовность, которая приобретает значение не только на практическом уровне, но и проникает в различные области знания – в теологию, философию, социологию, психологию, парапсихологию, систему образования и пр. Об изменении «символического поля» (П. Бурдьё), «великом религиозном смятении», появлении новых религиозных конфигураций в современном обществе писали философы (А. Бергсон, Э. Гидденс), общественные деятели (Т. Пэйн, Т. Джефферсон), социологи (Р. Белла, Дж. Китагава, Д. Эрвьё-Леже, Г. Дейви и многие другие).

Они отмечали, что характерная черта изменения – появление многообразия, сложной символической структуры, псевдонаучной рационализации. Следствием этого становится «когнитивная гармония» религии с современным миром. В результате сокращается расстояние между «земным» и «небесным», «человеческим» и «божественным», «миром» и «клиром». Предваряя будущих «духовных искателей», некоторые из них в качестве типичной формы религиозной организации ближайшего будущего видят сознание отдельного индивида, его «Я» («моё сознание – моя церковь» Т. Пэйн, «Я сам себе секта» Т. Джефферсон) [Lambert 1999]. Современный человек не ждёт готовых ответов на глобальные вопросы бытия, а ищет их сам, он не следует за религиозной традицией и религиозной организацией, а самостоятельно выбирает символическую систему. Он способен не только к изменению себя, но и мира, находится в поиске спасения в этом мире, так как возможности «креативной инновации» в любой сфере человеческой деятельности неограничены.

Сегодня в постсовременной культуре в связи с индивидуализацией, приватизацией и деинституционализацией религии возникают многочисленные формы религии и духовности, существующие отдельно от религиозных институтов. Под современным видом «духовности» часто подразумева-

Современный человек не ждёт готовых ответов на глобальные вопросы бытия, а ищет их сам, он не следует за религиозной традицией и религиозной организацией, а самостоятельно выбирает символическую систему. Он способен не только к изменению себя, но и мира, находится в поиске спасения в этом мире, так как возможности «креативной инновации» в любой сфере человеческой деятельности не ограничены.

ется «новая духовность», охватывающая все аспекты жизни и описываемая как новый стиль постсовременной духовной культуры. Большая популярность термина (и феномена) «духовность», который укоренился в самых различных контекстах (образования, психологической помощи, выхаживания больных, и даже маркетинга), преодолев границы какой-то одной религиозной системы, объясняется прежде всего тем, что он всё больше выполняет функции религии в широком смысле, а институциональная религия воспринимается в качестве «старомодной» структуры, существующей «где-то там», имеющей отношение не к повседневной жизни, а к истории и культуре. Можно сказать, что «духовность» в определённом смысле представляет собой форму протеста против традиционных религий. Согласно Д. Тэйси, эта «новая парадигма всепроникающей духовности» [Tasey 2004.] приводит к смешению религии и духовности таким образом, что не духовность является частью религии, а религии рассматриваются индивидом в контексте этой обширной перспективы духовности», что находит отражение в социологии (Р. Ватноу, Д. Моберг, У. Руф, К. Фланаган и др.).

Об изменениях сознания в качестве реакции на социальные изменения в 1960–70-е г. писали в своих исследованиях Р. Ватноу («революции сознания»), Ч. Глок («номинальная религиозность», «альтернативная религиозность»), Р. Белла («народная вера», «шейлаизм», «индивидуализация веры»), В. Руф («духовное искательство»). Многие авторы фиксировали реструктурирование религиозного поля в связи с появлением поколения бэйби-бумеров (baby-boomers) – поколения, рождённого в послевоенный период, для которого были характерны религиозные поиски (индивидуалистическое искательство), обращение к индивидуальной автономии, «поворот сознания», часто в контексте НРД (Нового религиозного движения), культовых движений и неомистицизма. Это даёт рождение целому направлению в социологии религии – исследованиям Нью Эйдж, новой, постхристианской, холистической духовности (Р. Ватноу, Д. Моберг, П. Хилас, Л. Вудхэд, С. Оперс, Д. Гутман и др.).

Как было отмечено С. Сатклифом и М. Бауманом «вопреки предсказаниям, сегодня не Нью Эйдж идёт за мейнстримом, а мейнстрим за Нью Эйдж [Beyond New Age... 2000: 11]. А П. Хилас и Л. Вудхэд, называя этот процесс «духовной революцией», подчёркивают, что, «охватывая ключевые сектора культуры», своим домом она считает «субъективную культуру процветания» [Heelas, Woodhead 2005]. Именно эти исследования становятся основой для формирования новой области – социологии духовности, которая пока находится на стадии становления, хотя голоса в пользу её легитимации становятся всё громче, а материалов всё больше,

но немало теоретиков секуляризации и представителей «новой парадигмы» считают её «забавой», недостойной серьёзных исследователей. Большим событием в организационном оформлении новой дисциплины стала международная конференция по социологии духовности, организованная группой изучения социологии религии Британской Социологической Ассоциации, проходившая в 2004 г. в Бристольском университете, по результатам которой была издана книга «Социология духовности» [Sociology of spirituality... 2007]. Развитием поднятых в ней тем стала коллективная монография «Религии современности» [Religions of Modernity... 2010], в которой приняли участие американские, канадские и европейские, главным образом британские и голландские социологи. Благодаря их усилиям вырисовывается огромное исследовательское поле, которое до сих пор оставалось «за бортом» социологов религии.

Социология духовности формируется не только благодаря усилиям сторонников концепций «духовности», «постхристианской духовности», «холистической духовности», «духовности Нью Эйдж», «духовности киберпространства» и т. д., но и их оппонентов, обращающихся к исследованию новых форм религиозности, вовлекающихся в орбиту новой формы старой дискуссии о секуляризации и решающих вопрос о том, что происходит сегодня на Западе – упадок религиозности, трансформация религиозности или «духовный поворот»? Некоторые представители теории секуляризации считают бурное распространение разнообразной духовности частью и проявлением общего процесса секуляризации, оборотной стороной «секуляризма», которые тесно взаимосвязаны. Более того, некоторые авторы полагают, что духовное и секулярное (secular) возникают одновременно как «две взаимосвязанные альтернативы институциональной религии евро-американской модерности».

Поэтому неудивительно, что сторонники теории секуляризации вовлечены в эту дискуссию. Так, например, для британских социологов Д. Воаса, А. Крокетта и их соавторов важной задачей стала интерпретация промежуточной «средней зоны», находящейся между теми, кто регулярно посещает церковь, с одной стороны, и агностиками и атеистами, с другой, поскольку её размеры явно растут, и не только в Европе. Д. Воас и его соавторы исходят из того, что Европа на протяжении всего XX в. секуляризируется, и этот процесс едва ли обратим, так как религиозная часть общества невелика. А светская её часть растёт сегодня, будет расти в будущем за счёт уменьшения этой весьма значительной группы «неопределённой религиозности», которая представляет собой веху и ресурс на пути к нерелигиозному обществу. Однако другие авторы – Д. Гутман, С. Оперс, П. Хилас, П. Маскини, П. Ахтерберг, исследуя эту «среднюю зону», находят в ней множество форм сакрального, включая «духов-

ность жизни в стиле Нью Эйдж, холистическую духовность, «народную веру», «духовное искательство». Прежде Воаса и Крокета на эту «среднюю зону» («betwixt and between zone», «middle ground») обратил внимание П. Хилас [Heelas 2002], один из видных представителей социологии духовности, который вместе с Л. Вудхэд [Heelas, Woodhead 2005] и рядом других учёных считаются первооткрывателями в данной области, обратившимися к анализу «холистической духовности» или «духовности жизни». Все эти авторы, в отличие от Воаса и его коллег, считают, что «эрозия традиционных ценностей и верований приводит не к светскому, а к духовному повороту», который объясняется процессом детрадиционализации, и что сегодня происходит не исчезновение религии, а перемещение священного.

Постепенно теряя свой трансцендентный характер, священное всё больше воспринимается как имманентное, обитающее в глубинах человеческого «Я». И часто религия – это путь к духовности [Heelas, Woodhead 2005; Houtman, Aupers 2007.]. Как видим, хотя понятие «духовность» всё глубже проникает в социологический контекст, используется при опросах и концептуализируется, вживание этого термина в западную социологию происходит непросто и связано с рядом проблем разного рода: 1) терминологического (проблемы определения); 2) практического (трудности практического применения); 3) идеологического (нежелание отказаться от стереотипов и идеологических установок).

Духовность критикуется и со стороны теологов за то, что представляет собой «религиозность без Бога», и со стороны некоторых социологов религии за её «неопределённость» и «аморфность». Однако в целом, несмотря на слабость определений, методологии, несовершенство вопросов анкет, речь идёт о том, что имеет место в действительности, распространяется в различных сферах повседневной и научной жизни, что само по себе требует более пристального внимания со стороны учёных.

Заключение

Эпоха позднего модерна – время плюрализма и глобализации, когда приходит осознание многообразия конкурирующих типов религий и критическое переосмысление взаимосвязи модернизации и секуляризации, необратимости и универсальности процессов секуляризации. Что в конечном счёте приводит к пересмотру как теорий секуляризации, так и евро-центристских описаний и определений религии, пониманию проблематичности понятия «религия», постепенному формированию нового видения «религии» и «духовности»

Постепенно теряя свой трансцендентный характер, священное всё больше воспринимается как имманентное, обитающее в глубинах человеческого «Я». И часто религия – это путь к духовности.

и становлению постсекулярной парадигмы в социальных и гуманитарных науках. Мне представляется, что три рассмотренные выше подхода наглядно демонстрируют тенденцию поиска иных теоретических оснований для анализа новых реалий, которые не укладываются в привычные схемы и старые конструкции.

При этом, конечно, возникают проблемы терминологического, идеологического, нормативного и практического характера, которые в той или иной степени обсуждаются в каждом из рассмотренных выше подходов. На мой взгляд, проблемы определения и преодоления стереотипов имеют особую значимость, поскольку в зависимости от определений и нашего к ним отношения радикально меняется интерпретация религиозной реальности, роста или упадка религиозности.

Трудно не согласиться с представителями «идеологической критики» относительно того, что: 1) «религия»¹ – социальная конструкция, которая выполняет функции легитимации (объяснения и оправдания) существующего социального порядка; 2) религия не сводится лишь к «смыслам», «смысловой системе» и «приватной религии», так как иначе теряется её практическое, политическое и властное измерения; 3) религия выходит за рамки устоявшихся в социологии (антропологии, истории, философии) идеологических, политизированных, колониалистских определений «религий», скрывающих суть и значимость религиозных традиций.

Однако это не значит, что от понятия «религия» (в кавычках или без них) следует отказаться, так как и сами «критики» не могут обойтись без этого термина, наполняя его другим содержанием, подразумевая «новую религиозность», «новые» (обогащённые особой энергией и витальностью) старые религиозные традиции: «новый ислам», «новое христианство», новый индуизм и т. д. И поскольку они обретают новое качество постсекулярного (независимость, пассионарность, стремление охватить весь мир, когда уже не «религия» приспособливается к миру, а мир – к религии), то и изучать их логичнее в постсекулярной парадигме, а не в «парадигме секуляризации».

Несмотря на то, что происходит пересмотр теорий секуляризации и появляются новые, более соответствующие духу времени концепции религии, духовности, секуляризации, проблемы определения и преодоления стереотипов остаются. Так, если, согласно парадигме секуляризации, религия – это институциональная форма религии, тогда секуляризация, видимо, продолжается, так как в таком случае

---

¹ «Религия» в данном контексте – теоретическая конструкция религии (зачастую некорректная и мифологическая), тогда как *религия* – религиозная действительность, существующая в форме религиозной традиции и живой религии (не ограниченной рамками отведённого ей теоретиками «гетто»).

институциональная религия/религиозность падает, а новые формы религии/духовности растут и находятся на подъёме, но не являются религией. Значит секуляризация продолжается, так как по мнению некоторых социологов, сама трансформация религиозности говорит о новом секулярном этапе религиозности, неосекуляризме, неосекуляризации и т. д.

Если новая религиозность/духовность – хотя и трансформированная, но всё же религия, тогда можно говорить о росте религии и не о секуляризации, а о становлении постсекулярной реальности, в рамках которой новая религиозность/духовность обретает новую жизнь, новое значение и новые масштабы, придавая ощутимый вес и самой постсекулярной перспективе.

В зависимости от того, как мы определяем «новое христианство», одно из самых перспективных, но неоднозначных явлений сегодняшнего дня, сформировавшееся на основе «независимых церквей» в сочетании с «евангелическим харизматизмом», местными верованиями, практиками, шаманизмом и колдовством, идеологией социальной справедливости и процветания, представляющее собой нечто весьма далёкое от исторического христианства, можно говорить о неосекуляризации (если отнести его к «новой религиозности»), о бурном росте религий, опровергающем тезис секуляризации, или о становлении «постсекулярной реальности».

Если религия – это то, что Лукман называл «невидимой религией», а религиозность есть «трансцендирование» – качество, присущее человеческой природе, неизменная антропологическая константа (о чём идёт речь у некоторых теоретиков «новой парадигмы» и представителей «социологии духовности»), тогда секуляризация невозможна по определению, так как человек всегда стремится к поиску высшей реальности.

Постмодернистская деконструкция понятия «религия» – знамение времени, как и то, что термин и парадигма «секуляризации» претерпевают существенные изменения. Всё это даёт основания говорить о движении в сторону «постсекулярной парадигмы», в рамках которой социологам, философам, антропологам и другим исследователям религии, культуры, общества предстоит ответить на разные вопросы, разработать инструментарий, необходимый для более детального и глубокого изучения как религиозных традиций, так и секулярного (гуманистического) сознания; достичь некоторого консенсуса относительно терминов (или хотя бы нашего к ним отношения), чтобы различные определения не препятствовали, а способствовали более плодотворным исследованиям. В духе «идеологической критики» можно сказать, что для этого следовало бы избавиться от «методологического догматизма», ограничивающегося «высокомерным описанием» религии, вернуть понятиям «религия» и «духовность» их социальную направ-

ленность, практическую пользу и значимость, усиливая позитивный и нейтрализуя их негативный потенциал, открывая новые возможности в старых традициях и выявляя «духовный капитал» новых форм религиозно-светского.

Библиографический список

Asad T. 1993. *Genealogies of Religion. Discipline and reasons of power in Christianity and Islam.* Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press. 335 p.

Berger P. 1999. *The Desecularization of the World A Global Overview // The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics.* Washington: Ethics and Public Policy Center. P. 1–18.

Berger P., Davie G., Focas E. 2008. *Religious America, Secular Europe? Great Britain:* Ashgate. 155 p.

Beyond New Age: Exploring Alternative spirituality. Ed. By Sutcliffe S., Bawman M. 2000. Edinburg: Edinburg UP. 272 p.

Boer R. 2013. *To distinguish between the negative and the positive in religion // State, Religion and Church in Russia and Worldwide.* №3 (31). P. 200–209.

Casanova J. 1994. *Public Religions in the Modern World.* Chicago: The Univ.of Chicago Press. 320 p.

Casanova J. 2008. *Public Religions Revisited // Religion :beyond the Concept.* ed. Hent de Vries, Fordham U.P. P. 101–119.

Casanova J. 2012. *Rethinking Public Religions // Rethinking Religion and World Affaires / Ed. by T. S. Sha, A. Stenan, M. Doft.* Oxford: Oxford Univ. Press. P. 25–35.

Finke R., Stark R. 1986. *Turning Pews into People: Estimating Nineteenth-Century Church Membership // Journal for the Scientific Study of Religion.* № 25. P. 180–192.

Fitzgerald T. 2000. *The Ideology of Religious Studies.* New York & Oxford: Oxford Univ.Press. 276 p.

Fitzgerald T. 2007. *Encompassing Religion, Privatized Religion and the Invention of Modern Politics // Religion and The Secular: Historical and Colonial Formations / Ed. by T. Fitzgerald.* London. P. 211–240.

Heelas P. 2002. *The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality” // Religion in Modern World / Ed. by Woodhead L., Fletcher P., Kawanami H., Smith D.* Leiden: Routledge. P. 357–377.

Heelas P., Woodhead L. 2005. *The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality.* USA, UK, Ausralia: Blackwell Publishing. 204 p.

Houtman D., Aupers S. 2007. The Spiritual Turn and the decline of tradition: the spread of post-christian spirituality in fourteen Western countries (1981–2000) // Journal for the Scientific Study of Religion. № 46(3). P. 305–320.

Lambert Y. 1999. Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms // Sociology of Religion. Quarterly journal. Vol. 60, № 3. P. 303–333.

Lee L. 2012. Research Note :Talking about a Revolution: Terminology for the New Field of Non-religion Studies // Journal of Contemporary Religion, № 27(1). P. 129–139.

McCutcheon R. 1997. Manufacturing religion: Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia. Oxford: Oxford Univ. Press. 249 p.

Milbank J. 2013. Policing the Sublime: A Critique of the Sociology of Religion // State, Religion and Church in Russia and Worldwide. №3(31). P. 200–284.

Schilbrack K. 2012. The social construction of “Religion” and Its Limits: A Critical Reading of Timothy Fitzgerald // Method and Theory in the Study of Religion. Brill. № 24. P. 97–117.

Smith J. Z. 1982. Imagining Religion: From Babylon to Jonestown. Chicago: Univ. of Chicago Press. 165 p.

Smith W. C. 1959. Comparative Religion: Whither and Why? // The History of Religions: Essays on Methodology. Ed. by Eliade M. & J. Kitagava, religion-online, p. 1–24.

Sociology of spirituality / Ed. by Flanagan K. and Jupp P. Un. of Durham, U.K.: Ashgate. 2007. 269 p.

Stark R. 1985. Church and Sect // The Sacred in a Secular Age / Ed. by P. Hammond, Berkley: Univ. of Calif. Press. P. 139–149.

Stark R., Bainbridge W. S. 1985. The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley: Univ. California press. 577 p.

Stark R., Bainbridge W. S. 2000. A Theory of Religion. N. Y.: Peter Lang. 386 p.

Stark R., Finke R. 2000. Acts of Faith: Explaining the Human side of Religion. Berkeley: Univ. of California Press. 343 p.

Strenski I. 2004. Ideological Critique in the Study of Religion // New Approach to the Study of Religion. Berlin. P. 271–290.

Tacey D. 2004. The Spirituality Revolution: The Emergence of Contemporary Spirituality. N. Y.: Brunner-Routledge. 256 p.

Taylor Ch. 2007. A secular Age. Harvard: Harvard Univ. Press. 874 p.

Turner B. 2012. Religion in Postsecular Society // State, Religion and Church in Russia and Worldwide. №2 (30). P. 20–51.

Woodhead L. 2009. Old, New and Emerging Paradigms in the Sociological Study of Religion // Nordic Journal of Religion and Society. № 22 (2). P. 103–121.

Warner S. R. 1993. Work in Progress toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States // American Journal of Sociology. Vol. 98, № 5. P. 1044–1093.

World Christian Encyclopedia: A Comparative Survey of Churches and Religions in The Modern World / Ed. by Barrett D., Kirian G., Jhonson T., Oxford: Oxford University Press, 2001. 1026 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.447

Religion in the Global Space: Approaches, Definitions and Issues in Western Sociology of Religion

Rutkevich Elena Dmitrievna

Candidate of Philosophical sciences, Leading researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Associate professor, State Academic University of Human Sciences, Moscow, Russia. E-mail: erutkevich@yandex.ru

Abstract: A few global trends have emerged lately in the realm of Western sociology of religion. Occurring is a critical reassessment of the connection between modernization and secularization, of the irreversibility and universality of secularization processes, which is leading to a revision of the secularization theory and to a shift from endless arguments about secularization towards a more productive cultural-historical and empirical evaluation of “public religions”, “multiple globalizations” and “multiple secularizations”, and “de-privatization of religion”. A new approach towards examining religion, namely – “ideological criticism”, is garnering considerable feedback and prevalence, calling into question the customary (Euro-centered) descriptions and definitions for religion, problematizing the terms “religion” and “secular”, which do not exist without one another. Established is a new outlook on “religion” and “spirituality”, which leads to the gradual development of a new discipline – “sociology of spirituality”. Evangelical Christianity is becoming widespread around the world, gaining special influence: in combination with local religions, it is leading to the hybridization and syncretism of religious traditions. These changes do not indicate a decline, but rather a “resurgence” and growth of religion, albeit often in a different form and nature, which promotes the development of a new outlook on religious phenomena, new approaches to their evaluation, and the emergence of a new discourse on European post-secular societies. The main focus of this article is certain approaches and issues which emerge when examining these tendencies.

Keywords: religion, secular, modernity, secularization, spirituality, deprivatization of religion, religious changes, globalization, sociology of spirituality, post-secular perspective.

References

Asad T. Genealogies of Religion. Discipline and reasons of power in Christianity and Islam. Baltimore Johns Hopkins Univ. publ., 1993. 335 p.

Berger P. The Desecularization of the World A Global Overview. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics. Washington, Ethics and Public Policy Center, 1999, pp. 1–18.

- Berger P., Davie G., Focas E. *Religious America, Secular Europe? Great Britain*, Ashgate, 2008. 155 p.
- Beyond New Age: Exploring Alternative spirituality. Ed. by S. Sutcliffe, M. Bawman. Edinburg, Edinburg UP, 2000. 272 p.
- Boer R. To distinguish between the negative and the positive in religion. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2013, no 3 (31), pp. 200–209.
- Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, The Univ. of Chicago Press, 1994. 320 p.
- Casanova J. *Public Religions Revisited. Religion: beyond the Concept*. Ed. by Hent de Vries, Fordham U.P. P., 2008. pp. 101–119.
- Casanova J. *Rethinking Public Religions. Rethinking Religion and World Affaires*. Ed. by T. S. Sha, A. Stenan, M. Doft. Oxford, Oxford Univ. Press, 2012, pp. 25–35.
- Finke R., Stark R. Turning Pews into People: Estimating Nineteenth-Century Church Membership. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1986, no 25, pp. 180–192.
- Fitzgerald T. Encompassing Religion, Privatized Religion and the Invention of Modern Politics. *Religion and The Secular: Historical and Colonial Formations*. Ed. by T. Fitzgerald. London, 2007, pp. 211–240.
- Fitzgerald T. *The Ideology of Religious Studies*. New York & Oxford, Oxford Univ. Press, 2000. 276 p.
- Heelas P. The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality”. *Religion in Modern World*. Ed. by Woodhead L., Fletcher P., Kawanami H., Smith D. Leiden, Routledge, 2002, pp. 357–377.
- Heelas P., Woodhead L. *The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality*. USA, UK, Ausralia, Blackwell Publishing, 2005. 204 p.
- Houtman D., Aupers S. The Spiritual Turn and the decline of tradition: the spread of post-christian spirituality in fourteen Western countries (1981–2000). *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2007, no 46 (3), pp. 305–320.
- Lambert Y. Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms. *Sociology of Religion (quarterly journal)*, 1999, vol. 60, no 3, pp. 303–333.
- Lee L. Research Note :Talking about a Revolution: Terminology for the New Field of Non-religion Studies. *Journal of Contemporary Religion*, 2012, no 27 (1), pp. 129–139.
- McCutcheon R. *Manufacturing religion: Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1997. 249 p.
- Milbank J. Policing the Sublime: A Critique of the Sociology of Religion. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2013, no 3 (31), pp. 200–284.
- Schilbrack K. The social construction of “Religion” and Its Limits: A Critical Reading of Timothy Fitzgerald. *Method and Theory in the Study of Religion*. Brill, 2012, no 24, pp. 97–117.
- Smith W. C. *Comparative Religion: Whither and Why? The History of Religions: Essays on Methodology*. Ed. by M. Eliade, J. Kitagava. Religion-online, 1959, pp. 1–24.
- Smith J. Z. *Imagining Religion: From Babylon to Jonestown*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1982. 165 p.
- Sociology of spirituality*. Ed. by K. Flanagan, P. Jupp. U.K., Un. of Durham, Ashgate, 2007. 269 p.
- Stark R. Church and Sect. *The Sacred in a Secular Age*. Ed. by P. Hammond. Berkley, Univ. of Calif. Press, 1985, pp. 139–149.
- Stark R., Bainbridge W. S. *A Theory of Religion*. N.Y., Peter Lang, 2000. 386 p.

Stark R., Bainbridge W. S. *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley, Univ. California press, 1985. 577 p.

Stark R., Finke R. *Acts of Faith: Explaining the Human side of Religion*. Berkeley, Univ. of California Press, 2000. 343 p.

Strenski I. *Ideological Critique in the Study of Religion. New Approach to the Study of Religion*. Berlin, 2004, pp. 271–290.

Tacey D. *The Spirituality Revolution: The Emergence of Contemporary Spirituality*. New York, Brunner-Routledge, 2004. 256 p.

Taylor Ch. *A secular Age*. Harvard, Harvard Univ. Press, 2007. 874 p.

Turner B. *Religion in Postsecular Society. State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2012, no 2 (30), pp. 20–51.

Warner S. R. *Work in Progress toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States*. *American Journal of Sociology*, 1993, vol. 98, no 5, pp. 1044–1093.

Woodhead L. *Old, New and Emerging Paradigms in The Sociological Study of Religion*. *Nordic Journal of Religion and Society*, 2009, no 22 (2), pp. 103–121.

World Christian Encyclopedia: A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World. Ed. by D. Barrett, G. Kirian, T. Jhonson. Oxford, Oxford University Press, 2001. 1026 p.

К м е т о д о л о г и и научных исследований

Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений (аналитический обзор)

Скобелина Наталья Анатольевна –
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры «Социальная работа
и педагогика», Волгоградский государственный
университет, Волгоград

E-mail: volnatmax@mail.ru

Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений (аналитический обзор)

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.448

Аннотация. В статье обозначены аспекты институционального анализа общественных движений. Автор определяет институциональный анализ в качестве перспективного направления в исследовании общественных движений. С помощью инструментов новой институциональной экономической теории движения рассмотрены как институционализированные практики в определённой институциональной среде. Автором определена роль формальных и неформальных правил в формировании и развитии движений. В рамках неоинституциональной теории выработан алгоритм исследования общественных движений, который состоит из следующих значимых аспектов: изучение движений как правил игры, определение институционального дизайна движений, изучение институциональных возможностей движений, описание динамики движений. Акцентируя внимание на институциональной зависимости общественных движений, в ходе институционального анализа определяется организационная активность движений во времени и пространстве. Автор подчёркивает, что основную роль в динамике общественных движений играет институциональная среда. Формальные и неформальные нормы структурируют движения и формируют механизм взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества. В статье обозначаются политические, социально-экономические и организационные возможности, которые предоставляются институциональной средой общественным движениям. Расширение возможностей позволит решить участникам движений множество проблем, с которыми сталкиваются рядовые граждане в российском обществе. Автор приходит к выводу, что в современном российском обществе большая роль принадлежит институциональным условиям, которые государство предоставляет гражданам для артикуляции их интересов.

Ключевые слова: общественные движения, неоинституциональная экономическая теория, институциональный анализ, динамика

Институциональные изменения в структуре современных обществ породили перемены в организованных практиках, в результате чего появились новые формы участия граждан, к ним относятся общественные движения, которые динамично трансформируются, изменяя своё содержание и форму в зависимости от существующего социального порядка. Своеобразие общественных движений XXI в. обусловлено быстрым развитием институциональной среды. Флэш-мобы, виртуальные и сетевые движения появились в информационном обществе, где расширились коммуникативные возможности для общественно-политической деятельности отдельных личностей и социальных групп. Процесс становления общественных движений проходит в динамичной, постоянно меняющейся среде, в связи с этим современные социологи используют новые стратегии для анализа институционализации движений. В последние десятилетия социологи, исследующие общественные движения, часто поднимают вопросы, связанные с институционализацией движений. С. Тэрроу, Д. Макадам, Х. Кризи и другие представители теории политического процесса под институционализацией понимают включение участников движений в политическую жизнь общества [Kriesi 1995]. Согласно данной теории, в процессе своего развития движения институционализируются в общественные организации, оформляясь в политические партии или группы интересов, то есть более устойчивые структуры. Современные исследователи общественных движений акцентируют внимание на аспектах, которые не были рассмотрены в теории политических процессов и мобилизации ресурсов. На рубеже XX–XXI вв. в социологии общественных движений сформировалось новое направление. Представители институционального подхода М. Лаунсбери, М. Шнайберг [Schneiberg, Lounsbury 2008], С. Соул [Soule, Olzak, Coddou, Munoz 2016], М. Доубор [Dowbor 2011] в рамках неоинституциональных теорий объясняют механизм взаимодействия движений и субъектов различных сфер общественной жизни, предлагают институциональный анализ движений.

В настоящее время исследователи движений понимают, что фундаментальный анализ социально-экономических явлений невозможен в рамках одной лишь дисциплины, а требует междисциплинарного подхода. Российские социологи (Бренделева Е. А. [Бренделева 2003], Пономарёва И. В. [Пономарёва 2010] и др.) и зарубежные учёные используют инструменты новой институциональной экономической теории, чтобы объяснить механизм взаимодействия организованных практик и субъектов социально-экономической сферы, крупных корпораций и других бизнес-структур. В процессе институционализации движения играют большую роль в фор-

Своеобразие общественных движений XXI в. обусловлено быстрым развитием институциональной среды. Флэш-мобы, виртуальные и сетевые движения появились в информационном обществе, где расширились коммуникативные возможности для общественно-политической деятельности отдельных личностей и социальных групп.

мировании корпоративной среды. Об этом в своих работах говорят Б. Кинг [King 2011], Д. Суонсон [Swanson 1999] и другие учёные. По их мнению, активисты движений играют значительную роль в построении социальной ответственности, публично выставляя свои претензии, заставляют фирмы изменять стратегию [Swanson 1999]. Процесс институционализации общественных движений американский социолог Е. Еванс рассматривает на примере движения в защиту животных в системе механизма взаимодействия организации движения, государственных органов местного и федерального уровней и СМИ [Evans 2010]. Бразильский социолог М. Доубор анализирует деятельность медицинского движения «Sanitario», которое выступает за всеобщий доступ к медицинской помощи и его обеспечение со стороны государства. Исследуя динамику движения с 1970-х гг. до настоящего времени, М. Доубор приходит к выводу о недостаточно полном объяснении процесса институционализации современных движений в рамках традиционных подходов к исследованию общественных движений. При этом автор ссылается на длительное существование и непрерывность деятельности ряда общественных движений и необязательность их превращения в партию или группу давления. Как показывает практика, движения могут превращаться в форму институционализированных агентов, создавать службы поставщиков продуктов, закрытые группы, клубы по интересам [Dowbor 2011: 2]. Чтобы объяснить специфику развития современных движений, недостаточно тех инструментов, которые предлагают теория политического процесса или теория мобилизации ресурсов. Современные представители социологии общественных движений в институциональном анализе видят новое направление для исследования движений [Schneiberg, Lounsbury 2008: 660]. Инструменты неинституциональной экономической теории позволяют выявить способность движений решать социальные проблемы, исследовать процесс формирования движением институциональных полей, новых форм договорённостей, новых социальных практик. В рамках неинституциональной теории движения следует представить в качестве формальных и неформальных «правил игры». Это будет способствовать выявлению условий эффективности самоорганизации индивидов, выделению специфики институциональных отношений активистов движений, пониманию отношений, возникающих между институтами и движениями. По мнению М. Лаунсбери и М. Шнайберг, институциональный анализ позволяет изучить процессы в институциональных полях, даёт возможность смоделировать динамику развития движений и помогает разъяснить результаты их деятельности [Schneiberg, Lounsbury 2008: 662].

Необходимо подчеркнуть, что институциональный анализ базируется на двух постулатах. Во-первых, на динамику движений воздействует институциональная среда и социально-экономические и институциональные возможности, которые предоставляются движениям в современном обществе. Во-вторых, важным является единство микро- и макроуровней, что воплощается во взаимосвязи целенаправленной деятельности участников объединений и институциональной системы. Пожалуй, главным аспектом в институциональном анализе является синтез деятельности индивидуальных акторов и институциональных норм. И хотя в неоинституциональной теории имеются различные мнения по поводу синтеза микро- и макроанализа [Фролов 2015: 161], в ходе изучения современных общественных движений учитывается возможность синтетического подхода к микро- и макроуровням социальной реальности, что отражается в концепциях П. Бергера, Т. Лукмана [Бергер, Лукман 1995], Э. Гидденса [Гидденс 2005], М. Спектора [Spector 1973], П. Штомпки [Штомпка 2005]. Учитывая всё вышесказанное, определим основные положения институционального анализа общественных движений.

Первое положение посвящено рассмотрению движений в качестве институционализированных практик, формальных и неформальных правил игры, которым следуют их участники. Неоинституционалисты считают нормой бытия социальных институтов изменения, реагирующие на динамику политических и социально-экономических процессов. По мнению Д. Норта, «социальные институты – это созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт 1997: 28]. Они задают определённый институциональный порядок, основанный на формальных и неформальных правилах. Правилам и нормам Д. Норт отводит довольно большое место в характеристике институтов. Правила – это иерархические структуры, являющиеся источником стабильности общественных отношений [Норт 1997: 69]. Система институционализированных практик очень сложна. Она включает в себя неустойчивые и устойчивые конструкции. Движения как организованные практики создают возможность индивидам удовлетворять потребности, регулируют поведение индивидов в рамках социальных отношений, обеспечивают выполнение желаемых действий, производят интеграцию стремлений, действий и отношений своих участников и сторонников. Общественные движения выступают в качестве субъектов институциональной среды и сами создают новые структуры в пределах институциональных полей. Если устойчивые институты (государство, политические партии) не решают конкретных социальных проблем, то деятельность движений как институционализированных практик направлена на реализацию актуальных потребностей.

Институциональный анализ базируется на двух постулатах. Во-первых, на динамику движений воздействует институциональная среда и социально-экономические и институциональные возможности, которые предоставляются движениям в современном обществе. Во-вторых, важным является единство микро- и макроуровней, что воплощается во взаимосвязи целенаправленной деятельности участников объединений и институциональной системы.

Кроме общих правил, лидерами вырабатываются внутренние ограничения, обязательные для участников движения. Движения, в отличие от организаций, имеют низкую степень формализованности, небольшую «пространственно-временную» продолжительность. Участник выступает как целостная личность. Индивидуальность доминирует над коллективностью. «Группа институционализируется в движении только тогда, когда она конституируется как коллективный субъект. Равно как движение, так и организации борются за институционализирование, но борются на основе различных проблемно решающих практик» [Димитров 2010: 173]. В общественных движениях формализованность проявляется в наличии устава и правил взаимодействия, которые регулируют институциональные отношения между участниками и социально-политическими субъектами. Иными словами, движения как институционализированные практики обладают организованностью и устойчивостью. Например, общественно-политические движения, создаваемые и функционирующие в России в конце прошлого века, обладали всеми атрибутами политических организаций: наличие устава, программы, организационной структуры, иерархичности, сети организаций на местах (характерно и для современных сетевых объединений).

Во втором положении акцентируется внимание на институциональной среде объединений индивидов. Институциональная среда движений включает в себя формальные правила, неформальные ограничения и определённый механизм социального контроля. В данном контексте важными являются замечания Д. Норта относительно значения формальных и неформальных ограничений. Формальные правила включают политико-правовые и экономические нормы. Институциональные правила либо создают стимулы для объединения индивидов, либо сдерживают процессы самоорганизации. Формальные ограничения оказывают влияние на формирование движений, определяют их цели, очерчивают поле деятельности. Неформальные нормы существуют в виде неписанных кодексов поведения, обычаев. По мнению Д. Норта, они являются «социально санкционированными нормами поведения», «внутренне обязательными для человека стандартами поведения», «продолжением формальных правил» [Норт 1997: 60]. Неформальные ограничения имеют довольно большое значение в жизни личности. Они действуют во всех проявлениях повседневной жизни и относятся к внутренним самоограничениям [Coase 1984: 230]. В современном обществе многое зависит от активности и компетентности участников неформальных отношений с органами власти и другими акторами политического процесса. Формальные правила и неформальные возможности формируют институциональный дизайн движений.

В российском обществе в конце 1980-х гг. множество объединений, клубов по интересам организовывались по неформальным правилам. Последующие реформы были продиктованы общественным хаосом и неопределённостью. В такой ситуации необходимы новые формальные ограничения, которые бы трансформировали неформальные правила. С целью изменения институциональных отношений были установлены политические нормы, благодаря которым движения приобрели институциональное поле, создали иную внутреннюю структуру, изменили своё содержание. Следствием политических реформ стала организация и формализация третьего сектора (как совокупности общественных объединений некоммерческого характера), появление новых форм движений, новых практик или проектов в российской институциональной среде.

Третье положение институционального анализа включает три уровня – институциональный, организационный и индивидуальный. Макроуровень (институциональный уровень) предполагает институциональную среду общественных объединений. Мезоуровень (организационный) включает процесс формирования новых форм общественной активности. Микроуровень (индивидуальный) представлен в качестве целенаправленной деятельности отдельных индивидов, интегрируемых общими интересами. В эпоху глобализации мирового сообщества структурам с горизонтальными отношениями принадлежит особая роль. В этом контексте транснациональный уровень предполагает деятельность сетевых движений. Хотя центр и координирует работу движений и организаций, однако элементы сети свободны в своём выборе и самостоятельно определяют путь развития.

В соответствии с транзакционным подходом на всех уровнях имеются транзакционные издержки, которые понимаются в качестве затрат участников движений. В связи с этим в институциональном анализе внимание акцентируется на деятельности участников в зависимости от их материальных и духовных затрат, от выбранных ими формы и содержания движения (флэшмоб, протестное движение, протопартия, виртуальное движение).

Учитывая специфику микроуровня, возникновение и динамику движений следует объяснять с точки зрения целенаправленной деятельности индивидов в определённой институциональной среде. Участники преследуют собственные интересы, действуют с конкретной целью согласно нормам, установленным государством, и правилам, обозначенным самими участниками (в случае, если индивидам предоставляется такая возможность). Представители неоинституционализма выдвигают на передний план не структуры, а субъектов, поддерживающих или изменяющих институционализированные практики. Как

В российском обществе в конце 1980-х гг. множество объединений, клубов по интересам организовывались по неформальным правилам. Последующие реформы были продиктованы общественным хаосом и неопределённостью. В такой ситуации необходимы новые формальные ограничения, которые бы трансформировали неформальные правила.

и любая институционализированная практика, движения имеют и порождают объективную реальность, включающую в себя условия, способы организации объединения, социальный контекст, в котором взаимодействуют участники с другими акторами. В связи с тем, что участники осведомлены о правилах игры, в рамках которых они вынуждены действовать, создаётся институциональная среда. Участники движения выполняют определённую роль и отождествляют себя с формой действия. Со временем форма типизируется и приобретает объективный смысл. Коллективная деятельность реализуется посредством исполняемых участниками институциональных ролей, что в целом представляет собой институциональный порядок, имеющий объективный смысл.

В рамках неоинституционального подхода акцентируется внимание на взаимодействии субъективных и объективных факторов. *Поэтому в четвёртом положении уделяется внимание условиям возникновения и развития общественных движений на основе институциональных соглашений, правил игры, ресурсов.* В связи с этим особое значение для институционального анализа имеет теория институциональных отношений Э. Остром, которая синтезирует деятельность индивидуальных акторов (участников, пользователей) и институциональные правила [Остром 2010]. Американским исследователем учитывается значение формальных и неформальных норм и социально-экономических условий. В теории институциональных отношений Э. Остром, связанных с «эффективным регулированием и управлением общих ресурсов», обозначены четыре этапа исследования проблемной ситуации: «описание структуры изучаемой ресурсной системы», «описание поведения пользователей общими ресурсами», «описание правил, которыми руководствуются пользователи», «результаты, проистекающие из указанного поведения пользователей» [Остром 2010: 14–16]. Основными элементами, на которые обращает внимание учёный, являются институциональная структура, правила игры пользователей и организационный потенциал участников ситуации. По мнению Э. Остром, для решения социальной проблемы с целью «быстро найти оптимальное институциональное решение» необходим широкий набор правил, а также предоставление возможностей самим индивидам решать проблемы.

Учитывая мнения «сторонников централизации» (сильной государственной власти) и «сторонников приватизации» (власти частных институтов), Э. Остром предлагает в качестве «институционального варианта» решения проблемной ситуации «обязательственный контракт». Причём участники контракта сами вырабатывают «стратегию сотрудничества», «структуру институциональных договорённостей» [Остром, 2010: 126]. Важным условием является признание мест-

В рамках неоинституционального подхода акцентируется внимание на взаимодействии субъективных и объективных факторов.

ной властью соглашения и наличия результатов деятельности участников в соответствии с договорённостями. Аналитические замечания и выводы, к которым приходит Э. Остром в своей работе, помогли определить возможности современных российских движений. Мы обозначили три группы возможностей. Социально-экономические возможности – это социальные, финансовые, материальные ресурсы, которые необходимы участникам для общественно-политической деятельности. Организационные возможности движения – способность индивидов к объединению усилий, к осуществлению деятельности для реализации поставленных целей, мобилизации населения в определённом социально-политическом контексте. Под политическими возможностями понимается способность участников движений в определённой институциональной среде обладать ресурсами для эффективной общественно-политической деятельности, которая зависит от поддержки российских властей различных уровней. С момента организации движения имеют проблемы, ограничивающие их активность: недостаток финансовых, информационных, социальных, административных ресурсов. Поэтому, расширение политических возможностей развития движений позволит решить множество проблем, с которыми сталкиваются активисты движений и рядовые граждане в современном российском обществе.

Пятое положение посвящено определению динамики общественных движений, организационной активности участников во времени и пространстве, которая зависит от формальных правил, регулирующих их деятельность. В связи со сложностью объекта исследования, в социальной динамике движений проблематично выделить чёткие ритмы активности движений, поэтому следует обозначить общие тенденции их развития. При этом необходимо принимать во внимание и многоплановость изменений самих движений.

Основным показателем динамики является активность движений как реальная возможность создавать организованные практики и правила, регулирующие деятельность участников. Выделим общий вектор развития движений в начале XXI в. С одной стороны, с конца прошлого столетия по настоящее время количество движений в российском обществе постоянно увеличивается; иными словами, индивиды имеют организационную возможность и обладают способностью создавать организованные практики. С другой стороны, специфика современных общественных движений проявляется в определённом социальном и политическом контексте, в котором они развиваются и вынуждены действовать. Формальные и неформальные нормы не только структурируют движения, но и формируют механизм взаимодействия элементов гражданского общества, органов власти и других институтов. И в этом случае следует акцентировать внимание на зависимости организо-

Формальные и неформальные нормы не только структурируют движения, но и формируют механизм взаимодействия элементов гражданского общества, органов власти и других институтов.

ванных практик от институциональной среды. Формальные правила (например, законы об общественных движениях 1990, 1995 гг., о политических партиях 2001, 2012 гг.) определяют российским движениям путь развития. Новые правила игры влияют и на вновь созданные формы объединений индивидов. В качестве примера следует привести виртуальные движения, которые имеют устав, программу, а их участники ставят перед собой определённую цель.

Таким образом, в ходе институционального анализа отчётливо прослеживается институциональная зависимость движений. Институциональные изменения порождают перемены в социальных практиках, способствуют появлению новых форм активности, к каким следует отнести многие виды современных движений. В российской институциональной среде, получив нормативную базу, движения приобрели возможность для функционирования в гражданском обществе согласно уставу, программе, обозначенным в институциональных соглашениях целям и задачам. Если в 1990-е гг. в России общественные движения и политические партии развивались по одним правилам и формальные и неформальные ограничения способствовали развитию политического сектора объединений, то с начала XXI в. деятельность движений направляется в социальную сферу. И государство как политический институт, и гражданское общество как система общественных институтов и социальных отношений заинтересованы в конструктивном сотрудничестве. Но для этого необходимо установить гибкую систему взаимодействий различных форм общественного участия и властных структур.

Новая институциональная теория как «быстрорастущее и динамично развивающееся направление» в последние десятилетия оказала значительное влияние на развитие не только экономики [Расков 2010: 82], но и других наук, в том числе и социологии общественных движений. Из-за своего методологического разнообразия идеи неинституционализма используются учёными различных наук. Положения неинституциональных теорий помогли выстроить в социологии движений новую концептуальную структуру, где в форме связей между её понятиями определяются институциональные свойства движений и других элементов общества. С помощью её инструментов в институциональном анализе выработан алгоритм исследования современных движений, который состоит из следующих значимых элементов: изучение движений как правил игры, определение институционального дизайна движений, характеристика институциональных возможностей движений, выявление динамики движений.

Применение идей неинституциональной теории способствует выработке нового взгляда на современные движения как институционализированные практики. Представление движе-

Положения неинституциональных теорий помогли выстроить в социологии движений новую концептуальную структуру, где в форме связей между её понятиями определяются институциональные свойства движений и других элементов общества.

ний в качестве правил игры «в структуре институциональных договорённостей» позволяет понять специфику этого феномена в целях более эффективного воздействия на социальную практику и обозначить новое направление для дальнейшего исследования современных движений.

Библиографический список

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 323 с.

Бренделева Е. А. 2003. Неинституциональная теория / Под ред. проф. М. Н. Чепурина. М.: ТЕИС. 253 с.

Гидденс Э. 2005. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 528 с.

Димитров Р. 2010. Организация, движение, институт // Общественные самодеятельные движения: проблемы и перспективы. М.: Логос. 210 с.

Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Остром Э. 2010. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль. 447 с.

Пономарева И. В. 2010. Методология институционального анализа в социальных исследованиях // Социология социальной реальности: методология, теория, методика исследований явлений и процессов. Сборник статей и материалов преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры социологии Кубанского государственного университета. Т. 1 / Под ред. В. Н. Петрова, Е. М. Куликова, В. Н. Ракачева. Краснодар: Просвещение-Юг. С. 116–130.

Расков Д. 2010. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 5. С. 81–95.

Фролов Д. П. 2015. Обзор XI Пущинского симпозиума по эволюционной экономике // Журнал институциональных исследований. Т. 7. № 4. С. 157–162.

Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 664 с.

Coase R. (1984). The New Institutional Economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Vol. 140. P. 229–231.

Dowbor M. 2011. Institutional dimensions of social movements: case study of the Sanitariomovement and its fight for universal access to health in Brazil. Democracy, Governance and Development: Between the Institutional and the Political

the First Oxford DGD Conference in June 2011 // URL: <http://www3.qeh.ox.ac.uk/pdf/qehwp/qehwps187.pdf> [Дата посещения: 24.10.2016].

Evans E. 2010. Constitutional inclusion of animal rights in Germany and Switzerland: how did animal protection become an Issue of national importance? // *Society and Animals*. V. 18. № 3. P. 231–250.

King B. 2011. The tactical disruptiveness of social movements: Sources of market and mediated disruption in corporate boycotts // *Social Problems*. Vol. 58. № 4. P. 491–517.

Kriesi H. 1995. The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization // Jenkins J., Klandermans B. *The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on States and Social Movements*. London: UCL Press. P. 83–99.

Schneiberg M., Lounsbury M. 2008. Social Movements and Institutional Analysis // *The handbook of organizational institutionalism*. V. 648. P. 648–670.

Soule S., Olzak S., Coddou M., Munoz J. 2016. Friends or Foes? How Social Movement Allies Affect The Passage of Legislation in the U.S.Congress // *Mobilization: An International Quarterly*. V. 21. № 2. P. 213–230.

Spector M., Kitsuse J. 1973. Social Problems: a reformulation // *Social Problems*. Vol. 21. № 2. P. 145–159.

Swanson D. 1999. Toward an integrative theory for business and society: A research strategy for corporate social performance // *Academy of Management Review*. Vol. 24. P. 506–521.

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.448

Institutional Analysis as a Promising Direction for the Evaluation of Social Movements (An Analytical Overview)

Skobelina Natalia Anatolyevna

Doctor of Sociological sciences, Associate professor, Professor, Chair of Social Work and Pedagogics, Volgograd State University, Volgograd, Russia. E-mail: volnatmax@mail

Abstract. This article highlights certain aspects of the institutional analysis of social movements. The author defines institutional analysis as a promising way of evaluating social movements. Utilizing instruments of the new institutional economic theory, social movements are examined as institutionalized practices in a certain institutional environment. The author defines the role of formal and informal rules for forming and developing movements. An algorithm for evaluating social movements is devised within the framework of the neo-institutional theory, the former being comprised of the following important aspects: examining movements as rules of play, defining the institutional design of movements, studying institutional capabilities of movements, describing the dynamic of movements. With attention mainly being focused on the institutional dependence of social movements, defined during the course of the institutional analysis is the organizational activeness of movements in time and space. The author emphasizes the fact that the key role in

the dynamics of movements is placed upon institutional environment. Formal and informal norms structure movements and form the mechanism of interaction between government bodies and civil society institutions. The article highlights the political, social-economic and organizational capabilities which are provided to social movements by the institutional environment. Increased capabilities can help those who partake in movements solve several of those problems which ordinary citizens of Russia encounter. The author concludes that in modern Russian society a considerable role is played by those institutional conditions which the government provides to its citizens in order to articulate their interests.

Keywords: social movements, new institutional economics, institutional analysis, dynamics.

References

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotziologii znaniya [Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium, 1995. 323 p.

Brendeleva E. A. Neoinstitucional'naya teoriya [Neoinstitutional Theory]. Ed. by M. N. Chepurina. Moscow, TEIS, 2003. 253 p.

Coase R. The New Institutional Economics. Journal of Institutional and Theoretical Economics, 1984, vol. 140, pp. 229–231.

Dimitrov R. Organizaciya, dvizheniye, institut [Organization, Movement, Institute]. Obschestvennyye samodeyatel'nyye dvizheniya: problemy i perspektivy. Moscow, Logos, 2010. 210 p.

Dowbor M. Institutional dimensions of social movements: case study of the Sanitario movement and its fight for universal access to health in Brazil. Democracy, Governance and Development: Between the Institutional and the Political the First Oxford DGD Conference in June 2011. The web portal "QEH Working Paper Repository". Release 2011. URL: <http://www3.qeh.ox.ac.uk/pdf/qehwp/qehwps187.pdf> [date of visit: 24.10.2016].

Evans E. Constitutional inclusion of animal rights in Germany and Switzerland: how did animal protection become an Issue of national importance? Society and Animals, 2010, vol. 18, no 3, pp. 231–250.

Frolov D. P. Obzor XI Puschinskogo simpoziuma po evoliucionnoy ekonomike [Review of the 11th Pushchino Symposium on Evolutionary Economics]. Zhurnal institucional'nykh issledovaniy, 2015, vol. 7, no 4, pp. 157–162.

Giddens A. Ustroenie obschestva: Ocherk teorii strukturacii [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akademicheskyy proekt, 2005. 528 p.

King B. The tactical disruptiveness of social movements: Sources of market and mediated disruption in corporate boycotts. Social Problems, 2011, vol. 58, no 4, pp. 491–517.

Kriesi H. The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization. Jenkins J., Klandermans B. The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on States and Social Movements. London, UCL Press, 1995, pp. 83–99.

Nort D. Instituty, institucional'nyye izmeneniya i funkcionirovaniye ekonomiki. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi Nachala, 1997. 180 p.

Ostrom E. Upravliaya obschim: evoliuciya institutov kolektivnoy dejatel'nosti [Managing the General: the Evolution of the Institutions of Collective Activity]. Moscow, IRISEN, Mysl', 2010. 447 p.

Ponomariova I. V. Metodologiya institucional'nogo analiza v social'nykh issledovaniyakh [Methodology of Institutional Analysis in Social Studies]. Sociologiya social'noy real'nosti: metodologiya, teoriya, metodika issledovaniy javleniy i processov. Vol. 1. Ed. by V. N. Petrov, E. M. Kulikov, V. N. Rakachev. Krasnodar, Prosvetshenie-Jug, 2010, pp. 116–130.

Raskov D. Ritorika novoy institucional'noy ekonomicheskoy teorii [Rhetoric of a New Institutional Economic Theory]. Voprosy ekonomiki, 2010, no 5, pp. 81–95.

Schneiberg M., Lounsbury M. Social Movements and Institutional Analysis. The handbook of organizational institutionalism, 2008, vol. 648, pp. 648–670.

Shtompka P. Sotziologija. Analiz sovremennogo obschestva [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow, Logos, 2005. 664 p.

Soule S., Olzak S., Coddou M., Munoz J. Friends or Foes? How Social Movement Allies Affect The Passage of Legislation in the U.S. Congress. Mobilization: An International Quarterly, 2016, vol. 21, no 2, pp. 213–230.

Spector M., Kitsuse J. Social Problems: a reformulation. Social Problems, 1973, vol. 21, no 2, pp. 145–159.

Swanson D. Toward an integrative theory for business and society: A research strategy for corporate social performance. Academy of Management Review, 1999, vol. 24, pp. 506–521.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>